

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ - 1977

4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БАКУ — 1977

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*
Корректоры *Э. Я. Алиева, Ф. М. Джавадова*

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 17/VIII-1977 г. Подписано к печати 29/XII-1977 г. ФГ 19448. Формат
бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 8,3. Усл. печ. л. 11,5. Уч. изд. л. 10,7.
Заказ 1056. Тираж 2780. Цена 1 руб.

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.
Типография им. 26-ти бакинских комиссаров, ул. Али Байрамова, 3.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Л. В. РЕШЕТОВА

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ НАПОЛНЯЕМОСТЬ INSTRUMENTALIS'А В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

Язык, как известно, — коммуникативная система, способная выражать грамматические связи, в которой отдельные структурные единицы языка семантически обозначают предметы, состояния и действия, связанные по принципу конвенциональности. И совершенно естественно, что лица, принадлежащие к разным языковым коллективам, проявляют определенное единообразие в использовании лингвистических универсалий, поскольку все живые языки в той или иной степени утилизируют одни и те же или сходные основные грамматические категории и связи между ними в речевом потоке.

Однако, несмотря на наличие сходных лингвистических универсалий, каждый язык в процессе своей историко-грамматической эволюции выработал и отобрал отстоявшиеся обобщенные представления об основных элементах языковой структуры, которые, с одной стороны, характеризуют его как самостоятельное средство коммуникации данного языкового коллектива, а с другой — позволяют по наличию сходной языковой структуры отнести язык к определившейся группе типологической классификации языков вообще.

В этом отношении грамматическая категория падежа, имеющая определенные морфологические показатели и выражающая связь имен в широком смысле с другими компонентами в процессе речи, является наиболее показательной и емкой в ряду интересных лингвистических универсалий разносистемных языков. В качестве примера рассмотрим употребление творительного падежа на материале разных (по возможности) генетических и ареальных групп языков.

Творительный падеж¹ (инструменталь)² в большинстве падежных языков мира представляет собой категориальную форму падежа «с основным значением орудия или средства, при помощи которого производится действие»³. Отсюда и название его в некоторых языках — «орудийный» (или «орудный») ⁴. Однако при наличии подобных функций не все языки имеют этот падеж, как, например, киргизский. Высказывав-

¹ Узб. *биргалик келишик*; каз. *көмектес септік*; кирг. *творительный жөндөмө*; туркм. *творительный дүшүм*; чув. *пёрлелёх падеж*; англ. *instrumental case*.

² От латинского слова *instrumentalis* — «относящийся к инструменту».

³ О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 469.

⁴ Орудийный падеж существует, например, в языке якутов. См.: Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Якутск, 1947.

шиеся в свое время мнения о наличии в киргизском творительного падежа⁵ были подвергнуты в дальнейшем основательной критике⁶.

Между тем данное обстоятельство не таит в своей основе ничего необычного и странного. Оно обусловлено прежде всего самой функцией общения, ибо говорящий на том или ином языке всегда стремится к тому, чтобы слушатели правильно восприняли и усвоили его речь.

Поэтому любой язык тяготеет к сохранению уже имеющейся конъюнктуры, что и произошло с киргизским языком.

То же самое можно сказать также об узбекском, туркменском, уйгурском, татарском и некоторых других языках. Например, утверждение, выражаемое в русском языке фразой «Дрова рубят топором», передается по-татарски как *Утынны балта белэн кисгэлэр*, по-узбекски —

Ўтинни болта билан ёрадилар. Равным образом мы вправе ожидать, что в настоящее время в туркменском и уйгурском языках при передаче подобных отношений грамматический механизм также ложится на послелог *билан*⁷.

Приводя эти примеры, мы не ставили целью доказать, будто послелог *билан* в сочетании с основным падежом полностью охватывает объем значений творительного падежа балтийско-славянских языков. Однако безусловно то, что он играет важную и чуть ли не основную роль в передаче этих значений. В языках флективного типа творительный падеж обладает такими значениями, которые в настоящее время передаются рассматриваемыми нами современными тюркскими языками другими средствами. Последнее свидетельствует о том, что любой язык всегда обладает своим, присущим только ему характером грамматических значений, своими национальными особенностями средств выражения всевозможных отношений. Причем все эти коммуникативные средства представляются одинаково пригодными, хотя и далеко не постоянными, что «целиком и полностью зависит от функции общения и объясняется ею»⁸.

И действительно, есть тюркские языки с формами Instrumentalis'a, возникшими из слияния деформированного, превратившегося в аффикс послелога с именем. Так, в современном чувашском языке общеупотребительным аффиксом творительного падежа *-на, -не* является сокращенный послелог *палан ~ пелен*, например: *Эпӗ музыкăна* (дополнение в творительном падеже) *интересленетӗп* 'Я интересуюсь музыкой', *Эсӗ кăшăна* (обстоятельство времени в творительном падеже) *кил* 'Ты приходи вечером' или *Пашманна* (совместность или соучастие в действии) *кӗреш* 'Бороться с врагом' и т. д.⁹

Подобная инновация прослеживается и в казахском языке, где в результате процесса деривации творительно-соединительный падеж получил все права на самостоятельное выделение в грамматике¹⁰, поскольку

⁵ И. А. Батманов. Употребление падежей в киргизском языке. Фрунзе—Казань, 1938, стр. 6.

⁶ Х. К. Карасаев. Семантика падежей киргизского языка. — «Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР». Фрунзе, 1944, стр. 11.

⁷ Этот послелог встречается в большинстве тюркских языков и выступает в следующих фонетических вариантах: в древнетюркском *бирлен ~ бирле*, в туркменском, уйгурском *билен*, в татарском *белэн*, в кумыкском *булан ~ мулен*, в узбекском *билан*, в ногойском *бинен ~ минен*, в киргизском, каракалпакском *менен*, в башкирском *менэн*, в казахском *менен ~ бенен ~ пенен*, в чувашском *палан ~ пелен*, в шорском *пыла* и т. д.

⁸ Б. А. Серебренников. К проблеме о сущности языка. — «Общее языкознание». М., 1970, стр. 80.

⁹ Примеры заимствованы из «Русско-чувашского словаря». М., 1951, стр. 880.

¹⁰ В. А. Исенгалиева. Употребление падежей в казахском и русском языках. Алма-Ата, 1961, стр. 73.

формант *-мен* (*-бен*, *-пен*) представляет собой остаток послелого *менен* (*бенен*, *пенен*), утратившего свое самостоятельное послеложное значение и перешедшего в падежное окончание.

Можно полагать, что в подобном же плане шло развитие сочетания имен с послелогом *ile//la*, *-le* 'с...', 'вместе с...' в турецком языке, краткий вариант которого *-la*, *-le* пишется слитно с управляемым словом и подчиняется гармонии гласных, например: *benim ile//benimle* 'со мной', *baba ile//babayla* 'с отцом' и т. д.¹¹

Показательно в этом отношении и образование Instrumentalis'a в джекающих говорах узбекского языка, ср., например: *атанг билан* ~ *атангман* 'с твоим отцом', *биз билан* ~ *бизиман* 'с нами'. Перед нами послелог джекающего говора *мынан* ~ *минан* (литературно-орфографическое *билан*), уже перешедший в разряд морфологических показателей и выступающий формантом социативной функции творительного падежа¹².

Таким образом, все подобного рода стяженные формы появились в языках, по-видимому, в результате стремления максимально облегчить произношение, сократить количество затрачиваемой на него мышечной энергии — «это общая черта для всевозможнейших видов продуктивно-трудовой деятельности человечества»¹³. Эта-то коммуникативная тенденция, а наряду с ней и стремление устранить артикуляционные затруднения порой неосознанно и независимо от желания говорящих и влекут за собой образование дополнительных, наиболее рациональных и экономных средств общения.

Коль скоро это так, то мы вправе ожидать (пусть даже в далеком будущем!) изменения количества падежей в парадигме склонения этих языков в связи с функционированием Instrumentalis'a, как это произошло, например, с современными казахским и чувашским языками.

Однако решить вопрос — имеем ли мы дело с новым образованием или с ассоциацией старой формы — представляется крайне затруднительным. И тем не менее известно, что во многих современных тюркских языках объектные и темпоральные отношения, например, выражаются не функцией Instrumentalis'a, а особой формой (послелог + имя существительное в основном падеже), тогда как в истории этих языков подобные отношения выражались орудным падежом, ср., например, *Бир эриг оқын урты* (Кб, 36) 'Одного мужа (воина) он поразил стрелой'¹⁴.

Однако, по мнению А. Ислямова, этот падеж (с его аффиксами *-ың*, *-ин*, *-уң*, *-ун*) представляет собой «...совершенно особую форму имени и ни в коем случае нельзя искать какой-либо связи между ним и творительным падежом в современном казахском языке»¹⁵.

Глубокий анализ этих аффиксов дан А. Г. Гулямовым. Он, в частности, пишет: «Данный аффикс, который по происхождению, как известно, является показателем древнего орудного падежа, образует наречия от имен»¹⁶. Иллюстрировав это утверждение многочисленными приме-

¹¹ А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка. М.—Л., 1941, стр. 188.

¹² В. В. Решетов. Узбекский язык. Ташкент, 1959, стр. 305.

¹³ Е. Д. Поливанов. Где лежат причины языковой эволюции. — «Статьи по общему языкознанию», М., 1968, стр. 81.

¹⁴ Пример взят из работы: А. Ислямов. Употребление падежей в языке древнетюркских памятников. — «Ученые записки Семипалатинского педагогического института имени Н. К. Крупской», вып. II. Семипалатинск, 1957, стр. 287.

¹⁵ Там же, стр. 287.

¹⁶ А. Г. Гулямов. Проблемы исторического словообразования узбекского языка. Докт. дисс. Ташкент, 1955, стр. 774.

рами [бирин келсә рәхәт, келур рәнж өнүн (Ах. Югнаки) 'если удовольствие приходит по-одному, то тяжесть (несчастье) приходит десятками' и др.], А. Г. Гулямов заключает: «Этот продуктивный аффикс образует наречия времени (когда сам корень обозначает время), места и образа действия»¹⁷. Сравните аналогичные славянские наречия времени типа *утром, вечером, порой*. Похожее явление можно наблюдать и в греческом языке, где творительный падеж не сохранился и остатки формы прослеживаются лишь в некоторых наречиях на $\bar{a}$ ¹⁸.

В языках аналитического типа, как например, в английском, легко заметна нижеследующая особенность Instrumentalis'a, для наглядного выявления которой переведем на английский два русских предложения: а) Книга разорвана моим учеником (кем?); б) Я недоволен моим учеником (кем?). — а) *The book is torn by my pupil*; б) *I am displeased with my pupil*.

Приведенные примеры показывают, что в английском резко различаются две аналитические конструкции творительного падежа: активная (с предлогом *by*) и пассивная (с предлогом *with*). В первом предложении — активная конструкция, так как действие произведено самим учеником, а во втором — пассивная, так как действует субъект «я», а ученик пассивен.

Следовательно, этот язык обладает тенденцией к употреблению предлогов для выражения понятий, передаваемых в славянских языках формативами, а во многих тюркских — послелогоми.

Рассмотрим синтаксические функции Instrumentalis'a, имеющего в языках разной системы как сходства, так и расхождения:

— **сходства**: лишь частичные и не по всем языкам;

— **расхождения**: адverbальные сочетания слов, выражающие **объектные, темпоральные** (выражение временного отрезка и действия, повторяющегося во времени), **локальные, квантитативно-модальные, и каузальные** отношения.

Как показывают факты различных языков, в огромном большинстве случаев творительный падеж (здесь имеются в виду только те языки, в которых он существует) обладает способностью употребляться с большим количеством предикативных глаголов и выражать самые разнообразные коммуникативные отношения. Поэтому несомненный интерес представляет выяснение тех семантико-синтаксических функций, к которым относятся конструкции типа: глагольный компонент + именной компонент в форме Instrumentalis'a.

Объектные отношения. Круг употребления сочетаний слов, выражающих объектные отношения, довольно широк. Причем эта функция творительного падежа наиболее четко выражается в том случае, когда и именной, и глагольный компоненты обладают конкретным значением; особенно характерным является инструментальное, орудное значение или средство действия (в широком смысле).

На восточнославянской почве такое коммуникативное построение является богатым фондом обогащения литературных языков. Ср., например, у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине»: *Татьяна пред окном стояла, На стекла хладные дыша, Задумавшись, моя душа, Прелестным пальчиком писала На отуманенном стекле Заветный вензель О да Е; или: Предлинной хворостиной Мужик Гусей гнал в город продавать*

¹⁷ А. Г. Гулямов. Указ. раб. стр. 774.

¹⁸ Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. 2. М., 1957, стр. 396.

(И. А. Крылов)¹⁹; *Женя отрицательно покачала головой, и слезы показались у нее на глазах* (А. П. Чехов).

Украинский язык, как язык восточнославянский и географически соседствующий с русским, имеет значительные сходства с ним. В этом языке объектные отношения, так же как и в русском, выражаются творительным падежом, например: *Корчагін охопив голову руками й замислився* (Н. Островский). Ср. также белорусское: *Карчагін абхапіў галаву рукамі, цяжка задумаўся*.

Эта, казалось бы, незначительная общая черта в языковом строе русского, украинского и белорусского языков также указывает на общность их происхождения²⁰.

Внутри данной категории в соответствии со значением обоих компонентов конструкции следует обособить еще две группы сочетаний слов, в которых функция объектных отношений еще более конкретизирована. В первую группу входят сочетания слов, где глагольный компонент выражает значение обеспечения, снабжения, наделяния, а именной — предмет, которым обеспечивают, снабжают, наделяют и т. д. Классическим образцом могут служить следующие строки А. С. Пушкина из «Евгения Онегина»: *Чей взор, волнуня вдохновенье, Умильной лаской наградил Твое задумчивое пенье? Кого твой стих боготворил?* Во вторую группу входят сочетания слов, где глагольный компонент выражает движение, а именной — предмет, которым совершается это движение. Так, у М. Горького в «Жизни Клима Самгина» читаем: *В прихожей Диомидов топал ногами, надевая галоши*. Ср. также ст.-слав. *кожемъ оударити*²¹.

Приведенные примеры из языков восточного ареала, в отличие от других типов языков, демонстрируют релятивную приспособляемость и выразительную экспрессивность славянского синтаксиса. Отсюда можно заключить, что процесс полного развития Instrumentalis'a получил свое начало именно в подобных языках, откуда он, возможно, и распространяется на другие типы языков. Действительно, не менее наглядно, но несколько в ином качестве функционирует это значение в ряде тюркских языков, которым уже присущ Instrumentalis, возникший, вероятно, в условиях русско-тюркского билингвизма. Так, например, в казахском языке находим: *Шөже-ақынды да өз құлагымен есітті* (М. Ауэзов) 'И акына Шөже он слышал своими ушами'. В чувашском соответствии можно проследить тот же порядок, ср. *Хълхана илтетпёр кұсна куратпър* 'Мы слышим ушами, видим глазами'.

Такого рода конструкции широко распространены и в мансийском языке с его суффиксами *-л*, *-ыл*, *-ил* (ср. узб. *-ила*, *-ла*), например: *Ойка саграпыл йив сагри* 'Старик топором рубит дерево'²².

Однако, как известно, языки мира изменяются неодновременно и неодинаково. И это положение не является помехой для общения, поскольку любые коммуникативные средства действенны, если они обеспечивают единство форм логического мышления.

Действительно, если только что приведенные примеры из восточнославянских и некоторых тюркских языков сравнить с примерами из

¹⁹ Обычно творительный объекта предполагает обязательное наличие прилагательного, ср. в приведенных выше примерах: *прелестным пальчиком писала, предлинной хворостинкой гнал*.

²⁰ Подробнее об этом см.: Ф. Л. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972; его же. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962.

²¹ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 376.

²² А. Н. Баландин и М. П. Вахрешева. Мансийский язык. Л., 1957, стр. 67.

других языков агглютинативного типа, не имеющих творительного падежа вообще, то увидим, что в основе их лежат большие расхождения и что, благодаря действию различных ассоциаций, одно и то же понятие выражается по-разному в типологически различных языках. Так, в большинстве современных тюркских языков значение творительного падежа выражается формой именительного (~ основного) падежа с основными значениями послелога *билан* (другие варианты *-ила*, *-ла*, в разговорном языке *минан*, *минам*). Ср. узб. *Йулчи этиги билан унинг белига яна бир тенди* (Ойбек) 'Юльчи еще раз пнул его сапогом в поясну'.²³

Этот и подобные примеры ясно показывают, что аналитическая конструкция *этиги билан... тенди* (букв.: 'его сапог с... пнул'), выражающая объектные отношения, выглядит так: слово *этик* 'сапог' (форма основного падежа), к которому присоединяется аффикс принадлежности 3-го лица единственного числа *-и* + послелога *билан* 'с' ... + дистантное положение глагольного компонента *тенмоқ*, 'пинать' в сочетании с аффиксом *-ди*, выражающим сказуемость и прошедшее время.

Некоторые лингвисты считают возможным утверждать, что подобного рода аналитические конструкции в тюркских языках возникли под влиянием соответствующих русских моделей лишь в советскую эпоху²³, сравните, например, туркм. *Окув процесси билен гызыкланмак*²⁴ 'Интересоваться процессом обучения'. Между тем, если это действительно так и если учесть, что наиболее ранние языковые контакты славян с тюркскими племенами относятся еще к V—VII векам²⁵, то это влияние, вероятно, несравненно более раннего периода, о чем свидетельствуют хотя бы данные хорезмийских памятников XIV века. Сравните, например: *Ол қул икки ели билән кема йивлерине йабушты* 'Тот раб схватился обеими руками за корабельные канаты'²⁶.

Такое коммуникативное построение одержало верх во многих современных тюркских языках. Так, горьковские строки: «И снова он упал на землю и долго бился головой об нее» переводятся на киргизский язык: *Ал кайта жерге сулап, көпкө чейин жерди башы менен койгулап жатты*. А строки Д. Мамина-Сибиряка: «Осип Иванович энергично вытер свое вспотевшее румяное лицо бумажным платком» переводятся на туркменский: *Осип Иванович өз дерлән гырмызы йүзүни кагыз билен сүпүрди*.

Выше речь шла о сочетаниях слов с конкретным значением. Иной характер носят сочетания слов с отвлеченным значением, в которых орудное значение в управляемом слове несколько ослабляется и на смену приходит значение косвенного объекта. Эти сочетания слов выражают объект, на который направлено действие, а также косвенный объект этого действия. Особенно ярко подтверждают эту коммуникативную функцию факты восточнославянских языков. Сравните, например, русск. *Будучи обижена зрителем тюрьмы, она объявила ему, что уморит себя голодом, если он не извинится перед ней, и восемь дней не кушала* (М. Горький).

Важно отметить, что коммуникативная функция объектных отношений и значение именного компонента в творительном падеже в некоторых

²³ С. Н. Атаев. Вопросы развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Алма-Ата, 1964, стр. 203.

²⁴ Л. И. Баранникова. О языковых контактах. — «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР», М., 1969, стр. 199.

²⁵ Н. А. Баскаков, В. И. Абаев, Т. А. Бертагаев, Е. А. Бокарев, И. Г. Добродомов, В. И. Лыткин, С. И. Ожегов, Г. П. Ижакевич. Развитие и обогащение русского языка за счет заимствований из языков народов СССР. — «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР», М., 1969, стр. 48.

²⁶ См.: Э. Фазылов. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1967, стр. 107.

языках весьма обширны и разнообразны. В связи с этим в зависимости от значения глагольного компонента, вероятно, целесообразно выделить еще три подгруппы словосочетаний, в которых глагольный компонент выражает: 1) значение наполнения, насыщенного до предела, типа русск. *Он держал в руках портфель, набитый какими-то бумагами* (Д. Мамин-Сибиряк); 2) значение обладания чем-либо, проявления внутреннего интереса к чему-либо, типа русск. *В речах своих он (Анненский) был юношески горяч, великолепно владел острым словом, метко, как художник, попадал им в цель...* (А. М. Горький); 3) значение правления, руководства, пребывания во главе чего- или кого-либо, типа русск. *Необычно и странно было видеть Ленина гуляющим в парке Горького, — до такой степени срослось с его образом представление о человеке, который сидит в конце длинного стола и, усмехаясь, поблескивая зоркими глазами рулевого, умело, ловко руководит прениями товарищей* (М. Горький).

Совсем иная картина наблюдается в германских языках, где выступает стремление уточнить эти конструкции с помощью всевозможных предлогов. Наиболее близким эквивалентом их в английском языке, например, является предлог *by*: *Different relations must be expressed by different prepositions* 'Разные отношения должны быть выражены разными предлогами'.

Такая коммуникативная функция свойственна также целому ряду других языков. Однако коммуникативные средства передачи этой функции в разных языках различны. Так, в тюркских языках, и, в частности, в узбекском, в этом случае применяется дательно-направительный падеж: *Муассасага рахбарлик қилмоқ* 'Руководить учреждением' (букв.: 'Учреждению руководство делать').

Подобного рода передачу смыслового значения можно видеть на многих примерах из других тюркских языков, где также отсутствует творительный падеж, но функция инструментальности существует. Сравните кирг. *Жумушчу кыймылына жетекчилик кылуу* 'Руководить рабочим движением'; туркм. *Совет адамлары өз үстүнликлерине гуванярлар* 'Советские люди гордятся своими успехами'.

В казахском языке отступление в том же направлении еще резче. В нем выражение объектных отношений передается не только *Instrumentalis*-ом, имеющимся в этом языке, но и именительным, винительным и дательно-направительным падежами, что обусловлено падежным синкретизмом, определяемым самой структурой языка. Так, строки А. П. Чехова: «Надо, чтобы даровитая здоровая молодежь занималась науками, искусствами и политикой!» переводятся на казахский язык следующим образом: *Талапты, бірлігі күшті жастардың ғылыммен, көркемөнермен және саясатпен шұғылдануы керек!*

С функциональной точки зрения, эти словосочетания с творительным падежом в современном казахском языке довольно часты. Однако сюда же непосредственно примыкают и такие случаи передачи объектных отношений, как: *Біз әдемі және қолайлы мебельдерге* (дательно-направительный падеж) *ие болдық* 'Мы обзавелись красивой и удобной мебелью'.

Это обстоятельство свидетельствует о том, что изменение в способе выражения объектных отношений, происшедшее в казахском языке, еще не привело к утрате старого способа выражения этих отношений (и может не привести вообще!). А сосуществование этих форм «порождает» вариантность, в отдельных случаях на длительный срок закрепляемую языковой нормой²⁷. И, таким образом, «для того, чтобы этот процесс

²⁷ Н. Н. Семенюк. Некоторые вопросы изучения вариантности. — «Вопросы языкознания», 1965, № 1, стр. 52.

реализовался в виде существенно новой с и с т е м ы..., нужна по крайней мере смена двух или трех поколений»²⁸.

Темпоральные отношения. Творительный падеж обозначает в этих конструкциях заполнение действием лишь части какого-то периода или отдельного момента объективной действительности, выраженного в именном компоненте.

Здесь следует рассмотреть два основных разряда: 1) сочетания слов, выражающие временной отрезок, и 2) сочетания слов, выражающие действие, повторяющееся во времени. В сущности, только в этих разрядах и выясняется функция темпоральных отношений Instrumentalis'a в разнотемпоральных языках.

1. Выражение временного отрезка. К первой группе временных отношений мы относим сочетания слов, связанные с представлением временного промежутка, выраженного именным компонентом в творительном падеже. Подобный функциональный статус соотношения именного и глагольного компонентов подтверждается на материале многих языков, и в первую очередь — восточнославянских. Полное представление об этих сочетаниях дают нам русские примеры. Так, в «Общей судьбе» А. С. Пушкина читаем: *Во ржи был василек прекрасный, Он взрос весною, летом цвел, И, наконец, увял в дни осени ненастной.* Или у М. Горького в «Моем спутнике»: *Мы пришли в Керчь поздно вечером и принуждены были ночевать под мостками с паровой пристани на берег.*

Если сравнить данные отношения в агглютинативных языках с приведенными примерами из русского языка, то нетрудно заметить, что сближает их, и что разъединяет. Сближает эти ареальные языки стремление передать функцию временного отрезка. А разъединяет их то, что в одних языках (например, русском) эти отношения передаются творительным падежом, а в других (в таких, как многие тюркские) это значение передается часто местным падежом или именительным (~ основным) с послелогом *билан*. Ср. кирг. *Быйыл кышта Москвага барамын* 'Этой зимой я поеду в Москву'. Или фразу у А. П. Чехова: «Из Н., уездного города z -ой губернии, ранним июльским утром выехала и с громом покатила по почтовому тракту безрессорная, обшарпанная бричка». Это же предложение в переводе на киргизский язык: *Рессору жок калдырак араба июль айынын таңэртеңи менен z губерниясынын уезддик Н. шаарынан чыга почталук кара жолдо калдыр-шалдыр жүрүп—келатты.* В словосочетании *июль айынын таңэртеңи менен чыга* присутствует послелог *менен*, который, соединяя именной и глагольный компоненты, выражает функцию временного отрезка славянского творительного падежа. Для многих тюркских языков это определенный прием, выработанный и прочно усвоенный.

Формальные различия между выражением этих отношений в разнотемпоральных языках значительно возрастут, если расширить сферу привлекаемых неродственных языков. Наиболее существенные отклонения дает английский язык, где эти отношения передаются при помощи предлогов, например: *To arrive at night*, 'Приехать ночью'.

Таким образом, при сопоставлении трех типов языков (славянского, тюркского и германского) видно, что одна и та же логическая трактовка, в частности, например, выражение временного отрезка, может быть воспринята русским как русский творительный падеж, киргизом — как

²⁸ Е. Д. Поливанов. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка. — «Статьи по общему языкознанию». М., 1968, стр. 214.

тюркская конструкция (последлог + именной компонент в основном падеже), а англичанином — как предложный оборот.

2. **Выражение действия, повторяющегося во времени.** К этой группе временных отношений мы относим сочетания слов, связанные с представлением о действии, повторяющемся во времени. Временное понятие при этом стоит в Instrumentalis'e. Это значение выявляется в самых различных языках, но способы выражения их неодинаковы. Например, в парадигме склонения русских имен существительных эту роль выполняет творительный падеж. Так, в «Счастье» П. А. Павленко читаем: *На западе виднелся совхоз Чумандрина с домами пониже шоссе, как один обращенными к югу. Вечерами, на закате стекла горели слепым золотисто-огненным блеском.* В этом предложении действие *горели* повторяется во времени *вечерами*, выраженном в творительном падеже.

Своеобразие других языков в этом отношении исключительно велико. Во многих тюркских языках и в английском нет творительного падежа, хотя способы выражения действия, повторяющегося во времени, которыми располагают эти языки, достаточно многообразны. В чем же их особенности и чем последние объясняются?

Английское *He slept from six o'clock till eight* 'Он спал от шести часов до восьми' и киргизское *Кыш сайын Москвага барамын* 'Каждую зиму я еду в Москву' являются, пожалуй, образцами подобного коммуникативного построения. В первом из этих примеров действие, повторяющееся во времени, выражено английскими предлогами *from ... till*, во втором — киргизским послелогом *сайын*. Эти служебные слова (предлоги ~ послелоги) и являются условием, благоприятствующим функциональному статусу этих отношений, ибо они (служебные слова) в своих значениях заключают соответствующее понятийное содержание.

Сравнивая структуру выражения этих отношений в киргизском языке, с одной стороны, со структурой выражения в чувашском языке — с другой, нельзя не обратить внимания на значительные различия между ними, хотя оба этих языка относятся к одному и тому же агглютинативному типу. Для киргизского языка в этом случае, как мы видели, характерен послелог *сайын*, а для чувашского — творительный падеж. Сравните, например, чуваш: *Эне ёсе ирне кайса кашпа таврăнатăн* 'Я хожу на работу утром и возвращаюсь с работы вечером'. Между тем в казахском языке, для которого уже обычны формы Instrumentalis'a, широко употребителен в этом случае послелог *бойы*, например: *Ол күні бойы кітап оқыды* 'Он целыми днями читал книги'.

Нужно сказать, однако, что существование таких различных коммуникативных средств выражения этих отношений никак не препятствует взаимному общению людей в процессе социальной и трудовой деятельности.

Локальные отношения. Сочетания слов, передающие локальные отношения объективной действительности, образуются из глагольного компонента, выражающего движение, и именного компонента в творительном падеже, называющего **место, пространство**, где происходит движение, выраженное глагольным предикатом. Эта коммуникативная функция творительного падежа выступает в целом ряде языков и особенно отчетлива она в славянских. Сравните, например, у А. Фета в стихотворении «Лесом мы шли»: *Лесом мы шли по тропинке единственной В поздний полуночный час.* Подобных примеров немало можно найти и у А. Майкова, например: *Лесом частым и дремучим, По тропинкам и по мхам Ехал всадник.*

Выражение локальных отношений творительным падежом выявляется также в ряде финно-угорских языков. Так, в языке коми часты пред-

ложения типа: *Йёзыс ноксисны тылаясён ытшыкыны петан дорёдз* 'Народ трудился по пожогам до выхода на косьбу' (Юхин)²⁹.

В других языковых структурах тенденция, проявляющаяся в славянских и некоторых финно-угорских языках, встречается довольно редко и выражена слабо. Однако все же следует отметить, что в агглютинативном казахском языке выделяются две разновидности выражения пространственных отношений. К первой относится конструкция, состоящая из глагольно-именного компонента в сочетании с творительно-соединительным падежом, например: *Біз жағалауменен жүрдік* 'Мы шли берегом'. Ко второй — конструкция, состоящая из глагольно-именного компонента в сочетании с именительным (~основным) падежом и послелогом *арқылы*, например: *Олар орман арқылы жүрді* 'Они шли лесом'.

Между тем, согласно принципу экономии языка, подобное дублирование форм в казахском языке едва ли можно считать обычным явлением. Оно скорее иррегулярное, продиктованное теми или иными условиями объективной действительности.

Для чувашского языка в этом случае более обычен оборот с творительным падежом, ср.: *Вёсем вярманпа пынă* 'Они шли лесом'.

Рассматриваемые отношения могут быть выражены и в иной форме. Это прежде всего касается тех языков, где форма *Instrumentalis*'а вообще отсутствует, а при выражении пространственных отношений особую значимость приобретают послеложные конструкции. Так, например, в некоторых тюркских языках вышеупомянутая коммуникативная функция передается формой статуса (имя существительное + послелог). При этом лексическое содержание послелогов отличается большим разнообразием, сравните кирг. *Ал деңиздин жээги менен жүрдү* 'Он ехал берегом моря'. Конструкция, в которой послелог *менен* сочетается с субстантивами локального значения при глаголах движения и указывает, что действие происходит по всей протяженности пространства, встречается часто. Но не менее многочисленны примеры типа *Токой аркылуу бардык* 'Мы шли лесом', где послелог *аркылуу* употреблен в том же значении.

В языках такого типа объект глагола (ср. кирг. *деңиздин жээги* и *токой*) всегда стоит перед глаголом (ср. кирг. *дүрдү* и *бардык*), а локальность выражена послелогами (ср. кирг. *менен* и *аркылуу*). Язык противоположного типа — английский, в котором объект всегда следует за глаголом. Более того, этот язык имеет тенденцию употреблять предлоги для понятий, выраженных в киргизском языке послелогами. Сравните англ. *We shall go to London by (via) Dover* 'Мы поедем в Лондон через Дувр'.

Квантитативно-модальные отношения. Во многих языках квантитативно-модальный творительный падеж употребляется для передачи способа совершения действия, выраженного глагольным компонентом.

Данные словосочетания, обозначая орудие или причину, иногда могут быть соотносимы с творительным падежом образа действия. Разница состоит лишь в том, что последний употребляется без прилагательного, тогда как при выражении определительно-обстоятельственных отношений имя существительное в творительном падеже имеет при себе прилагательное, без которого это сочетание слов оказалось бы лишенным смысла. Наиболее отчетливо эта разница проявляется в языках флектив-

²⁹ Пример заимствован из книги: Д. В. Бубрих. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949, стр. 41.

ных. Сравните русск. *ехать первым классом* и *ехать классом* или *писать красивым почерком* и *писать почерком*³⁰.

Немало примеров такого рода употребления Instrumentalis'a встречается в русской художественной литературе. Сравните, например: *После Букреева доложил Гладышев и, наконец, выступил Звениягин. Прислонившись к яблоне, он говорил тихим голосом, запинаясь и подыскивая слова* (А. Л. Первенцев); *Я бы его вот как подтянул. Он бы у меня запел другим голосом — и как бы шапку ломать передо мною стал* (И. С. Тургенев).

Естественно, что коммуникативная функция определительно-обстоятельственных отношений может выражаться различными коммуникативными средствами в зависимости хотя бы от морфологического типа языков. Так, во флективных языках, как говорилось выше, таким коммуникативным средством является форматив творительного падежа. Наблюдения над живыми языками агглютинативного типа, позволяют сделать вывод о том, что тюркские языки в этом случае идут различными путями. В казахском языке, например, часто наблюдается тенденция употреблять в этих случаях как флективную, так и аналитическую форму передачи творительно-соединительного падежа. Сравните, например, каз. *Әнді жуан дауыспен айту* 'Мотив пропет низким голосом' (*ән-ді* = *ән* «мотив» + *аффикс* винительного падежа *-ді*, *жуан* 'низкий', *дауыс-пен* = *дауыс* 'голос' + *аффикс* Instrumentalis'a *-пен*, *айт-у* = основа глагола в форме повелительного наклонения *айт* 'пой' + *аффикс* имени действия *-у*) (букв.: 'Мотив низкий голосом пение').

По всей вероятности, никто не станет отрицать, что этот синтаксический тип действительно получил широкое распространение в современном казахском языке. Однако, наряду с этой новой формой выражения квантитативно-модальных отношений, существует и более древняя аналитическая форма типа *Баяндамашы әдемі әдеби тіл мен сөйледі* 'Докладчик говорил прекрасным литературным языком'.

Что же касается киргизского языка, то в нем в таких случаях используются специальные обороты. Так, чеховские строки: «Густой черный дым большими клубами шел из-под длинных камышевых крыш, приплюснутых к земле» переводятся на киргизский язык следующим образом: *Жерге жармашкан узун камыш чатырдын алдынан коп-коюу кара тутун чубалып чыгат*.

Если обратиться к примерам из других агглютинативных языков, то можно отметить, что почти каждый тюркский язык в своем современном состоянии дает сочетание разнообразных форм, неодинаковых по происхождению и возникших отнюдь не одновременно. Действительно, если для коммуникативного выражения рассматриваемых нами определительно-обстоятельственных отношений казахский язык использует творительно-соединительный падеж, киргизский — специальные описательные обороты, то в азербайджанском языке эта функция существует в форме статуса (сочетание именного компонента в основном падеже с послелогом *илә*). Ср.: *Топлар, јук автомобиллери вә пијада гошунлар сых бир ахын илә јолда һәрәкәт едирдиләр* 'По дороге густым потоком двигались орудия, грузовики, пехота' (В. Панова)³¹.

³⁰ Сюда же следует отнести тавтологический творительный падеж с дополнительным именем прилагательным типа: *смеяться зазорным смехом*, *спать мертвым сном* и т. д. Это типичное для творительного падежа образование является, вероятно, славянской заменой индоевропейского винительного, ср. *швырять камнями* и *швырять камни*.

³¹ Пример заимствован из учебника «Сравнительная грамматика русского и азербайджанского языков». Баку, 1956, стр. 71.

Таким образом, если приведенные выше примеры из киргизского и азербайджанского языков сравнить с казахскими, то можно убедиться, что оттенок, близкий к флективной форме, проявляется в последнем более отчетливо.

Подобная ситуация нередко объясняется внутренней формой языка, внутренними причинами языковых изменений. Однако географические и социально-общественные аргументы в пользу этих явлений, по-видимому, могут оказаться не менее убедительными.

Каузальные отношения. Круг употребления сочетаний слов, выражающих каузальные отношения, довольно узок, ибо в настоящее время в результате наблюдающегося в некоторых современных языках роста аналитических конструкций эта коммуникативная функция *Instrumentalis*'а нередко уступает место предложным сочетаниям с родительным и дательным падежами или трансформируется в беспредложный винительный падеж. Глагольный компонент этого сочетания выражает действие, а именной называет явление или состояние.

Данная функция прежде всего была свойственна флективному типу языков. Так, история русского языка богата примерами, выражающими каузальные отношения. В эти словосочетания входили древнерусские имена, обозначающие предметы, явления и отвлеченные понятия, например: *И начаша мрети гладомъ* (Первая Новгородская летопись по Синодальному списку)³² 'И начали умирать от голода'.

Употребление такого рода сочетаний широко представлено в русской литературе XVIII—XIX веков. Например, у А. С. Пушкина в «Мнении М. Е. Лобанова о духе словесности...» есть такие строки: *Заклучим искренним желанием, чтобы Российская Академия... одобрила, оживила отечественную словесность, награждая достойных писателей, деятельным своим покровительством, а недостойных — наказывая... невниманием.* Для современного же языка более обычен оборот: *выразим искреннее желание...*

Таким образом, если еще в пушкинскую пору каузальные отношения выражались формой *Instrumentalis*'а, то новый этап в истории развития русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции ознаменовался использованием нового коммуникативного средства выражения этих отношений, причиной возникновения которого являются, по всей вероятности, такие социальные факторы, как «... расширение социальной базы русского литературного языка; изменение путей передачи и распространения навыков литературной речи; расширение социальных функций литературного языка...»³³ и т. д., и т. п.

С привлеченными фактами русского языка интересно сопоставить каузальные отношения в языках агглютинативного типа. Сходство с русским проявляется здесь больше всего в том, что функция каузальности зачастую существует в форме статуса. Но зато совершенно иначе ведут себя именные компоненты этих конструкций: славянский именной компонент требует присутствия родительного или дательного форматов, а тюркский — формы основного падежа. Ср. узб. *Эътиборсизлик билан ҳато қилиб қўймоқ* 'Сделать ошибку по невнимательности' (*эътибор*—*сиз*—*лик* = *эътибор* 'внимание' + аффикс отрицания *-сиз* + аффикс, образующий имена с абстрактным значением *-лик*, послелог *билан* 'с', *ҳато* 'ошибка', сложный глагол *қилиб қўймоқ* = деепричастие

³² Т. П. Ломтев. Из истории синтаксиса русского языка. М., 1954, стр. 54.

³³ Подробнее об этом см.: Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1968; а также М. В. Панов. О развитии русского языка в советском обществе (к постановке проблемы). — «Вопросы языкознания», 1962, № 3, стр. 4—5.

прошедшего времени *қил-иб* 'делая' + неопределенная форма *қўй-моқ* 'ставить') (букв.: 'внимание — без, с, ошибка, делая ставить').

Правила синтаксиса чувашского языка с его отмеченным выше наличием Instrumentalis'a расходятся с только что приведенным примером из узбекского языка.

В чувашском языке для выражения коммуникативной функции каузальности именной компонент словосочетания оформлен формативом творительного падежа. Сравните, например: *Чўречесем сивёне шанса ларнă* 'Окна замерзли от мороза' (*чўрече-сем* = *чўрече* 'окно' + аффикс множественности *-сем*, *сивёне* = *сиве* 'мороз' + аффикс Instrumentalis'a *-не*, сложный глагол *шанса ларнă* = деепричастие прошедшего времени *шанса* = *шан* 'замерзать, покрываться льдом' + аффикс деепричастия прошедшего времени *-са*, *ларнă* = *лар* 'сидеть', 'покрываться льдом', 'оседлать' + аффикс причастия прошедшего времени *-нă* (букв.: 'Окна снег — от замерзания покрывшиеся льдом').

Таким образом, приведенные выше факты из языков разных систем свидетельствуют о том, что коммуникативные средства выражения конструкций с творительным падежом не являются идентичными для всех языков. Однако во всем многообразии этих средств можно выделить и нечто общее, обусловленное общностью логического строя мышления людей, отражающего объективные явления реального мира.

Х. Г. НИГМАТОВ

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ПАДЕЖА И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ЯЗЫКЕ ТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ XI—XII ВЕКОВ

Нами в предшествующих публикациях уже рассматривалось взаимоотношение синтаксической и семантической сторон в функционировании форм падежа и принадлежности в языке тюркских письменных памятников XI—XII веков¹. При этом основное внимание уделялось раскрытию единства их семантических и синтаксических сторон. Цель настоящей статьи — выявить общие закономерности и специфические отличия в категориях падежа и принадлежности на парадигматическом уровне.

Семантическую сторону в падежных формах составляют:

а) сигнализация определенности/неопределенности, контактности/дистантности словоформы, принадлежности управляемой словоформы или управляющего элемента к определенной части речи в винительном, основном и родительном падежах;

б) дополнительные характеристики объекта (объект-адресат, объект-источник) и обстоятельства (место, время, причина, цель и т. д.) в формах дательного и местно-исходного падежей.

Семантическая сторона в формах принадлежности выражена обозначением различных партитивно-притяжательных значений.

Синтаксическую сущность категории принадлежности составляет широко распространенная функция обозначения отнесенности слова к «предшествующему». Противоположная функция, а именно — выражение отнесенности словоформы к «последующему», составляет синтаксическую сущность категории падежа.

С обозначением отнесенности к «предшествующему» и «последующему» связана семантическая функция **категорий** падежа и принадлежности — сигнализация положения словоформ в словосочетании, сообщаемая формами этих категорий. Поскольку ведущим принципом следования зависимого и главного компонентов словосочетания в тюркских языках является порядок: зависимый («предшествующий») + главный («последующий») компоненты², категория падежа, синтаксическую функцию которой составляет выражение отнесенности словоформы к

¹ Х. Г. Нигматов. Семантическая и синтаксическая функции падежей в языке восточнотюркских памятников XI—XII веков. — «Советская тюркология», 1975, № 4; *его же*. Синтаксическая сущность форм принадлежности в языке восточнотюркских памятников XI—XII веков. — «Советская тюркология», 1975, № 5.

² См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, М.—Л., 1956, § 750; Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975, стр. 115; Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 59—61.

«последующему» (то есть «предшествующего» к «последующему»), сигнализирует зависимость падежной словоформы от «последующего», а категория принадлежности, выражающая отнесенность словоформы к «предшествующему» (то есть «последующего» к «предшествующему»), указывает на господствующее положение в словосочетании словоформы с аффиксом принадлежности. Однако для реализации семантической функции «зависимость/независимость» необходимо, чтобы «предшествующее» для форм принадлежности и «последующее» для падежных форм вступили в синтаксическую связь с этими словоформами.

Если слово, к которому аффикс принадлежности как к «предшествующему» относит другое имя, вступает в синтаксическую связь с принадлежностной словоформой, то реализуются синтаксическая и семантическая функции категории принадлежности — выражение отнесенности к «предшествующему» и сигнализация зависимости «предшествующего» от принадлежностной словоформы — и образуются именные (часто атрибутивные, реже объектные) словосочетания — *билиглиг сөзи* (К—5120) ‘слово знающего’, *кишиниң усы* (К—1151) ‘сон человека’, *ийгкә дарманы* (ХХ—25) ‘средство от болезни’. Если же «последующее» для падежных словоформ вступает в синтаксическую связь с ними, то образуются именные атрибутивные [*билиглиг сөзи* (К—5120)], объектные [*ийгкә дарманы* (ХХ—25)] и глагольно-именные словосочетания [*өлүкләрни тиргузмак* (ХХ—10) ‘воскресить мертвых’, *рахматыңдын умармән* (ХХ—1) ‘я надеюсь на твою пощаду’].

Если «предшествующее» для слов с аффиксами принадлежности не вступает в синтаксическую связь с этой словоформой, то словосочетание не образуется, и аффиксы принадлежности обозначают отнесенность данного слова к предшествующему контексту, к предшествующему слову в составе предложения, к определенному лицу и служат для выражения значений определенности и партитивно-притяжательности. Следовательно, в этой позиции парадигматическая семантическая сторона **категории** принадлежности не реализуется, а на первый план выступает семантическая сторона **форм** принадлежности — выражение партитивно-притяжательных значений. Например, *бу муңлуғ қулуғ суйурқаб йазуқын кәчүр* (К—27) ‘обрадовав этого опечаленного раба, прости его грехи’. Здесь аффикс принадлежности 3-го лица единственного числа при слове *йазуқ* указывает на отнесенность *йазуқ* к *қул* на основе партитивно-притяжательных отношений, но не сигнализирует зависимость *қул* от *йазуқ*, и словосочетание не образуется.

Если же при падежных формах «последующее» не вступает в синтаксическую связь с ними (употребление падежных форм в позиции детерминирующего члена предложения), то падежная форма обозначает отнесенность и зависимость словоформы в целом от предложения, центр которого находится справа от падежной формы (то есть является «последующим»): *мәниңдин салам тәғүргил* (К—3543) ‘передай от меня привет’. Здесь *мәниңдин* непосредственно не управляется глаголом *тәғүр* (что доказывается возможностью отнесения *мәниңдин* и к *салам*, и к *тәғүргил*, ср.: *мәниңдин салам* ‘привет от меня’ и *мәниңдин тәғүргил* ‘передай от меня’)³, но падежная словоформа зависит от предложения в целом.

Такая особенность форм принадлежности и падежа свидетельствует о том, что в предложении первые выступают как самостоятельные (не-

³ См. об этом подробно: Н. Ю. Шведова. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. — «Вопросы языкознания», 1964, № 6; *её же*. Существуют ли все-таки детерминирующие распространители предложения. — «Вопросы языкознания», 1968, № 2.

зависимые), а вторые в основном как зависимые⁴ (исключение составляет основной падеж в позиции подлежащего, дательный, местно-исходный и родительный — в позиции сказуемого; об этом смотрите ниже). Таким образом, выявляется специфическое свойство словосочетаний, образуемых формами падежа и принадлежности — связь компонентов этих словосочетаний двусторонняя — падежная или притяжательная форма, с которой «последующее» (для падежных форм), или «предшествующее» (для форм принадлежности) не вступает в синтаксическую связь, не образует словосочетания (ср.: падежная форма в позиции детерминирующего члена предложения и форма принадлежности без «предшествующего»). Для того, чтобы образовались словосочетания, зависимый компонент для принадлежностных форм («предшествующее») и главный компонент для падежных форм («последующее») должны вступать в синтаксическую связь с ними.

Синтаксическая связь «предшествующего» со словоформой с аффиксами принадлежности выражается следующими средствами:

1) локализацией⁵ — зависимый компонент в форме основного падежа строго локализуется перед главным — *ғарыблұқ йэри* (К—467) 'чужбина', *тил бэзэги* (ХХ-80) 'украшение языка', *ақылар башы* (К—2769) 'глава щедрых';

2) формой родительного падежа — *эрниң ҳашматы* (К—2423) 'величие мужины', *кэжікниң ...башы* (III, 165) 'рана дичи';

3) реже формами других падежей — *достда бири* (ХХ—191) 'один из друзей', *йигкэ дарманы* (ХХ—25) 'средство от болезни'. Двусторонний характер связи компонентов таких словосочетаний отчетливо виден, когда зависимое слово сочетается с главной формой родительного падежа: *кэжікниң башы*; здесь:

I -ниң при слове *кэжік* как падежная форма (как элемент категории падежа) указывает:

а) на отнесенность *кэжік* к чему-то, стоящему за этим словом;

б) на зависимость *кэжік* от этого «последующего»;

и как форма родительного падежа указывает:

в) что данное слово является субъектом принадлежности,

г) что данное слово связывается с другим именем.

II. Аффикс принадлежности -ы при слове *башы* как единица категории принадлежности указывает:

а) на отнесенность слова *баш* к чему-то «предшествующему»,

б) на господствующее положение слова *баш* по отношению к этому «предшествующему»;

⁴ С этим связана особенность порядка следования аффиксов принадлежности и падежа в составе слова. Вначале следуют аффиксы принадлежности, указывающие на отнесенность к «предшествующему» и на независимость, далее — аффиксы падежа — сигнализаторы зависимости.

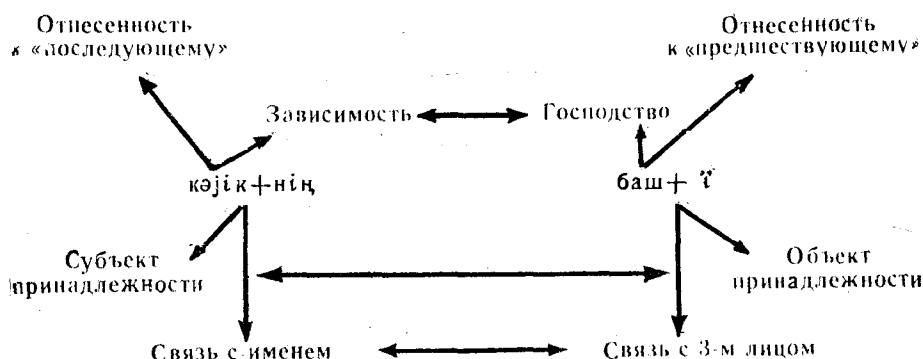
⁵ Под локализацией понимается разновидность примыкания, когда определенно установлено место зависимого и главного членов по отношению друг к другу — зависимый член строго локализуется перед главным, между главным и зависимым компонентом не могут находиться другие слова; этим локализация отличается от примыкания. См.: И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945. Ср., например, *бэдүк бичэк* 'большой нож' и *ғарыблұқ йэри* (К—467) 'чужбина'. В обоих словосочетаниях первый компонент примыкает ко второму, но в *бэдүк бичэк* нет локализации, поэтому *бэдүк* может быть оторван от *бичэк* — *бэдүк бир бичэк* (К—757) 'большой, большой нож' (см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, § 200; С. С. Майзель. Категория дефинитивности в турецком языке. — В сб.: «Академику В. А. Гордлевскому» М. 1953), но в *ғарыблұқ йэри* первый компонент не только примыкает, но и локализуется, поэтому его нельзя оторвать от второго компонента.

и как форма принадлежности 3-го лица единственного числа указывает:

в) что *баш* является объектом принадлежности,

г) что *баш* относится к 3-му лицу.

Все это можно представить следующей схемой:

При изменении формы «предшествующего» сущность синтаксического взаимоотношения компонентов не меняется. Изменения затрагивают семантику словосочетания, зависящую от семантической стороны каждого компонента. В *кәжікнің башы* реализуются посессивные значения (связанные со значением родительного падежа как формы субъекта принадлежности), в *будун қылқы* (К—4595) 'нрав народа' качественные значения, связанные с качественно-предметным значением основного падежа⁶, в *будунда бәдүги* (К—2564) 'главный (наилучший) из людей' — выделительные значения, обусловленные соответствующим типом значения местно-исходного падежа.

Синтаксическая связь «последующего» с падежной словоформой осуществляется благодаря валентности управляющего слова (в глаголах и некоторых именах), или его грамматической формы (при именах с аффиксами принадлежности).

Как известно, валентность тюркского слова указывает на возможные типы «предшествующих» словоформ, раскрывающих лексическое значение данного слова. Например, валентность глагола *оқйт-* может быть представлена как:

(Детерминирующие члены предложения)	(Субъект)	Объекты	Глагол	
Где? Когда? Как? Чем?	Кто?	Кому?	Что?	оқйт-

Реализация этой валентности — *ол мәңә бітіг оқитті* (1,219) 'он побудил меня читать письмо'. То же при именном управлении. Валентность слова *тутуғ* 'пленник' предполагает «предшествующее» в форме родительного или дательного падежей — *өлүмкә тутуғ* (К—4613) 'пленник смерти'. О связи словоформ с аффиксами принадлежности со своими «предшествующими» упоминалось выше.

⁶ С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абул-Гази-Хана. Грамматический очерк. Ташкент, 1969, стр. 50.

Следовательно, словосочетания, образованные с помощью форм падежа и принадлежности, являются результатом диалектического сочетания противоположно направленных синтаксических потенций компонентов словосочетания и грамматических форм каждого компонента. В таком же диалектическом единстве находятся семантические стороны грамматических форм этих словосочетаний. Например, в *кәжікнің баші* показателем *-нің* оформляется слово, обозначающее предмет, которому что-либо принадлежит, и это значение, являясь самостоятельным значением аффикса *-нің*, может реализоваться даже в позиции подлежащего [*бөрінің ортақ қуығуың жіғач башінде* (1,412) 'волчье — общее, воронье — на веточке'], а аффикс *-і* при слове *баш* обозначает принадлежность *баш* к 3-му лицу, и в *кәжікнің баші* противоположные значения сходятся, составляя единство. То же самое наблюдается и в словосочетаниях типа *мәңә бэр-, мэндин ал-* и других⁷, где семантика падежа и глагола согласуются.

На первый взгляд, кажется, что в словосочетаниях с винительным падежом прямого объекта [типа *сөзүг сөзлә-* (К—1285) 'произносить слово' *тәңізіні бөк-* (1,120) 'перекрывать, запрудить море'] семантические стороны падежа и глагола не совпадают, так как известная в тюркологической литературе семантическая сторона винительного падежа (определенность имени) к взаимосвязи словосочетаний рассматриваемого типа никакого отношения не имеет. Однако это не так. В языке изучаемых памятников намечается явная тенденция к развитию противопоставления основного, винительного и родительного падежей как форм подлежащего, прямого дополнения и изафетного именного определения. Даже при таком, казалось бы, чисто синтаксическом противопоставлении показатели винительного и родительного падежей не утрачивают дополнительной информативной способности (семантической функции) — показатель винительного падежа сигнализирует не только о зависимости одного слова от другого, но и о том, что данная именная форма является зависимой от переходного глагола. Показатель родительного падежа в словосочетаниях типа *јалнуқің нәңі* (III, 395) 'человеческое имущество' указывает на зависимость имени от другого имени, что и составляет семантическую сторону этих падежей при их противопоставлении по чисто синтаксическим признакам⁸. Тот факт, что в *сөзүг сөзлә* — категориальные значения *сөзлә* — переходность и глагольность, соединяются с семантической функцией винительного падежа (зависимость имени от переходного глагола), не вызывает никаких сомнений.

Синтаксическая функция выражения отнесенности слова и семантическая функция сигнализации зависимости/независимости в категориях падежа и принадлежности являются диалектическими, противоречивыми. В категории принадлежности эта противоречивость проявляется в наличии противоположной функции — выражения отнесенности к «последующему», которая реализуется в оборотах типа «перевернутый изафет» и поддерживается семантической стороной форм принадлежности — партитивно-притяжательными значениями.

Такая же функция, противоположная основному синтаксическому значению падежей (выражению отнесенности к «последующему»), имеется и в самих падежах. В винительном и родительном падежах это

⁷ См.: Х. Г. Нигматов. Семантическая и синтаксическая функция падежей..., стр. 31.

⁸ В качестве идеального синтаксического падежа без семантической функции могла бы выступать такая форма, которая сигнализировала бы о зависимости позиции любого «предшествующего» от любого «последующего» при любых значениях и формах этого «последующего» и «предшествующего». В тюркских языках таких форм нет. В них частично такую функцию выполняют примыкание и локализация (соположение).

проявляется при выражении этими падежами определенности, синтаксическая сущность которой заключается в идентификации предмета, обозначаемого падежной словоформой, с предметом, упомянутым в предшествующем контексте или же известным участникам речевого акта (иными словами выражают отнесенность к «предшествующему»). В местно-исходном и дательном падежах такая противоположная функция выступает при манифестации этих падежных форм в самостоятельной позиции — сказуемого: *йаруклуқ адынқа турур* (К—5058) 'свет — для других' (адресатное значение); *мэңэр эрсэ эмди бу қадғу сақыңч* (К—1225) 'если эти заботы и переживания из-за меня' (причинно-целевое значение); *тириклик булардын турур* (К—4059) '(источник) жизни — в них' (значение источника); *атадын жафа* (К—1210) 'жестокость — от отца' (выделительно-причинное значение). В этих позициях синтаксическая и семантическая сущности **категории** падежа (отнесенность к «последующему», сигнализация зависимости) полностью нейтрализуются — падежная форма как сказуемое становится независимым главным членом предложения и все остальные члены предложения относятся к нему. В позиции сказуемого наиболее наглядно проявляется семантическая сторона падежной формы (адресатно-целевые значения для дательного, выделительно-причинные — для местно-исходного падежей). В позиции сказуемого, поскольку нейтрализуются синтаксическая и семантическая функции **категории** падежа, снимается и противопоставление падежей как элементов единой парадигмы. В этой позиции формы с аффиксом *-қа/-ға* и *-да/-дын* выступают с собственным, несинтаксическим значением (подобно формам числа, определенности/неопределенности и др.). Только в отношении функционирования падежей в позиции сказуемого справедливо может быть применена оценка Е. Куриловича⁹: здесь они синтаксическими падежами не являются, не выполняют падежную синтаксическую функцию и не имеют падежного синтаксического значения. Однако диалектика взаимосвязи семантического и синтаксического в падежах заключается в том, что только в позиции сказуемого падежная форма в чистом виде реализует те типы значения, которые она может иметь в разных оттенках при различных группах управляющих слов. Следовательно, позиция полной нейтрализации синтаксической функции является позицией полной реализации семантической функции. Таким образом, повторно приходим к выводу, что семантическая и синтаксическая функции в этих формах находятся в диалектическом единстве — нейтрализация синтаксической функции компенсируется усилением семантической стороны.

Аналогичное явление наблюдается при нейтрализации семантического фактора. При нейтрализации партитивно-притяжательных значений в аффиксах принадлежности эти последние уже не участвуют в образовании словосочетаний, не сигнализируют о независимости словоформы, а выражают только определенность имени, то есть выполняют функцию идентификации с «предшествующим», или имеют генерализирующее значение¹⁰ — *тиләмши тилэгин билигиси йоқ* (К—3820) 'нет никого, кто бы знал его желание'.

Частичная нейтрализация семантической стороны в дательном падеже при глаголах V группы в языке памятников приводит к семантически нерелевантному вариативному управлению (типа *аңа қорқ-/аңдын қорқ-* 'бояться его'¹¹), когда наиболее ярко выступает синтаксическая функция падежа — обозначение отнесенности к «последующему».

⁹ Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М. 1962, стр. 175—203.

¹⁰ Х. Г. Нигматов. Синтаксическая сущность форм принадлежности..., стр. 34.

¹¹ Х. Г. Нигматов. Семантическая и синтаксическая функции падежей..., стр. 34.

Именно частичной нейтрализацией семантической стороны отдельных падежных форм объясняются и другие семантически незначимые случаи вариативного управления типа *эсіркә* + вин. п. (1,298) / *эсіркә* + дат. п. (1,286) 'жалеть', 'сожалеть', *сөк* + дат. п. (К—3500) / *сөк* + вин. п. 'ругать', *јәт* + дат. п. (II, 318), *јәт* + вин. п. (III, 414) 'достигать'. *а:з* + исх. п. (1,170) / *аз* — + вин. п. (1,184) 'заблуждаться' и др. В таких позициях семантическая сторона отдельных падежей нейтрализуется и ярко выступает синтаксическая сторона категории падежей — «выражать отнесенность к последующему», одинаково проявляющаяся у всех падежей.

Одной из позиций нейтрализации семантической функции падежей является позиция локализации — контактное расположение зависимого компонента перед главным. Поскольку, как справедливо писал Э. Сепир, «наиболее основным и наиболее могучим из всех связывающих методов есть метод порядка последовательности»¹², в позиции локализации семантическая функция категории падежа (сигнализация зависимости от «последующего») и семантическая функция отдельных падежных форм (сигнализация отнесенности к имени или глаголу, сигнализация причинно-целевых, адресатно-источниковых значений) могут нейтрализоваться, и слово выступит в нейтральной номинативной форме основного падежа¹³: *ажун чықар* (1,397) 'уходит из мира', *түшкүн қонарсэн* (К—1373) 'ты уйдешь из (временного) пристанища', *боғаз аліб* (II, 31) 'схватив за горло'. Видимо, с нейтрализацией семантической функции винительного и родительного падежей (то есть сигнализации зависимости от имени или глагола) связано известное на протяжении всей истории тюркских языков употребление винительного падежа вместо родительного — *эріг азақі* (II, 18) 'нога мужчины'.

Таким образом, как в формах падежа и принадлежности, так и в категориях падежа и принадлежности следует различать семантическую и синтаксическую стороны, находящиеся в диалектическом единстве.

Оппозиции категорий падежа и принадлежности по синтаксическим функциям можно представить как привативную оппозицию по марке «отнесенность к последующему». В этой оппозиции категория падежа является сильным (маркированным) членом, а категория принадлежности — слабым (немаркированным). Это связано с нижеследующими явлениями.

1. В формах принадлежности основной, широко распространенной функцией является выражение отнесенности к «предшествующему», но наряду с ней имеется и менее распространенная, специализированная функция — выражение отнесенности к «последующему». Следовательно, категория принадлежности в целом нейтральна по отношению к дополнительному признаку отнесенности — к «последующему» или к «предшествующему».

2. В падежных формах не только в зависимой, но и в полузависимой позиции, в тех случаях, когда они не входят в состав словосочетаний и выступают как детерминирующие члены предложения, сохраняется признак отнесенности к «последующему». Когда же признак отнесенности к «последующему» исчезает (в позиции сказуемого), падежная форма выходит из парадигматического ряда синтаксической категории падежа и реализует свое собственное, досинтаксическое значение¹⁴.

¹² Э. Сепир. Язык. М., 1934, стр. 86.

¹³ В этой позиции реализуется, видимо, древнейшая оппозиция внутри падежей I группы по функции I (местоименность/неместоименность управляемой формы).

¹⁴ О соотношении «синтаксических» и «досинтаксических» значений см.: С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. Часть I, Л., 1975, стр. 74—77.

Таким образом перестает быть синтаксическим средством. Следовательно, не трансформируясь в нечто иное, падеж как синтаксическая категория не может утрачивать признак отнесенности к «последующему», и этот признак является маркированным в категории падежа и обязательно проявляется в функционировании конкретных падежных форм.

Другой ряд оппозиций категорий принадлежности и падежа основывается на сигнализации зависимости/независимости словоформы. В данной оппозиции по признаку «независимости» категория принадлежности является маркированной, а категория падежа — нейтральной. Это связано со следующими особенностями данных категорий:

1. Формы категории принадлежности как в составе словосочетания, так и в составе предложения всегда являются независимыми от «предшествующего», даже в сочетаниях типа *тили йалган эр* (XX—79) 'лгун', 'мужчина, слова которого лживы' словоформа *тили* не зависит от *эр*, а выступает как один из главных членов предикативной группы *тили йалган*. Связь же этой предикативной группы с *эр* осуществляется:

- а) отношениями партитивности между словами *тил* и *эр*,
- б) функцией отнесения к «последующему» в аффиксах принадлежности,
- в) тем, что предикат *йалган* не только относится к *тили*, но и к последующему определению — к *эр*¹⁵.

2. Категория падежа является нейтральной по отношению к признаку «независимость словоформы», так как падежные формы выступают не только в зависимых и полузависимых позициях, но и в позиции главных членов предложения, то есть самостоятельно. С этим связано и функционирование основного падежа в качестве формы подлежащего. Форма основного падежа при подлежащем указывает на отнесенность данного слова к центру предложения — сказуемому (в основном падеже сохраняется маркированный признак категории падежа — выражение отнесенности к «последующему»), но не на его зависимость от сказуемого. Поэтому, когда основным падежом оформляется прямое дополнение или изафетное определение, языковая система привлекает свой «наиболее могучий метод» выражения зависимости — контактное расположение зависимого и главного компонентов словосочетания.

Маркированностью в категории принадлежности признака «независимость» объясняются следующие явления:

1. Неразвитость в тюркских языках словосочетаний типа *кэдик тағы* 'горная дичь', что было уже рассмотрено нами¹⁶. Причины этого заключаются не только в том, что подобные словосочетания возникли на основе одностороннего действия синтаксической функции аффиксов принадлежности — способности выражать отнесенность к «предшествующему», в отрыве от семантической функции этих аффиксов (выражения партитивно-притяжательных значений), но и в том, что в словосочетаниях типа *кэдик тағы* нарушается маркированная функция категории принадлежности — независимость словоформы с аффиксом принадлежности — и постпозитивное определение с аффиксом принадлежности *тағы*, будучи грамматически господствующим, является в семантическом плане зависимым от определяемого — «предшествующего» *кэдик*.

¹⁵ См.: С. Н. Иванов. К истолкованию категории принадлежности. — «Советская тюркология», 1973, № 1, стр. 32.

¹⁶ См.: Х. Г. Нигматов. Синтаксическая сущность форм принадлежности в языке восточнотюркских памятников XI—XII веков. — «Советская тюркология», 1975, № 5.

Аффиксы принадлежности, не обособившись от категории принадлежности, не могли развить в себе такую функцию.

2. Широкие возможности употребления форм этой категории без «предшествующего», что несвойственно падежным формам.

3. Стремление к обособлению и незначительная лексикализация словосочетаний типа *көзи ач* 'алчный'¹⁷. В сочетаниях типа *тили йалған эр*, несмотря на то, что внутри предикативной группы словоформа *тили* выступает в качестве одной из главных частей, в целом оборот зависит от определяемого; это противоречит природе принадлежностных форм. Поэтому простейшие типы таких оборотов легко лексикализуются, а в развернутых оборотах с причастным предикатом слово с аффиксом принадлежности получает падежную форму, чем и выражает свою зависимость от «последующего» причастия (например, узб. *бўйинларига қўнғироқлар осилган туялар ўтади* 'Проходят верблюды, на шеи которых повешены колокольчики'¹⁸).

Взаимоотношения категорий падежа и принадлежности и связанные с ними вопросы требуют дальнейшего детального рассмотрения. Среди именных категорий падеж и принадлежность, как характеризующие слова с функциональной стороны, противостоят репрезентативным категориям числа и определенности/неопределенности, вводящим имя в предложения; среди средств выражения синтаксической связи падежи, послелоги, сфера действия которых ограничивается рамками словосочетания и предложения, противостоят союзам и формам принадлежности, сфера действия которых может выходить и за рамки одного предложения.

Эти и ряд других вопросов, неожиданные на первый взгляд, общие черты и общие закономерности явлений, далеко отстоящих друг от друга, могут быть прослежены и изучены в процессе исследования разнообразных связей и отношений грамматических единиц языка разных уровней только с единых методологических позиций — с позиций диалектического материализма, позволяющего рассматривать вещь (объект изучения) во всем комплексе ее отношений и в единстве ее свойств, связей и отношений¹⁹.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

(К—3543) — Юсуф хос-Хожиб. Кутадғу билиг. Тошкент, 1971.

(ХХ—206) — К. Махмудов, Ахмад Югнакийнинг «Хибатул хакойик» асари хақида. Тошкент, 1972 (Критический текст и транскрипция, стр. 177—230). В примерах указывается номер бейта.

(1,219) — Махмуд Кошғарий. Девону луғотит турк, т. I—III. Тошкент, 1960—1963.

¹⁷ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, § 543.

¹⁸ Там же.

¹⁹ С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики, стр. 66—80.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

А. Н. МАЛЕХОВА

ЛИЧНОСТЬ АВТОРА В КОМПОЗИЦИИ ПОЭМЫ «LISÂN AT-TAJR» («ЯЗЫК ПТИЦ») АЛИШЕРА НАВОИ

Задача изучения всех тех многообразных вопросов, которые ставит перед исследователями творчество Алишера Навои, продолжает оставаться весьма актуальной. Предстоит еще немало сделать для исследования отдельных сторон творческого наследия поэта, изучения его произведений и, в первую очередь, наиболее значительных из них. Лучшей обобщающей работой о Навои и поныне остается книга Е. Э. Бертельса «Навои»¹. В «Заключении», завершающем этот труд, Е. Э. Бертельс отмечал, что наша наука изучила творчество Навои «еще далеко не достаточно» и что необходимо «изучать дальше его творения»². Со времени появления книги Е. Э. Бертельса сделано многое, вышли в свет работы, посвященные отдельным аспектам творчества Навои³, но возможности изучения творческого наследия поэта такого масштаба, как Навои, поистине неисчерпаемы. Е. Э. Бертельс подчеркивал также необходимость изучения отдельных произведений выдающихся представителей художественной литературы⁴. Следует признать, что наши знания о творчестве Навои, так же как и других классиков восточных литератур, не могут идти ни в какое сравнение с изученностью творчества классиков западных литератур такой же значимости — Данте, Шекспира, Мольера, Байрона и др.

Не обобщены пока и конкретные данные об индивидуальных особенностях поэтического наследия Навои, не дана аргументированная оценка его вклада в сокровищницу мировой литературы. Глубоко ошибочное мнение о том, что Навои был подражателем персидско-таджикских поэтов⁵, отвергнуто наукой. Однако общее признание Навои поэтом огромного дарования и значения все еще требует конкретной аргументации, своеобразной расшифровки и детализации, причем не эмпирико-перечислительной, а аналитической и концептуальной.

Настоящая статья имеет целью обратить внимание исследователей на ту «сверхзадачу», которую ставил перед собой Навои, создавая свое последнее художественное произведение — поэму «Lisân at-tajr» («Язык

¹ Е. Э. Бертельс. Навои. М., 1948.

² Там же, стр. 268.

³ См., например: В. Захидов. Мир идей и образов Алишера Навои. Ташкент, 1961; А. Хайитметов. Навоий лирикаси. Тошкент, 1961; его же. Навоий дахоси. Тошкент, 1970; Т. Ахмедов. Алишер Навоийнинг «Лайли ва Мажнун» достони. Тошкент, 1970; Н. Маллаев. Алишер Навоий ва халқ ижодиёти. Тошкент, 1974 и др.

⁴ См.: Е. Э. Бертельс. Избранные труды, т. I. М., 1960, стр. 27.

⁵ См.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. V. М., 1968, стр. 608, т. VI, М., 1966, стр. 197, 245.

птиц»)⁶, занимающую в творчестве Навои особое место. Это — самое «личное» из всех творений поэта и, несомненно, оно задумано им как своеобразная исповедь о своем творческом пути, хотя формально и является подражанием (назира) поэме Фаридулдина Аттара «Mantıq at-tajr» («Беседы птиц»).

Оригинальность замысла Навои в «Языке птиц» раскрывается в следующем. Навои написал занимательное повествование о странствиях птиц в поисках истины и обретающих в конечном итоге эту истину в самих себе. Такова внешняя сюжетная линия произведения. Однако поэт одновременно создает и сложный подтекст или «затекст» произведения, лишь частично раскрывающийся во внешней сюжетной канве рассказа. Это — автобиографические моменты, отчасти откровенно изложенные в конце поэмы, но большей частью подаваемые под покровом иносказания — «птичьей речи».

Смысл поэмы Навои — не только в подведении итогов прожитой жизни, если судить по чисто формальным признакам (произведение создано в последние два года жизни поэта), но и в своеобразной исповеди автора о своей жизни и творчестве. Это — осмысление содеянного и трезвая оценка его, это — рассказ о собственных странствиях по дорогам жизни и об обретении в себе, в своем творчестве высшей человеческой радости — радости преодоления мелких соблазнов суетной жизни, торжество утверждения «вневременного» над повседневным.

Личность автора зримо присутствует в поэме, причем автобиографические моменты усиливаются от начала к концу произведения. В начале поэмы это находит отражение в традиционном для авторов того времени покаянии, в обращении к богу с мольбой о милосердии и помощи в трудном деле создания большого произведения (бейты 61—96). В этом же духе Навои упоминает себя под псевдонимом (*тахаллусом*) «Фани» и в бейте 177.

Следующий фрагмент поэмы, в котором Навои говорит о себе, чрезвычайно интересен с точки зрения соотношения объективного и субъективного, сюжетного и личного (бейты 1045—1052). Данный фрагмент предшествует большому вставному рассказу о шейхе Сан'ане (бейты 1053—1567).

1045. О певец, сложи какой-либо горестный напев,
О кравчий, мне — погибель от отсутствия бедствий.
1046. Подай мне чашу страданий, дабы возрыдать мне,
Дабы горести любви сделать долею моего сердца.
1047. А изолью их — и прошусь с жизнью,
И прошусь с разумом, с рассудком, с верой и благочестием.
1048. Найду пристанище в обители безверья,
И обращусь к зуннару и кресту.
1049. Перед главою обители предстану пьяным,
Пожгу коран, стану идолопоклонником.
1050. В обители любви найду свое призвание
И избавлю душу от стыдливости, которую дает вера.
1051. В обители стану звонить я в колокол,
Преклонившись перед идолом, стану лобзать землю.
1052. К пояснице я крепко привяжу зуннар,
И, радостный, стану суесловить о себе.

Все то, о чем автор говорит как о своих будущих действиях, предстает в последующем рассказе о шейхе Сан'ане как поступки самого шейха. Это, разумеется, не прямое отождествление себя с героем встав-

⁶ Номера частей поэмы и бейтов приводятся по изданию: *Алишер Навоий. Лисонут-тайр. Илмий-танкидий текст. Тошкент, 1965; см. также Алишер Навоий. Асарлар. Ўн беш томлик, т. II. Лисонут-тайр. Тошкент, 1966.*

ного рассказа (и о том, что такого отождествления нет, говорят бейты, следующие за рассказом). Здесь следует видеть характерный литературный прием сочетания личного и внеличного, лирического и эпического. Смысл этого приема сводится к тому, что автор как бы заранее говорит читателю о тех сюжетных коллизиях, которые будут изложены им дальше. После рассказа о шейхе Сан'ане Навои пишет:

1559. А он (то есть шейх) все же не затевал таких смут, как я,
И не свершал набегов в страны ничьих сердец.
1560. Хотя никто не скажет, что мои злоключения более его (злоключений),
Да, хотя и не больше, но и не меньше.
1561. Эй, постой, Навои, завершай-ка эти речи,
Не изъявляй своих притязаний относительно любви.
1562. Если я обрету от жизни милость хоть на несколько дней,
То сложу дастан во изъяснение моей любви.
1563. В нем познает любой, кому ведома справедливость,
Правдива ли моя речь или же суесловна.

Слова о том, что Навои сложит особый дастан о своем отношении к любви (разумеется, имеется в виду **истинная любовь**), — это традиционное в восточной поэзии обещание автора вернуться к данной теме, чрезвычайно распространенное в эпических сочинениях. Давая такое обещание, поэт как бы просит снисхождения к несовершенствам данного своего произведения и отсылает читателя к будущему сочинению, где он надеется успешнее приблизиться к идеалу. Следует заметить, что само представление о возможности идеального отражения описываемых событий, то есть гармонически совершенного воплощения в поэзии вечных истин, является исторической категорией средневековой литературы⁷.

Обращая на себя внимание слова Навои: «Если я обрету от жизни милость хоть на несколько дней» (бейт 1562). В аналогичных случаях авторы обычно упоминают более длительные сроки. Быть может, Навои этими словами хотел сказать, что повесть о нем самом и о его «любви» следует искать в его данной поэме? Это предположение представляется не лишенным основания, если обратиться к композиции поэмы, в которой, как и в содержании, нашли отражение исповедальные признания поэта и личные мотивы. Композиция поэмы проливает свет и на причины, побуждающие автора сказать о своем *тахаллусе* «Навои» (бейт 1561), упоминающемся в контексте: «Эй, постой, Навои, завершай-ка эти речи». Следовательно, «Навои» должен здесь закончить свою «речь», и в дальнейшем сказ о любви (истинной любви) будет продолжен тем, кто носит *тахаллус* «Фани» (упоминается в бейтах 2485, 2621, 3008, 3269, 3272, 3387, 3394, 3400, 3466, 3552—3569).

В конце поэмы Навои, объясняя причины, побудившие его подписать поэму *тахаллусом* «Фани», приводит слова, являющиеся как бы ключом к пониманию всей поэмы:

3561. Внемлющему я поясню причину,
Почему в этом писании помечено прозвание «Фани»:
3562. Ведь главный смысл стихов этой тетради
Являл собою устремление к возврату и возвращение.

Чисто внешняя линия этого «возврата» ясна: в конце поэмы Навои вспоминает детство и свои первые поэтические впечатления. Но здесь, несомненно, имеется и второй план: возврат к истокам собственного творчества. Навои несколько раз напоминает о своей роли первооткрывателя крупных жанров тюркской поэзии (бейты 3293—3295, 3302, 3303, 3500 — 3503). Аналогичные мотивы есть, как известно, в поэмах

⁷ См.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 109, 161.

«Пятерицы», но в данной поэме они предстают явно в ином и новом качестве. Именно совокупность этих данных и некоторых других, о которых будет сказано ниже, позволяет утверждать, что поэма «Язык птиц» была задумана как исповедь поэта, подводящая итог всем его свершениям и трудам. Менее чем через полтора года после завершения своего произведения Навои умер, и можно полагать, что поэт, предчувствуя близкую кончину, решил подвести итоги своему жизненному пути.

В «Языке птиц» выражена авторская оценка творчества Навои, высказанная поэтом с глубоким пониманием своего значения:

- 3307—3308. Гармония (моего) напева столь прочна,
Что если на нее даже наложится крик любой горластой
птицы, она от этого не понесет убытка.

Но исповедальные и лирические мотивы выражаются в поэме не только в виде прямых высказываний подобного рода, — ими пронизана вся поэма. Более того, можно полагать, что эти мотивы и составляют основное «сквозное действие» произведения. Это подтверждается прямыми высказываниями Навои об иносказательном характере произведения в бейтах 3208—3212:

3208. Пойми, что слово — одно, смысл — другое,
Смысла не разумеет тот, кто занят словами.
3209. Тот смысл, что был ясен мне,
Я поведал языком птиц.
3210. Ибо беседование на нем не находит (ни в чем) подобия,
Оно не скрывает лик истинного смысла.
3211. Слово мое да поймет тот, кто разумеет птичий язык,
А еще он да примыслит и сверх того, что поймет.
3212. Ведь понятливая птица, познав эту повесть,
Поймет, каково содержание в этом слове.

Объективно иносказательная сущность произведения, под углом которой читатель и должен воспринимать поэму (автор, как говорилось выше, призывает к этому), выражается в виде целого комплекса содержательных построений, как бы вдвинутых одно в другое. Первое «иносказание» — это странствие птиц, познающих в себе *Симурга*. За этим иносказанием скрыто более глубокое — повесть о странствии самого автора по дорогам бытия. Но и этим иносказание не ограничивается, так как Навои всем содержанием поэмы показывает, что свершение всех своих помыслов, начиная с тех, что лелеял он в детские годы, поэт обрел в себе, в своем служении творчеству.

Навои осознает «Язык птиц» как свое заключительное произведение.

3341. А этот (певец) слагал песнь обо всем, что собрал,
И когда его жизни наступил предел,
3342. Сколько ни есть разных птиц в цветнике времен,
Да не только птиц, а, почитай, — и диких зверей —
3343. Обо всех он явил из своих уст сто напевов —
Все о сокрытых тайнах истины.
3344. Он в себя и в свою обитель заронил огонь,
Он жег и себя самого и (всех) других.

Навои ясно понимает масштабы своего творческого подвига и тех самоограничений, которые были связаны с ним. В конце поэмы, объясняя смысл своего тахаллуса «Фани», поэт пишет:

3563. Если не быть в этом (свершении) отрешенным, дело
не будет завершено, —
(Именно) из-за этого мои стихи обрели завершение в
(прозвании) «Отрешенный».

Таким образом, в структуре поэмы, в ее композиции усматриваются тонкий замысел и глубокая гармония, позволяющие сделать весьма существенный вывод: «Язык птиц» — удивительное по авторской сверхзадаче и ее решению произведение. Как авторская исповедь поэма гармонично завершает необычайно гармоничную жизнь великого поэта, всю — от начала до конца — представлявшую собой целенаправленный творческий подвиг.

Приверженность в юности к поэме Аттара и создание собственной поэмы на тот же (и, как мы видели, совсем не «тот же») сюжет очерчивают границы творческой жизни Навои, симметрия которых очень убедительно показывает поразительную цельность всего творческого пути поэта: Аттар—собственные персидские стихи—тюркские стихи (лирика) —> создание «Хамсе» —> теоретические трактаты («Mīzān ul-avzān», «Muhākamat ul-luġatajn») как подведение итогов и обоснование содеянного, —> «Lisān at-tajr» как художественное обоснование и завершение пути («возврат к началу»).

В «Lisān at-tajr» вырисовывается четкая симметрия личного и внеличного, авторское «я» раскрывается в самом начале поэмы (фрагмент 2), в конце ее (фрагменты 189—193), а также в середине, обрамляя вставной рассказ о шейхе Сан'ане (фрагменты 78—79). Упоминанию тахаллуса «Навои» предшествуют более 1,5 тысячи бейтов (1560) и после него — свыше двух тысяч (2037).

Личными мотивами пронизаны и *мунаджааты* («моления») в конце поэмы. Они свидетельствуют о желании автора следовать в жизни тем же принципам, которые изложены в его произведении; поэт просит всевышнего о великодушии и помощи на этом пути. Морально-этические нормы, нашедшие выражение в поэме, — личное кредо автора, вся его жизнь — образец служения народу.

Мунаджааты, так же как и следующая за ними собственно автобиографическая часть поэмы (бейты 3476—3562), связывают сказочный сюжет с действительностью. Автобиографическая часть поэмы представляет собой выражение сокровенных и давних мыслей автора, владевших им на протяжении всей жизни. Он вспоминает время учения в медресе; перед читателем предстает мальчик, любивший поэму Аттара и выучивший ее наизусть, постоянно повторявший стихи из нее, несмотря на запреты взрослых.

Эта заключительная часть поэмы раскрывает мечту автора о создании произведения, отражающего отношение поэта к жизни, к окружающей действительности, воплощающего его взгляды, раскрывающего читателю личность поэта и человека.

Художественное мастерство Навои проявляется в том, что несомненное присутствие в поэме авторского «я» никогда не становится самодовлеющим. Преобладание личных мотивов в конце поэмы воспринимается читателем как покаяние автора, а не «самовосхваление».

Нельзя не видеть в композиции поэмы и в самом ее замысле исключительной творческой смелости автора, его новаторства. В этом плане к Навои применима оценка, данная А. С. Пушкиным Данте: «...единый план „Ада“ есть уже плод высокого гения»⁸. Поразительно не только художественное мастерство Навои в собственно поэтической его разновидности, но и удивительное композиционное совершенство его лучшего произведения. Уже одно лишь сопряжение субъективного и объективного в поэме и специфические формы, в которых оно выражено, свиде-

⁸ А. С. Пушкин. Собрание сочинений в десяти томах, т. VI. М., 1962, стр. 269.

тельствуют, что Навои — поэт мирового значения. Понимание сущности всей поэмы как исповеди (а не только заключительных ее частей, где прямо говорится об автобиографических фактах) позволяет утверждать, что в ней иносказательно воплощен один из наиболее важных для Навои творческих принципов, характерных для творчества поэта-новатора, основоположника нового для того времени направления в литературе. Этот принцип состоит в том, что, по убеждению Навои, художественное достоинство поэзии заключается не только и, может быть, не столько в совершенстве ее формы, сколько в глубине содержания и выражаемых ею мыслей. В этом проявился гений Алишера Навои — поэта и мыслителя-гуманиста.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ф. А. ГАНИЕВ

МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОЖНЫХ СЛОВ

Сущность сложного слова, его структуру невозможно определить, не опираясь на его семантику, ибо сложное слово представляет собой диалектическое единство формы и содержания. Это не всегда учитывается в структурной и дескриптивной лингвистике, где сложные слова весьма редко являются предметом исследования.

Советское языкознание, рассматривающее единицы языка в диалектическом единстве их материальной формы и значения, исходит из того, что, во-первых, в языке существуют не только простые, но и сложные, обусловленные развитием языка единицы; во-вторых, механически выделенные отрезки речи и материальные единицы самого языка, выражающие единство формы и содержания, не во всех случаях совпадают.

Словосложению и сложным словам посвящены многочисленные труды¹, в которых даны принципы определения характерных особенностей сложных слов в языке, согласно их классификации.

Говоря об изучении сложных слов, А. А. Юлдашев пишет, что «сложные слова, которыми изобилуют тюркские языки, особенно их терминология, до сих пор не получили удовлетворительной разработки ни в словарях, ни в грамматических описаниях»².

Сложные слова имеются во многих языках, поэтому словосложение постоянно находится в поле зрения исследователей.

Так, по традиции, идущей с давних времен, индийские грамматики устанавливают четыре вида сложных слов в зависимости от доминантности компонента. «Сложное слово, в котором главным является первый компонент, называется а в ъ и б и х а. Композит, в котором главным является второй компонент, называется т а т п у р у ш а. Сложное слово, в котором оба компонента являются главными, называется д в а н д в а. Сложное слово, в котором ни один из компонентов не является главным, называется б а х у в р и х и»³.

Прочные традиции имеет изучение словосложения в немецком языкознании. Так, еще Якоб Гримм сложные слова разделял на «собствен-

¹ Часть этой обширной литературы, например, указана в книгах: Е. А. Василевская. Словосложение в русском языке. М., 1962, стр. 125—131; К. А. Левковская. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962, стр. 278—294; О. Д. Мешков. Словообразование современного английского языка. М., 1976, стр. 241—243.

² А. А. Юлдашев. К характеристике тюркских сложных слов. — «Вопросы языкознания», 1969, № 5, стр. 68.

³ Гуру Камтрасад. Грамматика хинди. М., 1962, стр. 272.

ные» и «несобственные» в зависимости от наличия соединительного элемента между компонентами сложных слов⁴.

Подобное деление сложных слов в немецкой научной литературе сохраняется до настоящего времени. Аналогичной точки зрения придерживается О. Бехагель, однако, в отличие от Я. Гримма, он предлагает деление сложных слов и на сдвиги («сдвиги — сложные слова, полученные из словосочетаний»)⁵.

В немецком языкознании имеется и другая классификация сложных слов, согласно которой они делятся на определительные, сочинительные и императивные⁶. Как видно, в основе данной классификации лежат взаимоотношения компонентов, хотя при этом не соблюден логический принцип «единого основания деления».

К. Дуден делит немецкие сложные слова на определительные, посессивные и копулятивные⁷.

М. Д. Степанова предлагает определять сложные слова в немецком языке: 1) по структурно-генетическому типу и 2) по типу синтаксико-семантической связи между компонентами сложного слова⁸. По структурному принципу она делит сложные слова на: 1) полносложные соединения, 2) неполносложные соединения, 3) сдвиги. Исходя из принципа связи, М. Д. Степанова выделяет: 1) определительные сложные слова, 2) сочинительные сложные слова, 3) слова-предложения. Ею употребляется термин «полуаффикс» для обозначения компонентов сложных слов типа *zeug* (*Flugzeug*), *mann* (*Kaufmann*), против чего категорически возражает К. А. Левковская, по мнению которой «то, что наблюдается в словообразовании, имеет свою аналогию в грамматике, где большинством языковедов непонятные служебные слова, в частности предлоги, рассматриваются именно как слова»⁹.

Примерно такой же точки зрения придерживается Вольфганг Флейшер, классифицирующий немецкие сложные слова по структурному принципу и семантическому взаимоотношению компонентов¹⁰.

В современных тюркских языках также имеются слова, встречающиеся лишь в составе сложных слов: *aşhanä* 'столовая', *jurāunatä* 'гадательная книга', *Kyrgyzstan* 'Киргизия', *säctaraş* 'брадобрей', *xanzadä* 'сын хана'. Вторые компоненты приведенных слов заимствованы из арабского и персидского языков; они отдельно не употребляются. В русском языке также имеется подобный тип слов: *-лог* (текстолог), *-граф* (лексикограф), *-грамма* (фонограмма).

Они по существу занимают промежуточное положение между самостоятельными словами и суффиксами: с точки зрения материальной структуры — имеют форму конкретного слова, а с точки зрения семантики — более близки к аффиксам.

М. Д. Степанова такие слова называет «полуаффиксами»¹¹. По нашему мнению, термин «полуаффикс» для обозначения указанного типа слов неудачен, ибо он может быть истолкован как некий уще

⁴ J. Grimm. Deutsche Grammatik, teil II. Berlin, 1878.

⁵ O. Bechagel. Die deutsche Sprache, Aufl. 8. Leipzig, 1930.

⁶ W. Henzen. Deutsche Wortbildung. Halle, 1947.

⁷ K. Duden. Grammatik. Leningrad, 1962, стр. 327—337.

⁸ М. Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953, стр. 112—117.

⁹ К. А. Левковская. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962, стр. 223.

¹⁰ W. Fleischer. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1976, стр. 81—115.

¹¹ М. Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка, стр. 78—79.

ный аффикс. Как видно из списка приведенных слов, здесь имеется в виду не ущербный аффикс, а скорее «ущербное» слово, поэтому правильнее было бы называть их «полусловами».

С формальной стороны образования с этими «полусловами» ничем не отличаются от сложных слов. Академическая грамматика русского языка сложения с отмеченным типом слов рассматривает как композиты¹².

Образования подобного типа в тюркских языках, на наш взгляд, также следует относить к сложным словам и рассматривать их как результат словосложения.

Исследователь сложных слов в русском языке Е. А. Василевская подразделяет их на: 1) «компози́ты без соединительной гласной» и 2) «компози́ты с соединительной гласной»¹³.

Данная классификация, хотя и представляет определенный интерес с точки зрения определения формального элемента соединения компонентов, однако не раскрывает всей сложной архитектуры композитов и лексико-грамматических связей компонентов.

Почти во всех научных грамматиках русского языка приводятся сведения о словосложении, дается классификация сложных слов по тому или иному принципу.

В академической «Грамматике русского языка» (1960 г.) словосложению отведено достаточное место, сложные слова классифицированы в основном по лексико-грамматическим признакам непосредственно составляющих компонентов. При этом учтена их осложненность суффиксами¹⁴.

В академической «Грамматике современного русского литературного языка» (1970 г.) сложные слова подразделяются на два типа: 1) сложные слова с сочинительным отношением основ и 2) сложные слова с подчинительным отношением основ. Классификация композитов в последней грамматике дана с учетом опорного компонента сложного слова¹⁵.

Таким образом, теория словосложения и сложных слов разрабатывается давно. Несмотря на это, до сих пор отсутствует стройная теория словосложения, все еще окончательно не установлены единые принципы исследования словосложения и единые критерии классификации сложных слов.

В настоящее время в языкознании приняты нижеследующие принципы классификации сложных слов.

1. По доминантности компонентов (К. Гуру). Этот принцип имеет определенное положительное значение для изучения главенствующей роли компонентов сложных слов, однако он явно недостаточен для выяснения сущности характера сложных слов и взаимоотношений их компонентов.

2. По наличию соединительного элемента между компонентами. Удобен для установления формальных разновидностей сложных слов, но этот принцип не позволяет раскрыть ни взаимоотношения, ни лексико-грамматический характер компонентов, установить все виды сложных слов.

3. По взаимоотношению компонентов. Установление характера взаимоотношения компонентов сложных слов позволяет определить качественную сторону сложных слов, их сущность. Поэтому данный принцип является основным для выяснения степени спаянности компонентов

¹² «Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 164.

¹³ Е. А. Василевская. Словосложение в русском языке, стр. 44.

¹⁴ «Грамматика русского языка», т. I. М., 1960, стр. 271—275.

¹⁵ «Грамматика современного русского литературного языка», стр. 162—165.

сложных слов. Однако следует иметь в виду, что при этом нельзя прямо переносить синтаксические взаимоотношения слов, входящих в свободные словосочетания, на сложные слова, как это делается в некоторых трудах. В современных языках синтаксическая связь в сложных словах отсутствует. Если бы она существовала между компонентами сложных слов, то они представляли бы собой синтаксические сочетания. О синтаксических связях между компонентами сложных слов можно говорить только в плане генетическом или условно — в плане соответствия отношения между частями сложных слов отношению в обычном синтаксическом сочетании.

Речь, таким образом, идет лишь о соотносительности синтаксической связи между словами словосочетаний и компонентами сложных слов, а не о реальной синтаксической связи, существующей в сложных словах. Тем не менее отношения, существовавшие в словосочетании до его перехода в сложное слово, или соотносительные отношения в модели являются надежным критерием для установления степени спаянности компонентов, ибо выявление характера синтаксической связи в словосочетании или соотносительной модели позволяет установить особенности спаянности компонентов сложного слова. Так, например, атрибутивная связь, как утверждает О. С. Ахманова, является видом наиболее тесной синтаксической связи, а комплективная связь — наиболее свободным видом связи¹⁶.

Синтаксическая связь подразделяется, как известно, на сочинительную и подчинительную, подчинительная же в свою очередь делится на согласование, управление и примыкание¹⁷.

В тюркологии существует и другая концепция, согласно которой подчинительная связь подразделяется на предикативную, конкретизирующую и пояснительную¹⁸.

Для исследования взаимоотношения компонентов сложных слов, по нашему мнению, необходимо их рассматривать в аспекте соответствия отношениям, имеющимся между словами словосочетаний. Эти отношения, как было сказано выше, условны, соотносительны. Они используются лишь для характеристики и установления степени спаянности компонентов сложных слов. Интересны доводы К. А. Левковской против проведения полной аналогии между сложными словами и словосочетаниями. «Сложному слову, — пишет она, — свойственны другие закономерности, чем словосочетанию, а происхождение словообразовательной модели и специфика принадлежащих к ней в современном языке слов — совсем разные вещи»¹⁹.

4. По лексико-грамматическому характеру их компонентов. Данная классификация особенно распространена в тюркских грамматиках, так как позволяет установить структурные особенности сложного слова, принадлежность компонентов к той или иной части речи и тем самым раскрыть лексико-грамматическую природу сложного слова.

Принцип установления словосложительной модели по лексико-грамматическому характеру компонентов надежен для определения материальной природы сложных слов. Однако эта классификация оставляет невыясненной степень спаянности компонентов, то есть качественную характеристику самого сложного слова.

¹⁶ О. С. Ахманова. *Словарь лингвистических терминов*. М., 1969, стр. 398.

¹⁷ «Грамматика современного русского языка». М., 1960, стр. 22—34; «Современный русский язык». М., 1964, стр. 266—282; «Грамматика современного русского литературного языка», стр. 486—535.

¹⁸ М. З. Закиев. *Синтаксический строй татарского языка*. Казань, 1963, стр. 80—83.

¹⁹ Е. А. Левковская. *Теория слова*, стр. 266—267.

5. По полноточности и неполноточности компонентов. Как известно, отдельные компоненты сложных слов могут быть и неполноточными. В этом случае один из компонентов сложного слова, имея полноценную словесную форму, семантически выступает в «ослабленном» виде, хотя полной грамматикализации и не происходит. Такими, например, являются сложные глаголы в тюркских языках. Первый компонент данных глаголов выступает в своем полном значении, второй же является модифицирующим (вспомогательным), выражающим способ действия (акционарт).

Характеристика композитов по этому принципу способствует в известной мере определению роли компонентов сложных слов. Поэтому данный принцип может применяться при исследовании словосложения, сложных слов.

Сложные слова могут быть классифицированы еще и по языкам-источникам компонентов. Как известно, в результате языковых контактов возникли лексические заимствования, а некоторые из них стали использоваться в качестве компонентов сложных слов.

Определение языков-источников компонентов сложных слов дает дополнительный материал для изучения истории языка, выяснения путей развития лексики и словообразования.

Думается, что из существующих принципов классификации сложных слов должны быть использованы те, которые так или иначе позволяют раскрыть материальную природу, семантическую сущность и степень спаянности компонентов сложных слов в тюркских языках.

Следует заметить, что в ряде тюркологических трудов при классификации сложных слов не соблюдается логический принцип «единого основания деления», в результате в одной группе оказываются совершенно разные виды сложных слов, установленные различными методами.

Как нам кажется, в тюркских языках наиболее целесообразно применять следующие принципы изучения сложных слов: 1) по взаимоотношению компонентов; 2) по лексико-грамматическому характеру компонентов; 3) по семантическому признаку компонентов; 4) по языкам-источникам компонентов.

При исследовании композитов использование указанных принципов дает возможность наиболее полно характеризовать сложные слова, выявить их категориальные сущностные признаки.

К. М. ЛЮБИМОВ

СИСТЕМА ДЕЕПРИЧАСТИЙ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

1.

Категория деепричастий в турецком языке не может считаться окончательно разработанной, ибо в ее описании имеются существенные недостатки: нет четкого определения значений и функций отдельных деепричастий, не установлено точное количество и не упорядочена терминология деепричастий, отсутствуют также четкая классификация и ясные критерии выделения деепричастий из многочисленных глагольных конструкций. В связи с этим А. Н. Кононов справедливо отмечает, что «под этим термином в грамматиках турецкого языка объединяется довольно многочисленная группа различных по своему происхождению отглагольных форм, в большинстве случаев это — отглагольные имена в косвенном падеже»¹.

Подробные описания турецких деепричастий имеются в грамматиках турецкого языка, изданных в Турции, во Франции, в Германии и в СССР.

В грамматике турецкого языка, изданной в 1921 году в Париже, автор — широко известный тюрколог Жан Дени² сгруппировал деепричастные формы следующим образом: 1) деепричастия и деепричастные формы связи: -ır, -makla, -arak; 2) деепричастия и деепричастные формы образа действия: -arak, olmak üzere, -a, -maksızın, -iken, -diği halde, -diği takdirde; 3) деепричастия и деепричастные формы времени: -dikta, -dikça, -ince, -inceye kadar, -eli, -diktan sonra, -madan evvel, -mazdan evvel; 4) деепричастия и деепричастные формы причины: -makla, -dan dolayı; 5) деепричастия и деепричастные формы сравнения: -diği gibi, -diği kadar.

Из этого перечня деепричастий и деепричастных форм видно, что многие из них, будучи устойчивыми глагольными конструкциями, либо не являются деепричастиями, либо же имеют к последним лишь косвенное отношение, поскольку в предложении они выступают как обстоятельства.

Вышедшие в Турции грамматики турецкого языка (М. Баха, 1930; Т. Бангуоглу, 1940; А. Д. Эмрэ, 1951; К. Демирай, 1958; М. Эргин, 1962; Х. Эдискун, 1963 и другие) написаны под большим влиянием грамматики Жана Дени и дают описание турецких деепричастий точно по его схеме.

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 474.

² J. Deny. Grammaire de la langue turque. Dialecte osmanli. Paris, 1921.

Приведем описание турецких деепричастий в одной из последних и полных турецких грамматик — в грамматике Х. Эдискуна³.

В этой грамматике деепричастия описываются в разделе «Глаголы-связки» или «Связочные глаголы» (*bağ-fiiller*, новое название *ulaşlar*, образованное от глагола *ulaşmak* 'соединять', 'связывать'). К связочным формам глагола автор отнес, помимо деепричастий, следующие глагольные конструкции, образованные на основе: 1) глагольного существительного на *-dik*: *yazdıği zaman*, *yazdıktan sonra* и т. п.; 2) глагольного существительного на *-acak*: *yazacağı zaman*, *yazacağı gibi* и т. п.; 3) временных форм: *yazarken*, *yazmışken*, *yazarcasına*, *yazmışcasına*, *yazar yazmaz*, *yazdı yazmadı* и т. п.; 4) инфинитива: *yazmak için*, *yazmaksızın* и т. п.; 5) усечённого инфинитива: *yazmadan önce*; 6) деепричастия: *yazınca* *yazmadıkça*.

В 1973 году вышла на немецком языке книга турецкого лингвиста Нури Юдже «Деепричастия в тюркских языках. Морфологическое и синтаксическое исследование», в которой автор рассматривает не только собственно деепричастия, но и многие устойчивые глагольные конструкции, употребляемые в тюркских языках в качестве обстоятельств⁴.

Как видно из приведенных примеров, турецкие лингвисты под термином *bağ-fiiller* имеют в виду большую группу глагольных связочных форм, в состав которых входят и собственно деепричастия.

При ознакомлении с советской тюркологической литературой нами установлено, что рассмотренные выше недостатки свойственны и многим работам советских тюркологов, у которых, так же как и у турецких авторов, отсутствуют четкие критерии выделения деепричастий, в результате чего к этой категории причислены формы иных глагольных групп; также не установлено точное количество деепричастий и не упорядочена их терминология; неполноценна в этих работах и сама система описания деепричастий.

В грамматике турецкого языка А. Н. Кононова⁵ (на русском языке) категория деепричастий описывается в разделе синтаксиса, а не морфологии, и соответственно их рассмотрение дано в синтаксическом аспекте. А. Н. Кононовым описаны функции следующих деепричастий: *-ır*, *-arak*, *-a*, *-alı*, *-ınca*, *-dikçe*, *-madan* (*-mazdan*), *-maksızın*, *-ken*, *-casına*.

Как видно из приведенного списка, А. Н. Кононов исключил из состава деепричастий многие глагольные формы, неоправданно включавшиеся в эту грамматическую категорию. Однако и в этом списке принадлежность трех последних форм к деепричастиям несколько сомнительна.

Следует отметить и тот факт, что А. Н. Кононов, не выделяя некоторых глагольных форм в самостоятельные деепричастия, приводит их вслед за описанием функций деепричастий, лежащих в основах этих глагольных форм. Так, например, после деепричастия на *-ince* следует форма *-inceye kadar*, после деепричастия на *-alı* — форма *-alidan beri*, после деепричастия на *-madan* — форма *-madan evvel* (*-madan önce*). Это дает основание считать глагольные формы также отнесенными к деепричастиям.

В 1959 году в Ашхабаде была опубликована статья А. Н. Баскакова о деепричастиях в тюркских языках⁶, в которой автор критически рас-

³ *Haydar Ediskun. Yeni Türk Dilbilgisi. Istanbul, 1963, стр. 250.*

⁴ См. рецензию на эту книгу А. Н. Кононова в журнале «Советская тюркология», 1975, № 3, стр. 95—96.

⁵ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.

⁶ А. Н. Баскаков. Деепричастие и его синтаксические функции в тюркских языках юго-западной группы. — «Труды Института языка и литературы Академии наук Туркменской ССР», вып. 3, Ашхабад, 1959.

смотрел существующие схемы их классификации по семантическому (Ж. Дени) и по морфологическому (В. А. Гордлевский) принципам и предложил свою классификацию, основанную на единстве семантического и морфологического принципов. Далее автор на конкретных примерах рассмотрел синтаксические функции деепричастий в предложениях. Формы на *-iken* и *-casın* А. Н. Баскаков не отнес к деепричастиям выделив их в «особые модальные формы, функционально сходные с деепричастиями».

Как видно из изложенного, в турецком языке имеется большая группа устойчивых глагольных конструкций, образованных на основах причастий, деепричастий, герундиев (глагольных существительных), инфинитива и временных форм, и эти конструкции никак нельзя считать деепричастиями, хотя они, как и деепричастия, выполняют в предложении функцию обстоятельств. В работах советских авторов (А. Н. Кононов, А. Н. Баскаков) делается попытка отграничить собственно деепричастия от многочисленных устойчивых глагольных конструкций.

В настоящей статье мы стремимся определить более твердые критерии выделения деепричастий, произвести инвентаризацию этих глагольных форм и, установив количество собственно деепричастий, выявить формы и конструкции, неоправданно включенные в состав этой категории. Наша задача — рассмотреть категорию деепричастий в новом аспекте, связав деепричастия с действиями, которые они передают, показать их синтаксические функции в предложении и упорядочить их терминологию.

2.

Деепричастия в турецком языке выполняют своеобразную функцию срединных, нефинитных глагольных форм. Дело в том, что турецкий язык по природе своей бессоюзный: у него нет такой разработанной системы союзов, как, например, в русском языке, и соединительную функцию приняли на себя в основном деепричастия и многочисленные устойчивые глагольные конструкции. В языке дореспубликанской Турции сочинительная связь осуществлялась главным образом посредством деепричастий. Сравнительно недавно стали широко употребляться некоторые арабские и персидские союзы. Подчинительную связь выполняют герундии⁷ с падежными окончаниями и послелогами, или устойчивые глагольные конструкции, образованные на основах герундиев, причастий, деепричастий, инфинитива и временных форм.

Формы турецких деепричастий по отношению к категориям времени и наклонения — нейтральны, так как обозначаваемые ими действия сопоставляются не с моментом речи, а с другими действиями, выражаемыми главными сказуемыми или последующими глагольными формами. Поэтому турецкие деепричастия только в контексте приобретают конкретно временные значения, зависящие от последующей или конечной глагольной формы.

Попытаемся дать общее определение деепричастий в турецком языке. Это — неизменяемые формы глагола, совмещающие в себе как

⁷ Применяемый в тюркологической литературе термин «имя действия» не раскрывает сущности данных форм, так как его значение неопределенно. Именем действия можно назвать и глагольное существительное, и глагольное прилагательное (причастие), и инфинитив. Поэтому мы пользуемся общелингвистическим термином «герундий» для обозначения глагольных существительных, выражающих одновременно и свойства глаголов, и свойства существительных.

признаки глаголов, так и признаки наречий, образующиеся прибавлением специальных аффиксов к глагольным основам. Они связывают два предложения или два однородных сказуемых при одном подлежащем, выражают сопутствующие действия, иногда выступая как признак основного действия, указывают на одновременность совершения действия или на предшествование, получают конкретные временные значения только в составе предложений или в составе словосочетаний, поскольку их значения зависят от последующих глагольных форм.

Следовательно, деепричастия в турецком языке выполняют среди производных глагольных форм особую и своеобразную функцию.

Кроме общих признаков функциональных глагольных форм (выражение действий, переходности и непереходности, залоговых отношений, утверждение и отрицание действий, управление соответствующими падежами), деепричастия имеют и свои специфические признаки: 1) образуются путем прибавления специальных аффиксов к глагольным корням или основам; 2) употребляются только в срединной (нефинитной) позиции; 3) не могут употребляться самостоятельно; 4) находятся в полной зависимости от последующих глагольных форм; 5) вне контекста не выражают времени совершения действия; 6) в контексте указывают на одновременность или предшествование; 7) не могут выступать в качестве определений; 8) не принимают аффиксов сказуемости и не спрягаются; 9) не принимают падежных аффиксов и не склоняются.

Таким образом, мы устанавливаем девять критериев выделения деепричастий в турецком языке.

Согласно этим критериям можно считать безусловно деепричастиями следующие глагольные формы на: -ır, -arak, -ince, -alı, -dikça, -a, -madan. Что касается всех других глагольных форм, включаемых некоторыми авторами в число деепричастий, то их следует отнести либо к устойчивым глагольным конструкциям, образующимся не только на основе деепричастий, но и на основе причастий, герундиев, инфинитива и форм времени, либо же к модальным формам. Так, формы на -ken и -casına, вошедшие в классификацию А. Н. Кононова, по нашему мнению, не являются деепричастиями и по функциональному сходству скорее относятся к модальностям. Форму -maksızın следует считать устойчивой глагольной конструкцией, образованной на основе инфинитива.

В турецком языке в основном употребляются простые формы деепричастий, но встречаются и сложные, состоящие из двух компонентов, первый из которых — причастие прошедшего времени, а второй — деепричастие на -ır или на -arak. Сложные формы деепричастий, поскольку в их состав входит первичное причастие прошедшего времени, естественно, выражают время, но лишь в общих чертах, то есть время второстепенное, указывающее на законченность действия, безотносительно к моменту речи. Основное же временное значение сложные деепричастия, точно так же как и простые, приобретают только в контексте.

Часто турецкие деепричастия переводятся на русский язык посредством различных речевых оборотов, и русский перевод, естественно, не может играть какой-либо роли в установлении критериев выделения турецких деепричастий.

Турецкие деепричастия можно подразделить на две группы: 1) деепричастия, передающие действия, предшествующие другим действиям, — деепричастия предшествования; 2) деепричастия, передающие действия, происходящие одновременно с другими действиями, — деепричастия одновременности. Отметим, что деепричастия на -ır и на -arak встречаются в обеих группах.

3.

ДЕЕПРИЧАСТИЯ ПРЕДШЕСТВОВАНИЯ

1. Деепричастие непосредственно предшествующего действия. Это деепричастие характеризуется аффиксом -ır, -ir, -ur, -ür, прибавленным к основе глагола (например, yaz + ır 'написав'), употребляется в турецком языке для соединения либо двух равных предложений, либо двух однородных сказуемых при одном подлежащем, причем действие, передаваемое этим деепричастием, непосредственно предшествует другому действию, вытекающему из него как его естественное развитие. Например, «Солнце взошло, и дети вышли в сад» или «Учитель открыл книгу и начал читать». В таких случаях эта деепричастная форма переводится сочинительным союзом «и» с одновременной заменой деепричастного аффикса формой последующего глагола. Например:

а) При разных подлежащих:

1) ...sanki yer yarılıp oradan çıkıvermişti (XVIII, 26) 'Как будто земля треснула, и он оттуда выскочил'.

2) Arası dört beş gün geçip Hoca yine hamama gitti (XIX, 493) 'Прошло четыре-пять дней, и Ходжа снова пошел в баню'.

б) При одном подлежащем:

1) Işığ söndürüp yattım (IX, 44) 'Я погасил свет и лёг'.

2) Arabacılar hazırlanıp gittiler (III, 65) 'Извозчики собрались и уехали'.

При отрицательной форме основного глагола деепричастие на -ır употребляется в положительной форме, так как этот аффикс заменяет все аффиксы последующей глагольной основы: Dönür bapa bakmadı. 'Он не обернулся и не поглядел на меня'. При положительной форме основного глагола деепричастие на -ır при необходимости может иметь отрицательную форму: ...kendinizi tutamayıp gülersiniz (XXI, 127) 'Вы не можете удержаться и смеетесь'.

Некоторые словосочетания с деепричастием на -ır приобрели характер устойчивых глагольных конструкций:

1) bakıp durmak 'пристально смотреть' (XXV, 157);

2) okuyup durmak 'беспрестанно читать' (XXV, 157).

Аффикс -ır употребляется в некоторых утвердившихся грамматических конструкциях:

1) Gelip gelmediğini bilmiyorum = geldiğini veya gelmediğini bilmiyorum (XIII, 251) 'Я не знаю, приехал он или не приехал'.

2) Gidip gelmemek, gelip görmemek var = gitmek ve gelmemek, gelmek ve görmemek var (XIII, 251) 'Можно пойти и не прийти, можно прийти и ничего не увидеть'.

2. Деепричастие моментальной последовательности. Это деепричастие характеризуется аффиксом -ınca, -ince, -ınca, -ünce, прибавленным к основе глагола (например, yaz + ınca 'как только написал'), употребляется в турецком языке для соединения либо двух предложений, либо двух однородных сказуемых при одном подлежащем, причем действие, передаваемое этим деепричастием, непосредственно предшествует другому действию, передаваемому главным сказуемым. Это деепричастие указывает на мгновенную смену действий, на моментальную последовательность: «Как только взошло солнце, дети вышли в сад». Например:

а) При разных подлежащих:

1) O içeri girince, bütün arkadaşlar ayağa kalktılar (VI, 81) 'Как только он вошел, все товарищи встали'.

2) Evinize gelince yanlışlık olduğunu söylersiniz (V, 75) 'Когда он придёт к вам в дом, вы скажете, что произошла ошибка'.

б) При одном подлежащем:

1) Karım, sanırım sıkıldığını görünce güldü (VII, 89) 'Моя жена, увидев, что я расстроился, засмеялась'.

2) Mektubumu alınca şaşıracaksın (IV, 7) 'Когда ты получишь мое письмо, ты раскроешь рот от удивления'.

Отрицательная форма этого деепричастия переводится на русский язык или деепричастием, или оборотом «пока не...», или другими способами. Например:

1) Röntgen olmayınca da bir şey uyarıram (IV, 34) 'Пока не будет рентгена, я ничего не могу делать'.

2) O gelmeyince yemeği yedik (XIII, 257) 'Поскольку он не пришел, мы съели всю еду'.

Некоторые словосочетания с деепричастием на -ince приобрели характер устойчивых глагольных конструкций:

1) bana gelince (XIII, 257; XXV, 204) 'что касается меня';

2) sırası gelince (XIII, 257; XXV, 541) 'при случае';

3) her şeye göz yumunca (XIII, 257) 'закрывая на все глаза'.

3. Деепричастие исходного момента. Это деепричастие характеризуется аффиксом -alı, -eli, прибавленным к основе глагола (например, yaz + alı 'с тех пор как написал'), употребляется в турецком языке для соединения либо двух предложений, либо двух сказуемых при одном подлежащем, причем действие, передаваемое этим деепричастием, предшествует другому действию, передаваемому главным сказуемым. Это деепричастие указывает на исходный момент главного действия, то есть на продолжительность главного действия, а также позволяет определить время с момента первого действия до момента речи или до другого действия, выраженного главным сказуемым. Например, «С тех пор как он приехал в Москву, он все время ищет своего лучшего школьного товарища», или: «С тех пор как я приехал в Москву, я все время живу на улице Кирова», или: «С тех пор как она приехала в Москву, прошло десять лет». Отрицательная форма этого деепричастия не употребляется. Например:

а) При разных подлежащих:

1) Onlar geleli tam on dokuz gün ve o kadar gece olmuştu (XIV, 132) 'С тех пор как они приехали, прошло ровно девятнадцать дней и столько же ночей'.

2) Atike hatunla evleneli iki seneyi geçiyordu (XIX, 446) 'С тех пор как он женился на Атике-хатун, прошло уже два года'.

б) При одном подлежащем:

1) Buraya geleli romatizmadan kurtulamıyorum (II, 198) 'С тех пор как я приехал сюда, не могу избавиться от ревматизма'.

2) O, ailesini Kayseri'ye göndereli, ... hemen, bütün saatlerini — birçok kimseler gibi — Meclis karşısındaki Belediye Bahçesinde geçiriyordu (XXIII, 76) 'С тех пор как он отправил свою семью в Кайсери, он, как и многие другие, почти все время проводил в городском саду, что находится напротив парламента'.

Формы этого деепричастия иногда усложняются, и образуются устойчивые глагольные конструкции с теми же значениями. Например:

1) geleli beri, geleliden beri, geldi geleli 'С тех пор как (он) приехал'.

2) Ben beni bildim bileli bu dağların çobanıyım (XIII, 259) 'С тех пор как я себя знаю, я все время пастух на этих горах'.

4.

ДЕЕПРИЧАСТИЯ ОДНОВРЕМЕННОСТИ

1. **Деепричастие сопроводительного действия.** Это деепричастие характеризуется аффиксом *-arak*, *-erek*, прибавленным к основе глагола (например, *yaz + arak* 'пиша'), употребляется в турецком языке обычно для соединения двух сказуемых при одном подлежащем, причем действие, передаваемое этим деепричастием, происходит, как правило, одновременно с другим действием, передаваемым главным сказуемым, и является сопровождающим главное действие (обстоятельство образа действия). Например, «Он читал книгу, посматривая на меня». Это деепричастие обычно переводится на русский язык также деепричастием. Например:

1) *Gülümsemeğe çalışarak yaklaştım, onu öptüm* (X, 39) 'Стараясь улыбаться, я подошел к ней и поцеловал ее'.

2) *Eline uzun bir sırık aldı, telde yürümeğe başladı. Yarı yola gelince arka arka yürüyerek geri döndü* (XII, 18) 'Он взял в руки длинный шест и пошел по проволоке. Дойдя до середины, он, пятась задом, вернулся на свое место'.

Отрицательная форма этого деепричастия имеет точно такое же сопровождающее обстоятельственное значение, как и положительная форма. Например:

1) *Genç kadın, hiç sesini çıkarmıyarak önüne baktı* (XXIII, 78) 'Молодая женщина, ничего не говоря, посмотрела вдаль'.

2) *Acele etmiyerek yanımdan ayrıldı, odasına döndü* (XXI, 11) 'Он, не проявляя поспешности, отошел от меня и вернулся к себе в комнату'.

Это деепричастие имеет сложную форму. Например:

1) *İsimler, cümlede, yalın halde veya çekim eki almış olarak kullanılabilir* (XIV, 54) 'Имена существительные могут употребляться в предложении или в своем чистом виде, или принявшими падежные аффиксы'.

2) *Bir İtalyan için iş böyle ise, bir Türk oraya silâhlanmış olarak bile gidemez* (XXIII, 33) 'Если для итальянца дело выглядит так, то турок не может поехать туда, даже будучи вооруженным'.

Это деепричастие широко употребляется в особых оборотах речи, уточняя значение основного глагола. Например: *koşarak gelmek* 'прибежать = прибыть бегом', *yüzerek geçmek* 'переплыть = пересечь вплавь' и т. д.

Это деепричастие иногда выполняет функцию, свойственную деепричастию непосредственно предшествующего действия на *-ip*:

1) *Kâtip, yerinden kalkarak lomboza yaklaştı* (XXII, 87) 'Секретарь встал со своего места и подошел к иллюминатору'.

2) *Baba çocukları alarak balkona götürdü* (XVII, 62) 'Отец взял детей и увел их на балкон'.

Деепричастие от глагола *olmak* 'быть', 'стать', 'становиться' *olarak* — в соединении с именами прилагательными образует наречия, а в соединении с именами существительными — наречные обороты. Например: *basit olarak* 'просто' (XXV, 462); *kesin olarak* 'решительно' (XXV, 335); *genel olarak* (XII, 253) 'вообще', *kâtip olarak çalışmak* (XXV, 462) 'работать в качестве секретаря', 'работать секретарем'; *hediye olarak vermek* (XIII, 253) 'дать в качестве подарка'.

Некоторые словосочетания с деепричастием на *-arak* приобрели характер устойчивых глагольных конструкций: *sirasını bularak* (XXV, 541) 'при случае'.

2. **Деепричастие параллельного действия.** Это деепричастие характеризуется аффиксом *-ır*, *-ip*, *-ur*, *-ür*, прибавленным к основе глагола

(например, *yaz + ır* 'написав'), употребляется в турецком языке для соединения либо двух предложений, либо двух сказуемых при одном подлежащем, причем действие, передаваемое этим деепричастием, происходит, как правило, одновременно с другим действием, передаваемым главным сказуемым, и является параллельным и независимым. Например, «Он читает книгу и пьет чай». Эта деепричастная форма обычно переводится на русский язык с сочинительным союзом «и» и одновременной заменой деепричастного аффикса формой последующего глагола. Например:

1) *Bakır gülüyor* = *O bakıyor ve gülüyor* (XIII, 251) 'Он смотрит и смеется'.

2) *Arabalar girip çıkıyordu* = *arabalar giriyordu ve çıkıyordu* (III, 55) 'Повозки въезжали и выезжали'.

3) *Meğer ben alık alık etrafıma bakınır, bekleme odasındaki sobayı tuayene ederken öteki yolcular oraya koşmuşlar* (XXI, 94) 'В то время как я, как дурак, озирался вокруг и занимался печуркой в зале ожидания, другие пассажиры, оказывается, побежали туда'.

При отрицательной форме основного глагола деепричастие на *-ır* употребляется в положительной форме, так как аффикс *-ır* заменяет все аффиксы, имеющиеся у последующей глагольной основы:

1) *Şehirde aksırıp öksürmiyen yok(tu)* (XXI, 65) 'В городе не было нечихающих и некашляющих' (то есть, все чихали и все кашляли).

2) *Bahusus kuş uçur kervan geçmiyen çamlı bel...* (III, 67) 'Поросшее сосняком ущелье, где никогда не пролетают птицы и не проходят караваны'.

Аффикс *-ır* широко употребляется для замены любой последующей глагольной формы с тем, чтобы не было грамматических повторений. Например:

1) *Çiçekçiye gidip bir buket yaptırmalıyım* = *gitmeliyim ve yaptırmalıyım* (X, 43) 'Я должен пойти к продавцу цветов и подобрать букет цветов'.

2) *Okuyup yazabilir* = *o okuyabilir ve yazabilir* (XIII, 251) 'Он может читать и может писать'.

3) *Okuyup yazamıyor* = *o okuyamıyor ve yazamıyor* (XIII, 251) 'Он не может читать и не может писать'.

3. Деепричастие многократного действия. Это деепричастие, характеризуется аффиксом *-a, -e*, прибавленным к основе глагола (например, *yaz + a* 'пиша'), употребляется в турецком языке, как правило, в удвоенном виде (например, *yaşa yaşa* 'пиша пиша') и служит, обычно, для соединения двух сказуемых при одном подлежащем, причем действие, передаваемое этим деепричастием, происходит одновременно с другим действием, выражаемым главным сказуемым, сопровождая главное действие как обстоятельство образа действия. Например: «Он читал книгу, то и дело посматривая (посматривая, посматривая) на меня».

Значение этого деепричастия очень близко к значению деепричастия сопровождающего действия на *-arak*. Разница лишь в том, что данное деепричастие, употребляясь всегда в удвоенном виде, указывает на повторность, многократность или на интенсивность действия. Переводится оно обычно на русский язык деепричастием. Например:

1) *Çocuk, yüzü şişe şişe, ağzını bir karış aça aça ve gözlerini yuma yuma ağlıyordu* (XIX, 277) 'Ребенок плакал, раздувая щеки, сильно раскрывая рот и закрывая глаза'.

2) *Kan izlerini takip ede ede yolunuzu bulduk* (III, 36) 'Мы долго шли (букв.: 'идя идя') по следам крови и наконец нашли вас'.

Это деепричастие может быть образовано от разных глагольных основ, как правило, с антонимическими значениями. Например:

- 1) *düşe kalka gitti* (XIII, 253) 'он ушел, падая и вставая';
- 2) *güle ağlıya geldi* (XIII, 253) 'он пришел, смеясь и плача'.

Как и деепричастие на *-arak*, это деепричастие употребляется в особых оборотах речи, уточняя значение основного глагола: *koşa koşa gelmek* (XIII, 253) 'прибежать' (то есть прибыть бегом); *yüze yüze geçmek* 'переплыть' (то есть пересечь вплавь) и т. д.

Отрицательная форма этого деепричастия не употребляется.

Некоторые деепричастия на *-a* приобрели характер устойчивых глагольных конструкций и выступают как наречия: *gele gele* 'постепенно' (XXV, 204), *gide gide* 'постепенно', 'понемногу' (XXV, 209), *bile bile* 'намеренно', 'умышленно' (XXV, 76), *gasgele* 'случайно' (XXV, 499).

4. Деепричастие нарастания или убывания действия. Это деепричастие характеризуется аффиксом *-dikça, -dikçe, -dukça, -dükçe; -tikça, -tikçe, -tukça, -tükçe*, прибавленным к основе глагола (например, *yaz + dikça* 'по мере того как писал'), употребляется в турецком языке для соединения или двух предложений, или двух сказуемых при одном подлежащем, причем действие, им выражаемое, происходит одновременно с другим действием, передаваемым главным сказуемым, сопровождающая главное действие как обстоятельство причины.

Переводится на русский язык несколькими близкими по значению вариантами, зависящими от временной формы сказуемого главного предложения, а чаще всего оборотом «по мере того как...». Например:

а) При разных подлежащих:

1) *Kerimin aylığı yükseldikçe, onunla aramızdaki mesafe de açılıyordu* (VI, 84) 'По мере того как увеличивалось жалование Керима, увеличивалось и расстояние между ним и нами'.

2) *Alevler yükseldikçe gölgeler de büyüyordu* (XI, 130) 'По мере того как разгоралось пламя, увеличивались и тени'.

б) При одном подлежащем:

1) *Fakat, yürüdükçe iştahı açılır, iştahı açıldıkça yemek yer ve yedikçe şişmanlardı* (XXIII, 90) 'Но, по мере того как они ходили, у них увеличивался аппетит, по мере того как у них увеличивался аппетит, они ели, а по мере того, как они ели, они полнели'.

2) *Fırsat buldukça seyahat ediniz* (II, 24) 'Всякий раз как вы найдете удобный случай, отправляйтесь в путешествие'.

Это деепричастие, употребляясь с определительным местоимением *her* 'каждый', образует устойчивую глагольную конструкцию с временным значением, которая переводится словами «всякий раз как...». Например: *Bize her geldikçe çiçek getirir* (XIII, 260) 'Всякий раз как он приходит к нам, он приносит цветы'.

Отрицательная форма этого деепричастия переводится на русский язык словами «до тех пор пока не...». Например:

1) *Ben, o romanı okumadıkça bir fikir söyleyemen* (XIII, 260) 'До тех пор пока я не прочту этот роман, я не могу сказать своего мнения'.

2) *...kendiliğinden garajına giden bir cankurtaran arabası icat edilmedikçe hiçbir vatandaş canını kurtaramaz* (IV, 26) 'До тех пор пока не будет изобретена машина скорой помощи, которая сама бы возвращалась в гараж, никто из граждан не сможет спасти свою душу'.

Такие деепричастия от глаголов *gitmek* 'идти', *uğradmak* 'уходить' и *olmak* 'быть', 'стать', 'становиться', кроме своих основных значений, выражают также значения наречий и выступают как самостоятельные лексические единицы:

1) gittikçe 'постепенно', 'мало по малу', 'все более и более' (XXV, 210). Su seviyesi gittikçe yükseliyor 'Уровень воды постепенно поднимается'.

2) oldukça 'довольно', 'достаточно', 'довольно хорошо' (XXV, 462). O akşam, oldukça çok içti (XIII, 260) 'В тот вечер он довольно много выпил'.

5. Отрицательное деепричастие образа действия. Это деепричастие характеризуется аффиксом -madan, -meden, прибавленным к основе глагола (например, yaz + madaп 'не пиша'), употребляется в турецком языке для соединения либо двух предложений, либо двух сказуемых при одном подлежащем, причем действие, передаваемое этим деепричастием, или еще не наступило, или происходит одновременно с другим действием, передаваемым главным сказуемым, и сопровождает главное действие как обстоятельство образа действия, например: «Он разговаривал со мною, не глядя на меня». Иногда, главным образом в диалектной речи, вместо аффикса -madan, -meden употребляется аффикс -mazdan, -mezden.

Это деепричастие переводится на русский язык или словами «до того как...», или отрицательным деепричастием. Например:

а) При разных подлежащих:

1) Sabahleyin güneş doğmadan da kalktım (XII, 15) 'Утром я встал до восхода солнца (букв.: утром, солнце не взойдя, я встал)'.

2) Bu sabah siz gelmeden ihtiyar bir kadın geldi (XIX, 291) 'Сегодня утром, до того как прийти вам (букв.: вы не придя), пришла какая-то пожилая женщина'.

б) При одном подлежащем:

1) Arkasına bakmadan yürüdü karanlıkta kayboldu (VIII, 76) 'Она пошла, не оглядываясь назад, и исчезла в темноте'.

2) Bir kadavra gibi en ufak bir hareket yapmadan yatıyordu (XI, 102) 'Он лежал, как труп, не производя никакого движения'.

Некоторые словосочетания с деепричастием на -madan приобрели характер устойчивых глагольных конструкций:

1) nefes almadan 'без передышки' (XXV, 452);

2) vakit bırakmadan 'не теряя времени' (XXIV, 307);

3) göz açıp kapamadan 'в мгновение ока' (XXIV, 309);

4) çok geçmeden 'вскоре' (XXVI, 113).

5.

Итак, по нашему мнению, в турецком языке имеется восемь деепричастий, три из которых передают действия, предшествующие другим действиям, а пять деепричастий передают действия, совершающиеся одновременно с другими действиями, причем деепричастие на -ır оказывается в том и другом разделе.

Функцию связывания двух предложений или двух однородных сказуемых, помимо деепричастий, выполняют многочисленные устойчивые глагольные конструкции, образуемые прибавлением аффиксов или послелогов к глагольным существительным на -dik, -acak и -ta, к инфинитиву, к временным основам, к причастиям и деепричастиям. Подобные глагольные конструкции никак нельзя считать деепричастиями, хотя они и являются средними (нефинитными) глагольными формами. Мы разделяем точку зрения Н. А. Баскакова, указывающего на необходимость строго разграничивать деепричастия, причастия, глагольные существительные и различные глагольные конструкции, так как они имеют разные формы и обладают разными функциями⁸.

⁸ См.: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II, ч. I. М., 1952; стр. 459.

Мы полностью разделяем также мнение А. Н. Баскакова относительно форм *-ken* и *-casına* и, так же, как и он, не считаем эти формы деепричастиями. В упомянутой выше работе А. Н. Баскаков пишет: «Формы на *-ken* и *-casına* представляют собой особые модальные аффиксы, образующие формы, функционально сходные с деепричастиями. Формы, образованные с помощью этих аффиксов, отличаются в морфологическом отношении от всех других деепричастий тем, что, если собственно деепричастия образуются путем присоединения соответствующих аффиксов непосредственно к основе глагола, то аффиксы *-ken* и *-casına* присоединяются или к причастиям, или же к именам существительным»⁹. Это положение нельзя не признать справедливым и убедительным.

ЛИТЕРАТУРА

- I. *Agâh Sırrı Levend*. Türk dilinde gelişme ve sadeleşme safhaları. Ankara, 1949.
- II. *Ahmet Cevat Emre*. Liselerin ikinci sınıfları için dilbilgisi, II. İstanbul, 1951.
- III. *Aka Gündüz*. Onların romanı. İstanbul, 1933.
- IV. *Aziz Nesin*. Ölmüş eşek. İkinci baskı. İstanbul, 1958.
- V. *Aziz Nesin*. Amatör ruhlu bir polis. — «Ölmüş eşek», ikinci baskı. İstanbul, 1958.
- VI. *Aziz Nesin*. Dalkavukluk istemem. — «Ölmüş eşek», ikinci baskı. İstanbul, 1958.
- VII. *Aziz Nesin*. Sınır üstünde ev. — «Ölmüş eşek», ikinci baskı. İstanbul, 1958.
- VIII. *Cengiz Yörük*. Neden böyle oldu? — «Yeni hikâyeler», Varlık yayınları, sayı 540. İstanbul, 1957.
- IX. *Erdal Öz*. Bir avuç güneydin. — «Yeni hikâyeler», Varlık yayınları, sayı 540. İstanbul, 1957.
- X. *Erdoğan Tokmakçioğlu*. Suçlu. — «Yeni hikâyeler», Varlık yayınları, sayı 540. İstanbul, 1957.
- XI. *Esad Mahmud Karakurd*. Dağları bekliyen kız. İstanbul, 1937.
- XII. *Faik Baysal*. Sancı meydanı. — «Yeni hikâyeler», Varlık yayınları, sayı 540. İstanbul, 1957.
- XIII. *Haydar Ediskun*. Yeni Türk Dilbilgisi, Lise I. II. III. İstanbul, 1958.
- XV. *M. Agâh*. Ataların dilinden. Sayı 1. İstanbul, 1928.
- XVI. *Mehmet Ali Ağakay*. Türkçe Sözlük. Üçüncü baskı. Ankara, 1959.
- XVII. *Muhittin Celâl*. Ev bakımı. Sınıf 5. İstanbul, 1932—1933.
- XVIII. *Muzaffer Hacıhasanoğlu*. Çiçekler. — «Yeni hikâyeler», Varlık yayınları, sayı 540. İstanbul, 1957.
- XIX. *Ragıp Sevki Yeşim*. Dünyayı güldüren adam: Nasreddin Hoca, Bütün fıkralar. İstanbul, 1956.
- XX. *Refik Ahmet*. Ortamektepler ve Muallim mektepleri için kıraat. İstanbul, 1932.
- XXI. *Reşat Nuri Güntekin*. Anadolu notları. İstanbul, 1937.
- XXII. *Turan Bakır*. Rıhtımda. — «Yeni hikâyeler», Varlık yayınları, sayı 540. İstanbul, 1957.
- XXIII. *Yakup Kadri*. Ankara (roman). Ankara, 1934.
- XXIV. *А. Н. Кононов*. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
- XXV. *Д. А. Магазаник*. Турецко-русский словарь. М., 1945.

⁹ А. Н. Баскаков. Указ. раб., стр. 10.

А. ГУСЕИНЗАДЕ

ПАРАЛЛЕЛИ ОГУЗСКИХ ЭТНОНИМОВ В СОВРЕМЕННОЙ ТОПОНИМИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР*

Первые отряды огузов появились в Азербайджане в первой четверти XI века (17,9). Местный правитель Вахсудан ибн Мамлан (1025—1059) породнился с ними (19,381), чтобы воспользоваться их помощью в борьбе со своими противниками Шаддадидами Арана (39,82). Однако, по свидетельству Ибн ал-Асира, вожди огузов часто предпринимали грабительские набеги на соседние территории. Они напали, в частности, на Марагу (1037—1038 годы), предали огню соборную мечеть и перебили курдов хизбанийе (19,381). Разочарованный в огузах, Вахсудан изгнал их совместно с правителем Урмии из Азербайджана, однако часть их закрепилась в окрестностях Урмии (39,82).

Наиболее достоверными древними источниками, содержащими сведения об огузах, являются труды Махмуда Кашгари (XI век) и Рашидаддина (XIII—XIV века). Из упоминаемых в них двадцати четырех огузских этнонимов восемнадцать (16,381), с некоторыми фонетическими отклонениями, закрепились в топонимии Закавказья и дошли до наших дней, одиннадцать из них — на территории Азербайджана. Эти этнонимы, как нам думается, проливают определенный свет на этногенез азербайджанского народа. Приведем их: *афшар* (*аушар*), *байат*, *байандур* (*байундур*), *бәджәйк* (*бәджәй*), *бекдили* (*бектили*), *джәппи* (*чибни*), *джувайлдар* (*джаулдур*), *аймур* (*имир*), *ива* (*йива*), *салгур* (*салор*) и *түкәр* (*дүйкәр*).

Несмотря на существование языковых и других общих черт между одноименными этническими общностями огузов, необходимо учитывать неидентичность современных носителей этих этнонимов, проживающих на территории СССР и зарубежных стран (Иран, Ирак, Турция и др.). Дело в том, что отдельные группы древних огузов, в силу различных социально-политических факторов, отделяясь от основной массы, продолжали свое существование в разных исторических условиях и этнокультурных средах. Степень их этнической устойчивости зависела от масштабов и характера их передвижения. Если макромиграции способствовали сохранению их самобытности на новых территориях, то при микромиграции племена-мигранты ассимилировались местным населением и со временем их этническая самобытность во многом утрачивалась. Поэтому байаты Советского Азербайджана и байаты, проживающие в Иранском Азербайджане или в Иракской Республике, несмотря на их генетическое родство, значительно различаются по языковым и другим этническим особенностям.

* В основу статьи положен доклад автора на Всесоюзной тюркологической конференции в Алма-Ате (1976).

Остановимся конкретно на упомянутых выше этнопонимах.

1. **Афшар** у Махмуда Кашгари (18,40) этноним, по Рашидаддину Аушар — антропоним (34,88) — первый сын Юлдуз-хана, означающий «проворный, ловкий, к охоте и соколам страстный». По-видимому, к этнониму *афшар* восходит название Апшеронского полуострова. Никаких иных следов в современной топонимии Азербайджана этот этноним не оставил. Но на исторической карте ареал этого этнопонима гораздо шире (14,66). В литературе он обычно интерпретировался на базе персидского языка как *абе-шуран* 'соляные воды', то есть предполагалось, что этот топоним возник в связи с существующими на полуострове соляными озерами (31,28). Однако такая этимология сомнительна, тогда как связь этого этнопонима с названием племени афшар представляется более убедительной (41,8; 14,66).

2. **Байат** у Махмуда Кашгари этноним (18,40), по Рашидаддину — антропоним (34,88) — имя второго сына Гюн-хана. Значение слова — «счастливый и милостивый». Однако известно, что в одном из древних тюркских языков слово «байат» означает «бог» (18,520; 38,43). В Азербайджанской ССР этот топоним сохранился в Агджебединском, Сальянском, Шемахинском и Уджарском районах в форме *Байат* (1,148), а в Дивичинском районе *Узунбайат* (1,200) и *Синджанбайат* (1,195). Некогда он имел более широкий ареал: одни из южных ворот Дербента назывались «Байат капысы» («Байатские ворота»), что указывает на пребывание этого племени в Дагестане (23,299). Вероятно, к названию племени *байат* восходят классические мугамы: *Байатишираз*, *Байаткаджар*, *Байаткурд*, *Байатисфаган* и др. Великий азербайджанский поэт Мухаммед Физули также происходил из племени байат.

По мнению А. Бакиханова, байаты были переселены в Ширван Шах Исмаилом I (1501—1524) из Ирака (7,77). Байатам и их роли на Ближнем Востоке посвящено специальное исследование (40).

3. **Байундур** у Махмуда Кашгари этноним (18,40), по Рашидаддину — антропоним, зафиксированный в форме *Байандур*, — имя первого сына Кок-хана (34,89) со значением «да будет та земля постоянно полна (всяких благ)». Этот этноним сохранился в топонимии Мир-Баширского района в форме *Байандурлу* (1,146).

4. **Бәджәнәк** этноним по Махмуду Кашгари (18,41), у Рашидаддина — антропоним, зафиксирован в форме *Бәджәнә* — имя второго сына Кок-хана. Значение слова — «да сделает доброе дело» (34,89). По мнению В. В. Бартольда, до появления труда Махмуда Кашгари ученые предполагали, что данный этноним связан со словом *баджанак* 'зять' (8,91). Этот этноним сохранился в названии двух географических объектов в Нахичевани: *Биченакский* перевал (2) и ойконим *Биченек* — в Шахбузском районе (1,148).

5. **Бектили** у Махмуда Кашгари этноним (18,40), у Рашидаддина — антропоним: *Бекдили* — имя третьего сына Улдуз-хана со значением «да будет почтен, подобно речи великих людей» (34,89). В топонимии Азербайджана сохранился в форме *Бекдили* — наименование населенных пунктов в Евлахском и Сальянском районах республики (1,146).

6. **Джәбни** этноним у Махмуда Кашгари (18,41), у Рашидаддина — зафиксировано как антропоним *Чибни* — имя четвертого сына Кок-хана со значением «всюду, где увидит врага, немедленно вступает (с ним) в бой» (34,89). В современной топонимии сохранился как *Джабани* в Шемахинском районе (1,158). На исторической карте в Ивановском полицейском участке Геокчайского уезда (1916 г.) отмечен его вариант — *Чапни* — населенный пункт (22,5), а по списку 1831 года — в Шабранском магале Кубинской провинции — *Чепни* (24, л. 307^а). В

истории Азербайджана *Джабани* известно как место, где один из основателей Сефевидского государства Шах Исмаил I нанес поражение (21,265) Ширваншаху Фаррух Иесару (12.II.1501 г.). Появление носителей этнонима *джабни* на территории Закавказья относится к периоду сельджукского завоевания (15,6). По сообщению историка Мухаммада Насави (35,155), в походах Джалаладдина Хорезмшаха (1220—1231) в Азербайджан предводители племен *джабни* принимали активное участие.

7. *Джувалдар* у Махмуда Кашгари этноним (18,41), по Рашидаддину антропоним — имя третьего сына Кок-хана. Слово зафиксировано в форме *Джаулдур* со значением «честный, с широко известной (незапятнанной) репутацией» (34,89). Этноним сохранился в топонимии Дашкесанского и Кельбаджарского районов Азербайджанской ССР как ойконим в форме *Човдар* (1,206). Восстановлению связи этого этнотопонима с его исходной формой *джувалдар* или *джаулдур* способствуют данные топонимии и этнонимии других республик Советского Союза, а также зарубежных стран, где также сохранились следы этнонима *джувалдар*. Так, в источниках по истории туркмен начала XIX века этот этноним, по всей видимости, нашел отражение в форме *чаудар* (30,377), которая почти совпадает с *Човдар*. В современной топонимии Турции данный этнотопоним сохранился в трех вариантах: *Чавулдур*, *Чавундур* и *Чавдур* (39,433). Известно также, что среди туркмен, обосновавшихся на Мангышлаке с X века, были *чаудары* (39,138). Они сохраняли свое этническое название почти до последнего времени. Часть из них была переселена из Мангышлака на Северный Кавказ при Петре I (9,613; 10,480). Другая часть оставалась на территории Хивинского ханства и на Мангышлакском полуострове до конца XIX века под названием *чоудор* и *чаудыр* (11,431).

Заслуживает внимания факт существования на территории Закавказья одного из архаических вариантов этого этнотопонима: в начале XX века часть реки Капанчай, протекающей через Чаундурский магал, в месте ее впадения в Аракс называлась *Чаундур* (27; 32,13; 33,166).

8. *Эймур* по Махмуду Кашгари этноним (18,40), по Рашидаддину — антропоним — имя второго сына Так-хана (34,89), зафиксированное в форме *Иймур* со следующим значением «да будет безгранично добрым и богатым». Этот этноним сохранился в Агдашском районе Азербайджана как ойконим *Эймур* (1,211). Известно несколько его вариантов. В XIX веке в туркменской этнонимии он был известен как *имрели* (11,428), в начале XX века в Азербайджане зафиксирован в форме этнотопонима *Имирли* (13,69)¹.

¹ Существует мнение, что азербайджанский этноним *айрум*, носители которого в настоящее время проживают в северо-западной части республики, является вариантом этнонима *эймур*. Благодаря метатезе произошло видоизменение *айрум* < *эйрум* < *эймур*. В литературе существует пока ничем не подтвержденная версия, согласно которой прототипом племенного названия *айрум* является армянское выражение «хай-хором» («армяне-греки») (37; 3, 88; 29, 143). Этому предположению противоречат следующие факты: согласно памятнику «Китабче-и таифе-и айрумлу», *айрумы* входили в число тех туркменов-огузов, которые были переселены Хулагу-ханом (1256—1265 гг.) из Средней Азии в Сирию. При Тимуре (1370—1405) они были вновь переселены из Малой Азии (Рум) в Иран, где получили новое наименование — *айрумлу*. Часть из этих переселенцев — *каджары* были расселены в зонах Карабага и Гянджи (ныне Кировабад), а айрумы, в те времена именовавшиеся *румлу* (то есть «малоазиатцы»), были оставлены в районах Шурагель и Эривань (Ереван). Согласно упомянутому памятнику первый компонент этнонима *ай* — междометие, а *румлу* — исходная форма (28, л. 1а). Помимо этого, *айрумы* не только по языку, но и по всем традициям духовной и материальной культуры и быта являются азербайджанцами и по сей день сохраняют в своей среде огузские фольклорные мотивы (26). И, наконец, наименования подразделений *айрумлу*: *дашанлу*, *имирли*, *агсахлу* и *экинчи* (28, л. 1а) также никак не могут быть отнесены к армянским этнонимам.

9. **Ива** по Махмуду Кашгари этноним (18, 40), по Рашидаддину — антропоним — имя третьего сына Денгиз-хана, зафиксирован в виде *Иыва* со значением «его степень да будет превыше всех» (34, 90). В топонимии Закавказья этот этноним сохранился в двух вариантах: *Иува* и *Джува*. Населенный пункт, ныне именуемый Шаумян в Арташатаком районе Армянской ССР, до недавнего времени (19.IV.1950 г.) назывался *Иува* (5, 216; 36, 14). В Азербайджане в Агдашском районе (1, 159) существует его джекающий вариант — *Джува*. Поскольку чередование фонем *й/дж* в аналауте этнопонима явление далеко не чуждое азербайджанскому языку (6, 8), генетическая связь этих вариантов вполне допустима. В туркменской этнонимии данное племенное название отмечено в двух вариантах: *ива* и *уа* (12, 138; 11, 43), последний является усеченной формой *йува*.

Несмотря на скудость сведений о племени *йыва* на территории Закавказья, известно, что оно и при Сефевидах в составе конфедерации племени *каджар* активно участвовало в хозяйственно-политической жизни Азербайджана. Достаточно отметить, что в XVI веке правителем Карабахского беклярбекства был один из предводителей племени *йыва* — Имам Кули-хан (20, т. 2, 255; 39, 358).

10. **Салгур** по Махмуду Кашгари — этноним (18, 40), у Рашидаддина — антропоним — имя первого сына Так-хана. Значение имени — «всюду, куда ни придет, его меч и булава будут в действии» (34, 89). В Азербайджане этот этноним сохранился как ойконим *Салер* в Шемахинском районе (1, 193), близок ему по звучанию туркменский вариант — *сальр* (11, 431).

11. **Түкәр** у Махмуда Кашгари этноним (18, 40), по Рашидаддину — антропоним — имя второго сына Ай-хана, вокализированный как *Дүгәр* со значением «ради собрания» (34, 88). Этноним сохранился в названии села *Дүгәрли* в Шамхорском районе республики (1, 161).

В данном сообщении автор пользовался лишь списками населенных пунктов, вошедшими в официальные издания, так как не имел возможности привлечь и полевой материал, ибо в республике еще не начата в широком масштабе работа по сбору и систематизации топонимического фонда.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Азербайджанская ССР. Административно-территориальное деление». Баку, 1968.
2. «Азербайджанская ССР». Учебная карта. М., 1965.
3. А. К. Алекперов. У айрумов. В кн.: А. К. Алекперов. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку, 1960.
4. В. П. Алексеев. Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. М., 1974.
5. «Армянская ССР. Административно-территориальное деление». Ереван, 1964.
6. В. И. Асланов. Историческая лексикология азербайджанского языка. (Проблема реконструкции). Автореф. докт. дисс. Баку, 1973.
7. А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.
8. В. В. Бартольд. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии (Сочинения, т. V, М., 1968).
9. В. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа. (Сочинения, т. I, М., 1963).
10. В. В. Бартольд. Мангышлак. (Сочинения, т. III, М., 1965).
11. Ю. Э. Брегель. Хорезмские туркмены в XIX веке. М., 1961.
12. Ю. Э. Брегель. Сочинение Баяни «Шаджара-йи Хорезмшахи» как источник по истории туркмен. — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», вып. 44. М., 1961.

13. ولیلی (بهارلی) محمدحسن. آذربایجان (طبیعی-جغرافی، ئه توغرافیك و اقتصادی ملاحظات) باکو ۱۹۲۱
14. А. Гусейнзаде. О происхождении топонима «Апшерон». — «Советская тюркология», 1974, № 3.
15. Р. Гусейнов. Тюркские этнические напластования XI—XII веков в Закавказье (тезисы). — «Семинар по проблеме происхождения и формирования азербайджанского народа», XI. Баку, 1966.
16. Р. А. Гусейнов. Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье. — «Тюркологический сборник. 1972». М., 1973.
17. Р. Гусейнов. Сельджуки и Закавказье. Автореф. докт. дисс. Баку, 1969.
18. Divanü Lûgât-it-Türk. Tıpkıbasım. «Faksimile». Ankara, 1941.
19. Ibn al-Athir. Al-Kamil fi'l-Tarih, vol. IX. Beyrout. 1966.
20. اسکندریک ترکمان، تاریخ عالم آرای عباسی. تهران، ۱۳۱۳ ه ق
21. قاضی احمد غفاری قزوینی. تاریخ جهان آرا. تهران ۱۳۴۳ ه ش
22. «Кавказский календарь на 1917 год». Тифлис, 1916.
23. Е. И. Казубский. История Дербента. Темир-Хан-Шура. 1906.
24. «Камеральное описание Кубинской провинции, составлено в 1831 г.» ЦГИА Азерб. ССР, фонд 24, оп. 1, ед. хр. 343.
25. Р. М. Касимова. Антропологические исследования современного населения Азербайджанской ССР. Баку, 1975.
26. К. Т. Каракашлы. Материальная культура азербайджанцев северо-восточной и центральной зон Малого Кавказа (Историко-этнографическое исследование). Баку, 1964.
27. «Карта Кавказского края, составлена и литографирована в военно-топографическом отделе Кавказского военного округа в 1903 г.»
28. کتابچهی طایفهی آیروملو «Брошюра о племени айрумлу» (Рукопись Британского Музея, OR 5428).
29. В. П. Кобычев. Айрумы. (К вопросу происхождения этнонима). — «Советская этнография», 1962, № 3.
30. «Мунис и Агехи, Фирдаус ул-икбал». Перевод и примечания П. П. Иванова. — «Материалы по истории туркмен и Туркменин», т. II. М.—Л., 1938.
31. В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
32. «Параллельные замечания Аббас Мирзы и ген. Ермолова на акте разграничения, расписанном 28. III. 1826 году Фатали шахом и ген. Вильяминовым». — «Кавказский сборник», т. XXI. Тифлис, 1900.
33. «Письмо ген. Вильяминова к Аббас Мирзе от 22. XII. 1825 г. № 226», — «Кавказский сборник», т. XXI.
34. Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. I, перевод с персидского Л. А. Хетагурова. М., 1952.
35. سیرت جلال الدین مینکبرنی تصنیف شهاب الدین محمد خرنازی نسوی به تصحیح با مقدمه ۳۰ و تعلیقات مجتبی مینوی، تهران ۱۳۴۴ ه ش
36. «Список населенных мест Эриванской губернии». Эривань, 1908 г.
37. «Среди армян айрумов». — Газ. «Кавказ», 1914, № 169.
38. Tarikhi Fakhru'd-Din Mubârâkshah being the historical introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Din Mubârâkshah Marvar-rudi... by E. Denisson Ross. London, 1927.
39. Faruk Sümer. Oguzlar (Türkmenler). Tarihleri-Boy teşkilatı Destanları. Ankara, 1967.
40. Faruk Sümer. Bayatlar. (İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi. Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. Cilt. IV, sayı: 4. İstanbul, 1952.
41. Р. Юзбашев. О происхождении названия Апшеронского полуострова. — «География в школе», 1968, № 6.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

А. МОЛЛАЕВ

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ОДНОРОДНЫХ ГЛАСНЫХ В ДВУСЛОЖНЫХ СЛОВАХ С ОДИНАКОВОЙ СТРУКТУРОЙ

(НА МАТЕРИАЛЕ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА)

В некоторых языках количественная характеристика гласных находит выражение в наличии квантитативного ударения. При отсутствии подобного типа ударения временная характеристика гласных имеет фонологическое значение и перестает служить критерием выявления ударения.

Смыслоразличительная функция долгих гласных является характерной особенностью языков тюркской семьи. Фонематические долгие гласные свойственны ряду тюркских языков, в том числе туркменскому, алтайскому, гагаузскому, киргизскому, тувинскому, хакасскому, халаджскому, шорскому, якутскому, а также некоторым диалектам чувашского, татарского, узбекского, чулымского языков и западносибирским тюркским говорам¹. По мнению академика В. В. Радлова, к этому списку следует добавить и карагасский язык². В современном кумыкском и саларском языках фонематичность долгих гласных проявляется факультативно. Вопрос о фонематичности долгих гласных в азербайджанском и турецком языках пока остается спорным³.

¹ См.: О. Бётлингк. О языке якутов. СПб., 1853; Д. В. Хитров. Краткая грамматика якутского языка. М., 1858; В. В. Григорьев. О передаче звуков киргизского языка буквами русской азбуки (Письмо к Н. И. Ильминскому). Казань, 1862; Н. И. Ильминский и другие члены Алтайской миссии. Грамматика алтайского языка. Казань, 1869; В. А. Богородицкий. О долгом и недолгом у в западносибирских тюркских диалектах и сродных явлениях в других тюркских языках. — «Доклады АН СССР». В. 1927; Ф. Г. Исхаков. Долгие гласные в тюркских языках. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. I. Фонетика». М., 1955; его же. Тувинский язык. Очерк по фонетике (Материалы для научной грамматики). М.—Л., 1957; В. В. Решетов, Ш. Шоабдурахмонов. Фонетика. — Раздел книги «Хозирки замон узбек тили». Ташкент, 1957; Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964; Р. М. Бирюкович. Звуковой строй среднечулымского диалекта чулымско-тюркского языка. Автореф. канд. дисс. Томск. 1973; Г. Дёрфер. О трёх количественных градациях гласных в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1976, № 4 и др. В этот список включаются балкарский и уйгурский языки (В. И. Филоненко, Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940, стр. 13; И. А. Батманов. Современный киргизский язык, вып. I. Фрунзе, 1963, стр. 36). Однако специальные фонетические исследования выявили, что в этих языках долгота не имеет фонематического значения. См.: А. Ж. Будаев. Система фонем современного карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1968; Т. Талипов. Гласные звуки уйгурского и казахского языков. Алма-Ата, 1968.

² W. Radloff. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882, стр. 80—81; см. ещё: В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, стр. 19—38.

³ См.: А. А. Ахундов. Азербайжан дилинин фонемләр системи (Физиологи, акустик, статистик, фонслож, тәдгигат тәчрүбәси). Баку, 1973; А. К. Алекперов. Фонематическая система современного азербайджанского языка. Баку, 1971; Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955; ср. также: М. N. Ozdarendeli. Türkçede uzun ünlüler. — Журн. «Türk dili», cilt V, sayı 54. Ankara, 1956; L. Ligeti. Türkçede uzun vokaller. — «Türkiyat mecmuası», cilt VII—VIII, cüz I. İstanbul, 1942.

В настоящее время длительность того или иного гласного звука устанавливается экспериментально⁴. По данным акустической фонетики, в различных тюркских языках количественное соотношение между долгими и идентичными краткими гласными различное. Так, например, длительность долгих гласных превышает длительность кратких в татарском⁵ и кумыкском языках⁶ примерно в 2 раза, в хакасском⁷ — в 2—2,5 раза, а в якутском языке — в ударном слоге — в 1,7—2,3 раза, а в безударном — в 2,1—2,6 раза⁸, в киргизском — в ударном слоге — в 2,2 раза, в безударном — в 1,5—2,1 раза⁹. Р. М. Бирюкович установила, что среднечулымский долгий гласный длительнее своих парных кратких в 1,8 раза¹⁰. Дифференцирующие и недифференцирующие долгие гласные туркменского языка, по данным кимографического исследования, длительнее кратких в 3—4 раза¹¹.

Эта закономерность наблюдается только в односложных словах, временные соотношения долгих гласных в двусложных словах, содержащих один и тот же долгий гласный, в обоих слогах пока не установлены. По данным осциллографического анализа, долгие гласные в двусложных словах туркменского языка, по сравнению с теми же гласными краткими, произносятся в 1,5—2,5 раза дольше¹².

В туркменских двусложных словах, содержащих один и тот же гласный в ударном и безударном слоге с одной и той же фонетической структурой, могут быть следующие четыре формы сочетания кратких и долгих гласных:

Первая форма: краткий + краткий (например, *şaxa* 'ветвь', *Өеде* 'к голосу', *тегтег* 'мрамор', *дуңу* 'пробка', *kiçi* 'маленький', *düşdüş* 'паук', *Öülg'ün* 'фазан', *gıg'ın* 'здоров').

Вторая форма: краткий + долгий (например, *Өарā* 'блаженство', *dañdān* 'рассвет, на рассвете', *hajwān* 'скот', *g'ündü:θ* 'днем', *miθgi:n* 'бедный, беспомощный', *juyşyğ* 'он (она) спрячет' и т. д.).

Третья форма: долгий + краткий (например: *bāda* 'сразу', *māma* 'бабушка по линии матери', *büşluq* 'сообщение радостной вести', *Bi:βi* 'имя собственное, женское', *di:gi* 'живой' и т. д.).

Четвертая форма: долгий + долгий (например, *wāqā* 'событие', *dāwā* 'спор', *dā:dā* 'к отцу', *bāybān* 'садовод', *žykžyk* 'жучок', *māldar* 'скотовод', *jārjār* 'он (она) колет, режет' *Өä:rpā:r* 'галопом (медленным)').

⁴ В частности, см.: М. А. Раимбекова. Длительность гласных в казахском языке (Экспериментально-фонетическое исследование). Канд. дисс. Алма-Ата, 1968; М. М. Исабеков. Количественная характеристика гласных звуков в современном киргизском литературном языке (Экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1971.

⁵ У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка (Экспериментально-фонетический очерк), ч. I Казань, 1959, стр. 59.

⁶ А. А. Моллаев. О долгих гласных в кумыкском языке. — «Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадаасы ДагФАН СССР. Серия филологическая». Махачкала, 1968, т. XVIII, стр. 186.

⁷ И. А. Оглоблин. К проблеме сингармонизма (на материале гармонии гласных хакасского литературного языка). Канд. дисс. Л., 1971, стр. 160.

⁸ Н. Д. Дьячковский. Звуковой строй якутского языка, ч. I. Вокализм. Якутск, 1971, стр. 156—157; ср. П. П. Барашков. Звуковой состав якутского языка. Якутск, 1953.

⁹ К. Ахматов. Звуковой строй современного киргизского литературного языка (Экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. докт. дисс. Фрунзе, 1969, стр. 49; ср. акустические данные М. М. Исабекова (Указ. автореф., стр. 10, 17).

¹⁰ Р. М. Бирюкович. Указ. автореф., стр. 6.

¹¹ С. Куренов. Туркмен дилиниң узын ве гысга чекимлилери (экспериментально-фонетичи) очерк). Ашгабат, 1971, стр. 28; ср. также У. Ш. Байчура. Указ. раб., стр. 89.

¹² См.: А. Моллаев. Зависимость выделенности ударного гласного от его количественных характеристик в туркменском языке. — «Проблемы алтаистики и монголоведения». Элиста, 1972, стр. 35.

Частота распространения этих форм различная, так, например, первая форма более употребительна, нежели четвертая. Поскольку во второй и третьей формах слог с долгим гласным в количественном отношении длителен независимо от ударения, нами рассматриваются временные параметры гласных в словах первой и четвертой форм. Эти формы представлены словами со слоговыми типами $СГ + СГ$ и $СГС + СГС$ ¹³. Для сравнения приводятся единичные примеры и по типам $Г + СГ$, $ГС + СГС$ (для кратких и долгих гласных) и $Г + СГС$, $Г + СГСС$, $СГ + СГС$ (только для долгих гласных). Кроме того, некоторые из этих слов взяты аффиксированными и интераффиксированными, то есть промежуточными между префиксом и постфиксом.

В качестве экспериментального материала для осциллографического анализа привлекалось 257 слов, из них 80 слов было подвергнуто спектральному анализу. Каждое слово имело в своем составе только однородные краткие или долгие гласные как в ударном, так и в безударном слоге. Три диктора-туркмена читали эти слова перед микрофоном. В большинстве случаев слова произносились изолированно, а иногда в составе трех-, четырехчленных простых предложений. С магнитной записи этих слов было снято около 800 осциллограмм (осциллограф Н-102), которые затем анализировались с целью установления их физико-акустических характеристик.

А. ДЛИТЕЛЬНОСТЬ КРАТКИХ ГЛАСНЫХ

Длительность гласных объясняется прежде всего их фонематической ролью. Долгие гласные фонемы, естественно, независимо от позиции, будут продолжительнее кратких. Фонетическими факторами, влияющими на количественное соотношение гласных, считаются: качество самих гласных, положение речевых органов при произнесении гласных, позиция их в слове, ударение, количество слогов¹⁴. Продолжительность звучания гласных зависит также от темпа и стиля речи¹⁵, от позиционно-комбинаторных условий¹⁶, от качества гласного соседнего слога¹⁷, а типы слогов, как известно, в значительной мере влияют на временные соотношения ударных и безударных вокалических единиц.

Для выяснения длительности ударных и безударных гласных мы подбирали слова по слоговой структуре $СГ + СГ$ и $СГС + СГС$ с возможными гласными фонемами туркменского языка. Как известно, широкие (открытые) гласные более длительны, нежели узкие (закрытые). Обратимся к рассмотрению особенностей гласных в туркменском языке.

¹³ Здесь: С — согласные, Г — гласные.

¹⁴ Л. В. Щерба. Русские гласные в количественном и качественном отношении. СПб., 1912; М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику. М., 1959, стр. 89; Л. Р. Зиндер. Общая фонетика Л., 1960, стр. 126; Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. Р. Зиндер. Зависимость временной характеристики согласных от их фонетического положения. — «Вопросы радиоэлектроники, серия XI. Техника проводной связи», 1960, вып. 3; Л. В. Златоустова. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962 и др.

¹⁵ Н. С. Усов. Экспериментальная фонетика. — «Известия Отделения русского языка и словесности». СПб., 1897, т. 2, кн. 4; Б. П. Кирерман. К вопросу о длительности звуков в русском языке. — Там же, т. X, 1905, кн. 4; Л. Р. Зиндер. Влияние темпа речи на образование отдельных звуков. — «Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук», № 325, вып. 69. Л., 1964.

¹⁶ В. А. Богородицкий. Экспериментально-графическое исследование двусложных слов в общерусском произношении. — Отдельный оттиск «Известий II отд. Российской Академии наук», 1923; Н. Д. Дьячковский. Указ. раб., стр. 136.

¹⁷ А. Даулетов. Вокализм современного каракалпакского литературного языка (Экспериментально-фонетическое исследование). Канд. дисс. Л., 1971, стр. 141.

1. Длительность широких кратких гласных

В туркменском языке к широким кратким гласным фонемам относятся **а, ä, е, о, ö**. Рассмотрим их по отдельным слоговым типам в составе изолированных слов, а затем — в предложениях.

а) Слоговая структура СГ + СГ.

Изолированные слова. Нами было проанализировано 60 слов. Звучание гласных в прикрито-открытом типе слогов (СГ), особенно в конце слова, более продолжительное, нежели в закрытом типе (СГС), ибо: «В открытом слоге гласный не ограничен в конце и потому скорее может оказаться более «протянутым», чем в закрытом слоге, где его в большей или меньшей степени обрывает согласный, закрывающий слог»¹⁸.

Рассмотрим слово **қақа**. Согласно первому впечатлению, краткие гласные здесь в обоих слогах произносятся адекватно, однако это справедливо только при рассмотрении на лингвистическом уровне. Акустическая интерпретация гласных в этом слове иная: гласный **а** первого слога оказывается менее длительным, чем такой же гласный второго слога, а именно в соотношении: 110—180, 105—130, 95—130 мсек (у трех дикторов). На основании данных трех дикторов получена средняя длительность гласного: в первом слоге — 103, во втором — 147 мсек.

Увеличение или уменьшение длительности гласного того или другого слога зависит и от его фонетической позиции. Так, например, заменив смычный согласный в первом слоге сонорным **j**, легко можем заметить изменение количественного коррелята гласного в этом слоге. В слове **јақа** гласный **а** на 20—30 мсек длительнее по сравнению со слогом **қа** [qa]. Длительность этого же гласного после щелевых оказывается промежуточной по величине между длительностью гласного после смычных и сонорных (ср. среднюю абсолютную длительность **а** в первых слогах: **қа** [qa] — 103, **ša** [xa] — 110, **ја** [ja] — 127 мсек).

Подобное соответствие наблюдается и в остальных широких гласных. Средние данные, приводимые ниже, подтверждают сказанное: **ke[če]** — 95, **Өe[Өe]** — 112, **me[le]** — 120 мсек. В наших примерах, в словах **Өеңе**, **bökö** у двух дикторов первые гласные оказались более длительными. В словах **јапа** (150—150 мсек), **теле** (125—130 мсек) при произнесении их диктором III (О. Чарыевой) обе гласные были равны по длительности, в то время как при произнесении их диктором II (Г. Бяшиевым), которому свойствен спокойный умеренный стиль, гласные первого слога этих же слов оказались более продолжительными. Сравнивая данные диктора II с данными других дикторов, можно заключить, что на длительность звуков влияет темп речи (чтения); в большинстве слов типа СГ + СГ, произнесенных этим диктором, длительность первых слогов превышала длительность вторых, а в словах **тоқо**, **хожо** наблюдалось равновесие гласных по длительности. Для этого диктора характерно «растянутое» произнесение первых слогов.

Несмотря на значительную разницу в произношении дикторов, в слоге типа СГ + СГ длительность второго гласного всегда превышает длительность первого. Степень долготы второго гласного связана с качеством самого гласного: гласный звук **а** нижнего подъема заднего ряда имеет минимальную разницу (всего 17 процентов), а гласный **о** среднего подъема и тоже заднего ряда в том же положении, что **а**, имеет максимальную разницу (42,6 процента). Нужно иметь в виду, что во втором слоге **о** не является чистым огубленным звуком, ибо, попадая в некоторой степени под влияние лабиализованности первого слога, он приобретает лишь оттенок огубленности.

¹⁸ Л. Р. Зиндер. Общая фонетика, стр. 239.

Таблица 1

**Длительность широких кратких гласных в словах со структурой
СГ + СГ и СГС + СГС**

№№ пп	Гласные первых и вторых слогов	Количество случаев		СГ+СГ		СГС+СГС		СГ+СГ	СГС+СГС
				Средняя длительность (в мсек)					
		СГ+СГ	СГС+СГС	1-го гласного	2-го гласного	1-го гласного	2-го гласного		
1	а — а	15	33	125	146	114	96	117,1	33,9
2	е — е	27	38	111	142	116	109	128,2	93,6
3	я — я	—	15	—	—	106	93	—	87,7
4	о — о	9	15	113	161	105	96	142,6	92
5	ö — ö	9	12	102	130	117	95	127,7	80,8

Как видно из таблицы 1, длительность широких кратких гласных (а, е, о, ö, ä) в последнем прикрыто-открытом слоге относительно широких гласных первого слога составляет почти 130%. Г. Шараф, имя которого неразрывно связано с историей и развитием тюркской экспериментальной фонетики, причину увеличения длительности гласного в конце слов объясняет следующим образом: «1) большая естественная длительность гласного в данном положении, 2) открытый характер слога, 3) продолжение вибраций голосовых связок и после окончания средней части конечного гласного»¹⁹. Сказанное полностью относится и к туркменскому языку.

Слова в предложениях. Контекстовые осциллограммы слов выявили обратную закономерность в сравнении с той, которая наблюдалась при анализе широких гласных в изолированных словах. Среднее количественное отношение гласных уже нам известного слова qaqa в составе предложений Atlylar qaqa gelip çyqdylar 63 — 55 мсек. Длительность обоих гласных уменьшилась соответственно в 1,6—2,6 раза по сравнению с длительностью гласных в изолированном слове. Такое соответственное укорачивание наблюдается и у остальных гласных (см. табл. 2).

Таблица 2

**Средняя длительность гласных в изолированных словах
и словах в составе предложений (в мсек)**

№№ пп	Слова	В изолированном виде		В составе предложений	
		гласный первого слога	гласный второго слога	гласный первого слога	гласный второго слога
1	qaqa	103	147	63	55
2	keçe	95	140	67	55
3	depe	103	158	75	67
4	toqo	93	147	60	60
5	köçö	103	130	68	48

¹⁹ Г. Шараф. Сонорная длительность татарских гласных. — «Вестник научного общества татароведения». Казань, 1928, № 8, стр. 225.

Здесь можно проследить уменьшение не только относительной длительности, но и абсолютной. В то время как общая абсолютная длительность гласных вышеприведенных изолированных слов составляет 1.495—2.165 мсек и длительность второго гласного относительно первого — 144,8 процента, абсолютная длительность этих же слов в предложениях составляет 1.000—895 мсек, а относительная — 85,5 процента. Из этих данных можно заключить, что широкие гласные слогов типа СГ + СГ в изолированных словах и в предложениях имеют различные количественные соотношения, то есть в предложениях длительность гласных всегда меньше, нежели в изолированных словах. Степень уменьшения длительности будет различной в отдельно взятых слогах:

1) первый слог слова в предложении по длительности меньше первого слога изолированного слова в 1,5 раза;

2) во вторых слогах указанное отношение составит 2,5 раза, что объясняется двумя причинами: во-первых, изолированные слова создают благоприятные условия для продолжения вибраций голосовых связок и после образования конечного гласного, а в предложениях эта возможность работы речевых органов или уменьшается до минимума, или совсем исключается; во-вторых, на возможность вибрации голосовых связок оказывает влияние и позиция слова в предложении: так, приведенные примеры в большинстве случаев представляют собой либо определения (*köçö düðgüni*), либо обстоятельства и дополнения (*keçe getirdi, toqo boljāndyr*), то есть за ними обязательно следуют другие слова, что, по-видимому, сильно влияет на сокращение длительности гласных вторых слогов.

б) Слоговая структура СГС + СГС

Изолированные слова. Нами было обследовано 113 слов с интерконсонантным положением гласных обоих слогов. Анализ длительности этих гласных выявил закономерность, противоположную наблюдаемой в словах типа СГ + СГ.

Начнем с рассмотрения некоторых частных случаев:

а) длительность гласного первого слога больше длительности гласного второго слога, б) длительность гласного второго слога больше длительности гласного первого слога, в) длительности гласных в обоих слогах равны. Осциллограммы слов *mährem*, *hemdem* в произношении трех дикторов показывают явное превосходство длительности второго гласного над длительностью первого. В слове *mekder* обе гласные были равны по длительности, а в словах *čerkeð*, *derder* в произношении двух других дикторов второй гласный был длительнее первого. В произношении II диктора превышения длительности второго гласного *ö* (вернее *e⁰*) не наблюдалось, а у III диктора *o*, *ö* (*e⁰*) не были равны в обоих слогах, так же как в произношении I диктора не были равны в обоих слогах гласные *e*, *ä*, *o*, *ö*, в произношении II диктора — гласные *ä*, *o*, *ö* (*e⁰*) и в произношении III диктора — *a*, *ä*, *ö* (*e⁰*). Превышение длительности второго гласного в некоторых осциллограммах можно объяснить его положением, более близким к сонорному, нежели первый слог. В большинстве же случаев более длительными оказались гласные первых слогов, например: *galqan* = 120—88, *ÖarÖar* = 118—98, *ženzel* = 142—117, *gäxnet* = 103—80, *goştoq* = 107—93, *dökmök* = 95—80 мсек. В остальных позициях гласные первых слогов также длительнее гласных вторых слогов (см. табл. 1).

В словах типа СГ + СГ повторяется то же явление, что и в типе СГС + СГС, то есть длительность гласных первых слогов превышает

длительность гласных вторых слогов. Лишь в слове *entek* у 1 диктора длительность второго гласного превосходила на 10 мсек длительность первого. Если при этом учитывать длительность начального придыхания (10 — 20 мсек), которая нами не включалась в общий счет, то гласный первого слога окажется более длительным, чем второго. Итак, длительность широких кратких гласных последнего прикрыто-закрытого слога, который считается ударным, меньше длительности того же типа гласных первого слога на 17 процентов, то есть их относительная длительность составляет 83,1 процента (данные слов *entek*, *aqmaq*, *owθog*, *öjkön*).

В многосложных словах туркменского языка²⁰ количественное отношение, по нашим предварительным наблюдениям, выражается следующей закономерностью: **в трехсложных словах** первый и последний гласные равны по длительности (или почти равны), а средний слог всегда короче этих слогов; **в четырехсложных словах** первый и последний гласные в основном равны, а гласные промежуточных слогов меньше их. Это относится и к **пятисложным словам**. В последних двух случаях (в четырех- и пятисложных словах) надо иметь в виду, что степень уменьшения длительности во вторых слогах бывает максимальная, а в третьих (в четырехсложных словах) и четвертых (в пятисложных словах) слогах — минимальная. Мы не затрагиваем здесь вопроса о количественных отношениях гласных в словах, состоящих более чем из пяти слогов, ибо употребление ритмически организованных слов в потоке речи не выходит за пределы пятисложных.

Слова в предложениях. Указанные шесть слов, приведенные в составе предложений, полностью подтвердили результат наблюдений над длительностью первого и второго слогов в изолированных словах. Во всех этих словах (*daydan*, *θarθar*, *meγzen*, *meγmeγ*, *zenzel*, *toqtoq*) гласные первых слогов были длительнее, чем во вторых слогах. Если длительность гласных первых слогов слов, приведенных в составе предложений, превышала длительность гласных вторых слогов на 45 процентов, то при изолированном произнесении этих слов она составила всего 15—20 процентов. Это объясняется, во-первых, позицией слов в предложениях, во-вторых, влиянием ударения на длительность последних гласных.

2. Длительность узких кратких гласных

В туркменском языке к узким кратким гласным относятся фонемы *y*, *i*, *u*, *ü*. Длительность узких кратких гласных нецелесообразно сравнивать с длительностью широких гласных даже в том случае, когда узкие гласные находятся в ударном положении, а широкие — в безударном. Примером может служить осциллограмма слова *θaηθarlyq*, где средняя длительность гласных соответственно составляет 110—95—62 мсек. Следовательно, речь может идти только о сравнительном изучении ударных и безударных однородных гласных.

а) Слоговая структура СГ + СГ

Изолированные слова. Длительность широких гласных в словах типа СГ + СГ в 1,5 раза превосходит длительность однородных гласных в словах типа СГС + СГС, а длительность аналогичных узких кратких гласных превосходит их в 2—2,5 раза. Это существенное различие в

²⁰ Этот вопрос требует специального экспериментального исследования.

длительности гласных нам кажется обусловленным не только ударностью последнего слога.

Рассмотрим слова *dyqu*, *čiči*, *tuty*, *kütü*, в которых узкие гласные стоят после смычных. Среднее количественное соотношение длительности первых и вторых гласных следующее:

$$\begin{array}{lcl} \text{dyqu} & = 75-150, & | \quad \text{tuty} & = 63-162, \\ \text{čiči} & = 53-152, & | \quad \text{kütü} & = 65-165 \text{ мсек.} \end{array}$$

Относительное изменение количественных характеристик зависит и от темпа чтения дикторов. Например, длительность первого гласного этих (или подобных им) слов не превышает 100 мсек, тогда как второй «изменчив»: его максимальная длительность в одном случае 105 мсек (диктор III), в другом — 230 мсек (диктор I) и т. д. Если заменить первый согласный другим, то можно заметить незначительное количественное изменение первого гласного, который имеет в основном более постоянные количественные характеристики, нежели его «напарник». Сравните *ju* [ly] — 78 мсек, *öy* [öy] — 85 мсек.

В результате обследования 39 осциллограмм была установлена относительная длительность гласных, составившая 222 процента (см. табл. 3).

Таблица 3

Длительность узких кратких гласных в словах
со структурой СГ + СГ и СГС + СГС

№№ пп	Гласные первых и вторых слогов	Количество случаев		СГ+СГ СГС+СГС				СГ+СГ СГС+СГС	
				Средняя длительность (в мсек)				Отношение длительности гласных второго слога к гласным первого (в проц.)	
		СГ+СГ	СГС+СГС	1-го гласного	2-го гласного	1-го гласного	2-го гласного		
1	y — y	9	33	80	151	79	69	189,5	98,7
2	i — i	15	21	63	155	63	56	245,5	92,8
3	u — y (u)	6	18	68	157	76	72	230,5	95,9
4	ü — ü	9	27	78	179	69	68,7	217	99,7

При аффиксации в таких словах можно наблюдать почти равное соотношение средней длительности гласных первого и второго слогов. Сравните:

$$\begin{array}{lcl} \text{dyqu} [\text{ly}] = 57-55, & | & \text{kiči} [\text{zik}] = 47-63, \\ \text{tutu} [\text{lar}] = 45-67, & | & \text{öürü} [\text{ler}] = 57-90 \text{ мсек.} \end{array}$$

Общая средняя длительность первого и второго гласного слов с аффиксами в конце составляет: $\frac{303}{6} = \frac{386}{6} = 50-64$ мсек.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы: 1) в словах, содержащих более двух слогов, длительность узких гласных во втором прикрито-открытом слоге меньше или равна длительности узких однородных гласных первого слога в двусложных словах, следовательно, согласно общему положению, с увеличением числа слогов в слове соот-

ветственно уменьшаются количественные параметры гласных; это относится не только к узким, но вообще ко всем гласным; 2) при аффиксации гласный второго слога, попадая в потоке речи в неполное интерконсонантное положение, теряет в трехсложных словах свой дифтонгоидный характер.

Слоговой тип Г+СГ не вносит существенных корректив в количественные показатели структуры типа СГ+СГ.

Слова в предложениях. Для узких гласных слова в предложении характерна неравномерность длительности. Так, например, в словах *dyqy*, *gugqum*, *durmuš*, *düldül* гласные первых слогов более длительные, а в слове *ziži* (*ziži*, *bejle čiči bolma*), по данным всех трех дикторов, более длительным оказывался гласный второго слога.

Количественная модификация узких гласных в словах изолированных и в составе предложений показана в таблице 4.

Таблица 4

Средняя длительность узких гласных в изолированных словах и в составе предложений (в мсек)

№№ пп	Слова	В изолированном виде		В составе предложений	
		гласный первого слога	гласный второго слога	гласный первого слога	гласный второго слога
1	<i>dyqy</i>	75	158	43	30
2	<i>ziži</i>	93	163	85	137
3	<i>čiči</i>	53	152	27	32
4	<i>kütü</i>	65	165	42	40

Как показывает анализ, относительная длительность вторых слогов слов *dyqy*, *čiči*, *kütü*²¹ в предложении составила 91 процент, тогда как в изолированных словах она была равна 246,1 процента.

Это еще раз подтверждает то, что в конце изолированных слов узкие гласные дифтонгизируются.

б) Слоговая структура СГС+СГС

Изолированные слова. Осциллографические кривые 99 слов, подвергнутых эксперименту, выявили, что в абсолютном большинстве слов типа СГС+СГС узкие краткие гласные первых слогов длительнее вторых, однако степень их удлиненности меньше, чем у широких кратких гласных. Как указывалось выше, относительная длительность второго гласного в группе широких гласных была в среднем меньше длительности первого гласного на 12 процентов, в группе же узких гласных эта разница составляет всего 3 процента. Следовательно, подтверждается общее положение, что широкие гласные, независимо от их позиций в слове, всегда длительнее узких.

В изолированных словах количественные отношения между гласными в словах типа СГС+СГС могут быть следующими: а) первый гласный длительнее второго (например, *gugqum*, *čirkin*, *gurčiq*, *guršun*,

²¹ Слово *ziži* не вошло в этот список, так как оно употребляется в предложении как обращение.

müňkür); б) второй гласный длительнее первого (jyldyθ, çyqdyq dikdik, gutluq, bulýur, düşdüş, hüthüt) или в) гласные обоих слогов равны (последний случай наблюдался в трех словах у двух дикторов: çyθyūç, jylyyn, diñdiñ).

В слове типа ГС + СГС (ynžyq) наблюдалась та же закономерность, что и в словах типа СГС+СГС.

Слова в предложениях. Слова типа СГС+СГС в составе предложений не вносят в высказанное положение существенных изменений. И здесь гласные первых слогов всегда оказываются длительнее гласных вторых слогов. Абсолютная длительность гласных слов (gyrqym, dymdym bilbil, dikdik, durmuş, gurşun, düldül), взятых в составе предложений, составляет 1.185—975 мсек, а относительная — 82,3 процента. Эти слова в изолированном виде имеют абсолютную длительность гласных первых и вторых слогов, соответственно равными 1.505—1.295 мсек, а их относительная длительность составляет 86 процентов (см. табл. 5).

Таблица 5

Сравнительная длительность первого и второго гласного отдельных слов в изолированном виде и в составе предложений (в мсек)

№№ пп	Слова	В изолированном виде		В составе предложений	
		гласный первого слога	гласный второго слога	гласный первого сло. а	гласный второго слога
1	gyrqym	77	55	62	38
2	dymdym	65	60	47	40
3	bilbil	60	57	35	30
4	dikdik	62	70	40	42
5	durmuş	75	65	50	35
6	gurşun	72	55	66	58
7	düldül	72	63	60	43

Б. ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ

Слова с этимологическими долгими гласными в обоих слогах в туркменском языке почти не встречаются. Поэтому в приведенных примерах второй долгий гласный характеризуется в основном грамматической долготой. Кроме того, не все долгие гласные находятся в указанных позициях. Так, долгие звуки *ā*, *ā̇*: часто встречаются в обоих слогах, некоторые долгие звуки (например, *i̇*, *ū̇*) менее употребительны; многие долгие гласные, такие как *ė*, *ȯ*, *ö̇*, *ū̇*, *ü̇*: не встречаются в двусложных словах.

1. Длительность долгих широких гласных

В туркменском языке к долгим широким гласным относятся фонемы *ā*, *ā̇*; *ē*, *ē̇*, *ō̇*. Последние три звука не встречаются в обоих слогах двусложных слов с одной и той же фонетической структурой. Поэтому нами анализировались двусложные слова только с гласными *ā* и *ā̇*: Эксперименту были подвергнуты 54 таких слова.

а) Слоговая структура СГ+СГ

Изолированные слова. Попытаемся выявить временные характеристики ударных и безударных долгих широких гласных на основе 33 осциллограмм.

С точки зрения общей фонетической закономерности, гласный последнего открытого слога должен произноситься дольше, чем любой гласный других слогов. Однако в туркменском языке долгие гласные не подчиняются этому общему правилу. Во всех изучаемых словах гласные первых слогов были более длительными по сравнению с гласными вторых слогов (попутно упомянем, что длительность обеих гласных в слове *qāqā* в произношении диктора I была равной 230 мсек). Так, например, в этом слове средняя длительность гласных составила 227—188 мсек, то есть первый гласный длительнее второго на 40 мсек. Здесь два открытых слога с гласными *ā*, причем в обоих слогах гласному предшествует глухой смычный звук. Если согласные качественно изменятся, то изменится и временное соотношение между гласными. Однако превосходящая длительность первого гласного останется относительно неизменной. Например:

dāwā = 268—166, *čāyā* = 248—166, *māmā* = 272—178 мсек.

Это же можно наблюдать и в отношении *ā̇*, являющегося звуком переднего ряда низкого подъема:

Čā : *čā̇* : = 243—203, | *dā* : *dā̇* : = 273—203,
Lā : *lā̇* : = 277—195, | *čā̇* : *gā̇* : = 240—168 мсек.

Итак, длительность долгих широких гласных в последнем открытом слоге оказывается на 28 процентов меньше длительности таких же широких гласных первого слова (см. табл. 6).

Таблица 6

Длительность долгих гласных в словах со структурой
 СГ + СГ и СГ + СГС

№№ пп	Гласные первых и вторых слогов	Количество случаев		СГ + СГ СГС + СГС				СГ + СГ СГС + СГС	
		СГ + СГ	СГС + СГС	Средняя длительность (в мсек)				Отношение длительности гласных второго слога к гласным первого (в проц.)	
				1-го гласного	2-го гласного	1-го гласного	2-го гласного		
1	<i>a — a</i>	15	12	247	174	232	190	70,5	81,5
2	<i>ā : — ā̇</i>	18	6	253	187	214	167	74,3	78
3	<i>y — y</i>	—	3	—	—	167	132	—	79
4	<i>i : — i̇</i>	—	3	—	—	208	148	—	71,1

Слова в предложениях. В словах, взятых в составе предложений, также наблюдалось количественное преобладание гласных первого слога над гласными второго слога. Так, например, средняя длительность первого и второго гласных в отдельных словах составляла: *dāwā* = 187—117, *wākā* = 153—133, *Čā*:*čā̇*: = 120—87 мсек, а относительная длительность соответственно 62,5—87—72,2 процента. Таким образом, было установлено, что длительность долгих гласных первых слогов слов в составе предложений превосходит длительность долгих гласных вторых слогов тех же слов на 26 процентов.

В словах со структурой Г+СГ, СГ+СГС, Г+СГСС, Г+СГС, СГС+СГ эта общая закономерность сохраняется даже в том случае, если первый гласный является ударным, а второй — безударным и первый гласный располагается в закрытом слоге, а второй — в прикрито-открытом.

Проведенные эксперименты позволяют заключить, что в туркменском языке этимологическая долгота всегда длительнее комбинаторно-грамматической²². Этот вывод подтверждает высказанную ранее гипотезу, согласно которой этимологические долгие гласные встречаются только в первом слоге слова²³.

б) Слоговая структура СГС + СГС

Изолированные слова. В изолированных словах типа СГС+СГС гласный первого слога превышает по длительности гласный второго слога на 20 процентов, а иногда и более. Так, например, в словах *gärlär* и *θä: klä:p* гласные первых слогов длительнее гласных вторых слогов на 30—40 процентов.

В позиции СГС+СГС широкие долгие гласные обладают индивидуальными особенностями. В отдельных словах разница в длительности между гласными первого и второго слогов, в зависимости от стиля речи диктора и лексико-грамматической обусловленности второго слогового компонента слова, сокращается до минимума.

Например, слог *däg* может употребляться как самостоятельная лексическая единица со значением «узко, тесно». В нашем случае (*gāndār*)-*dār* — аффикс, здесь гласный второго слога оказался длительнее гласного первого слога на 28 мсек. Если рассматривать в отдельности слова, имеющие во втором слоге аффикс *-dār*, и сопоставлять их с другими словами, то выясняется, что относительная длительность гласного в слоге *-dār* максимальная. Сравним, например, отношение длительности вторых слогов к первым в словах *gāndār*, *žajdār* и *gärlär*, *järgär*; в словах с *-dār* оно составляет 87 процентов, а в словах без этого аффикса — 75,8 процента.

Конечно, этот вопрос может быть уточнен более углубленным экспериментальным исследованием.

Установлено, что в словах типа ГС+СГС длительность второго долгого гласного по отношению к первому долгову составляет 90 процентов, а при наличии аффикса даже равна ему (слова *ä:šgä:g* и *ä:šgä:rlük*).

Слова в предложениях. Слова *järgär* и *θä:pžä:p* произносились в составе предложений: *Meret garuθ järgär* и *Keşer θä:pžä:p barjār*. Оказалось, что, независимо от позиций в предложении, гласные первых слогов слов типа СГС+СГС с долгими гласными произносятся дольше, нежели гласные вторых слогов. В этих двух словах относительная длительность вторых гласных на 27 процентов меньше.

2. Длительность узких долгих гласных

В туркменском языке к узким долгим гласным относятся *ū*, *i:*, *ū*, *ü*: Как уже указывалось выше, сфера употребления узких долгих гласных ограничена. Гласные *ū*, *ü*: в интересующих нас двусложных словах вооб-

²² См.: А. Моллаев. Акустические характеристики долгих гласных туркменского и якутского языков в сравнительном аспекте. — В сб.: «Происхождение аборигенов Сибири и их языков». Томск, 1973, стр. 106.

²³ См.: М. Geldiij. Tyrkmen dilinde uzyň çekimli ses hem onyň rooly (kari). — Газ. «Türkmenistanyň» от 18 и 19 мая 1930 года, №№ 112, 113.

ще не наблюдаются, а фонемы $\bar{y}$, i : изредка встречаются в словах типа СГС+СГС. Поэтому экспериментально изучались нами всего шесть слов.

а) Слоговая структура СГ+СГ

В словах типа СГ+СГ долгие узкие гласные не встречаются (или почти не встречаются). Это отнюдь не означает, что в обоих слогах таких слов долгие узкие гласные вообще отсутствуют. В тех случаях, когда в первом слоге выступает один из этимологических долгих узких гласных, по закону сингармонизма второй слог должен удлиниться, и узкие краткие гласные во втором слоге преобразуются в широкие долгие (у переходит в $\bar{a}$ и i — в $\bar{ä}$). Например: $\Theta\bar{y}gu$ (мера веса) + $a = \Theta\bar{y}g\bar{a}$ (то же слово в дательном падеже), $Mi:ri$ (имя собственное) + $e = Mi:g\bar{a}$ (то же слово в дательном падеже), $g\bar{ü}ru$ ('сухой') + $a = g\bar{ü}g\bar{a}$ (то же слово в дательном падеже), $\Theta\bar{y}:ri$ ('продолговатый') + $e = \Theta\bar{y}:g\bar{a}$ (то же слово в дательном падеже) и т. д.

Как видно из примеров, в этом случае качественная однородность долгих гласных в обоих слогах не сохраняется, вот почему подобные слова нами не исследовались.

б) Слоговая структура СГС + СГС

Временная характеристика узких долгих гласных в словах типа СГС+СГС дана на основе шести осциллограмм, снятых по записи двух слов $z\bar{ü}qz\bar{ü}q$ и $g'i:\theta li:n$ (в произношении трех дикторов). Первое из них является звукоподражательным словом, а второе — диалектальным словом, употребляющимся в ёмудском²⁴, човдурском²⁵ и салырском²⁶ диалектах. Диалектальное слово было подвергнуто нами эксперименту специально, ибо «Изучая любой язык, мы должны стремиться исследовать его не только в литературном употреблении, но и в народных говорах»²⁷.

Эти слова рассматривались изолированно. В обоих словах гласные первых слогов оказались длительнее гласных вторых слогов. Хотя в слове $g'i:\theta li:n$ первый слог, согласно литературной норме, произносится кратко, и все наши дикторы являлись носителями «ашхабадского произношения», по длительности он превышал второй слог на 60 мсек, а в слове $z\bar{ü}qz\bar{ü}q$ — на 35 мсек (см. табл. 6). Относительная длительность узких долгих гласных первых слогов при сопоставлении с идентичными гласными вторых слогов составила 134 процента, то есть она почти равна относительной длительности широких гласных в словах типа СГС+СГС.

Изложенное выше позволяет сделать следующие выводы:

1. Длительность туркменских гласных в изолированных словах относительно большая, чем длительность идентичных гласных в словах, употребляемых в составе предложений.

²⁴ Ж. Амансарыев. Туркмен дилиниң ёмут шивесиниң демиргазык геплешиклери. Канд. дисс. Ашгабат, 1954, стр. 41; К. Шамырадов. Туркмен дилиниң ёмут диалектиниң гүнбатар геплешиги. Канд. дисс. Ашгабат, 1960, стр. 15—16.

²⁵ См.: Ж. Амансарыев. Туркмен диалектологиясы. Ашгабат, 1970, стр. 94.

²⁶ М. Атажанов. Туркмен дилиниң салыр диалекти (Морфология ве лексика). Ашгабат — Мары, 1958, стр. 45; его же. Туркмен дилиниң салыр диалекти. Канд. дисс. Ашгабат, 1959, стр. 70, 132, 344. Наличие долготы в слове *кизлэл* зарегистрировано также в марыйском говоре текинского диалекта (см. сб.: «Туркменские народные сказки». М.—Л., 1954, стр. 88, 164). Однако оно вызывает лингвистическое сомнение.

²⁷ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934, стр. 25; его же. Очерки по языкознанию и русскому языку. М., 1939, стр. 16.

2. Общая (суммарная) длительность гласных в словах типа СГ+СГ в основном превышает общую длительность тех же гласных в словах типа СГС+СГС.

3. Краткие гласные второго слога слов типа СГ+СГ при сравнении их с такими же по качеству гласными первого слога имеют различные количественные соотношения: а) в **изолированных словах** вторые гласные оказываются длительнее, чем первые; б) в **словах, взятых в составе предложений**, наоборот, длительность гласных первого слога превышает длительность гласных второго слога.

4. Длительность кратких гласных вторых слогов типа СГС+СГС всегда меньшая, нежели длительность тех же гласных в первых слогах.

5. Узким гласным последнего прикрито-открытого слога в словах типа СГ+СГ свойственна дифтонгоидность²⁸.

6. Долгие гласные в ритмически организованных двусложных словах в 1,5—2,5 раза длительнее кратких гласных в таких же словах.

7. Независимо от слоговой структуры, одни и те же долгие гласные в первых слогах произносятся более длительно, нежели во вторых слогах тех же слов, следовательно, «первичные» долгие гласные длительнее «вторичных».

8. Длительность гласных звуков как кратких, так и долгих не является обязательным физико-акустическим коррелятом словесного ударения в туркменском языке.

²⁸ Ср.: «Долгое $\bar{и}$ (а также $\bar{ы}$. — А. М.) в туркменском языке имеет тенденцию переходить в дифтонг $ий$, т. е. $\bar{и} > ий$, что иногда отражается на орфографии отдельных слов» (Н. К. Дмитриев. Долгие гласные в туркменском языке. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I, стр. 184).

А. НУРМУХАММЕДОВ

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ОГИБАЮЩЕЙ СПЕКТРА И КЛАССИФИКАЦИИ СОГЛАСНЫХ

Как известно, согласные звуки речи различаются между собой не только фонологическими, дистрибутивными, артикуляционными, количественными и другими характеристиками, но и своими спектральными огибающими, то есть распределением звуковой энергии на частотной шкале спектра. Форма огибающей частоты, отражающаяся в спектре, характеризует качество звука и «... является одной из ключевых характеристик для их опознавания»¹. Поэтому определение огибающей амплитуд спектра речевых звуков имеет в определенной степени научно-теоретическое и практическое значение для синтеза, а также автоматического распознавания речи.

Известно, что, если первым основным свойством голосового источника является периодичность производимого звука, то второй, немаловажной характеристикой его является огибающая спектра создаваемых им колебаний². Для полной характеристики речевого сигнала или речевой волны необходимо уточнить уровень и форму соответствующих амплитуд, которые определяются (как мгновенным, так и усредненным во времени значением) звуковой энергией, проходящей за единицу времени через единицу площади³.

О необходимости и значении определения формы огибающей, о соотношении интенсивности отдельных участков спектра конкретных звуков при спектральном анализе речи говорили многие видные ученые, такие, как Г. Фант, М. А. Сапожков, Дж. Фланаган, Л. П. Блохина, В. Ясsem⁴ и др. Следует отметить высказывание Г. Фанта о том, что при детальном описании акустической картины речи и ее связи с артикуляцией, необходимо располагать совокупностью огибающих спектра, взятых для последовательных временных отрезков речи⁵. По его мнению, при характеристике согласных формантная картина должна быть обязательно дополнена огибающей спектра⁶.

¹ М. А. Сапожков. Речевой сигнал в кибернетике и связи. М., 1963, стр. 29.

² Г. Фант. Акустическая теория речеобразования. М., 1964, стр. 29.

³ Там же, стр. 217.

⁴ Там же, стр. 29—200; Л. П. Блохина. Спектральный анализ немецких нелабиализованных гласных фонем переднего ряда — «Ученые записки 1-го МГПИИЯ», т. XX. М., 1960, стр. 44—47; М. А. Сапожков. Речевой сигнал в кибернетике и связи, стр. 29—54; Дж. Фланаган. Анализ, синтез и восприятие речи. М., 1968, стр. 190; W. Jasse. The formants of Fricative consonants. Language and speech, vol 8, part 1, Teddington, 1965, стр. 1—16.

⁵ Г. Фант. Указ. раб., стр. 200.

⁶ Там же, стр. 39.

Но не всегда легко получить или определить истинную форму спектра конкретного звука, так как в спектре звуков, реализуемых в речи, часто встречаются дополнительные пики и провалы (то есть дополнительные области усиления), характерные для окружающих звуков и индивидуальных особенностей говорящего. По этому поводу М. А. Сапожков пишет: «Казалось бы, получение огибающих спектра не представляет затруднений и поэтому не должно быть трудностей и в определении формантных областей. Однако на деле только в некоторых частных случаях можно получить огибающую путем, скажем, проведения плавной кривой по «верхушкам» всех гармоник. Наличие ряда максимумов, неровностей в распределении сплошных спектров и т. п. приводит к неопределенности формы огибающей»⁷. Следовательно, в спектральном анализе речи «...одной из важных задач является определение характерных для каждого звука форм спектра и выяснение того, что относится к форманте, и что является искажением или характерной для звука индивидуальностью произношения»⁸.

На основании изложенных теоретических положений о необходимости получения огибающей спектра звуков нами был проведен анализ акустических картин согласных туркменского языка, а именно:

1) были получены объективные картины изучаемых звуков в позициях СГ, ГСГ и ГС при помощи двух дикторов;

2) проведено сравнение акустических картин конкретного согласного отдельно в каждой позиции, а также данных произношения каждого из дикторов;

3) сравнивались спектральные картины каждого согласного со спектральными картинками других изучаемых согласных в аналогичных позициях в слове, произнесенном одним и тем же диктором.

С помощью проведения такого систематического сравнения спектральных картин исследуемых звуков в разных контекстах удалось уточнить:

а) позиционные акустические особенности произносимых в речи согласных;

б) влияние соседних гласных звуков;

в) дополнительные области усиления в спектре согласных;

г) особенности произношения каждого диктора;

д) сильные и слабые области усиления частот, а также нахождение места спектральных пиков и провалов на шкале частот спектра;

е) собственную форму огибающих спектра каждого конкретного согласного;

ж) общие и собственные характеристики анализируемых согласных и т. п.

В результате сравнения были сделаны общие выводы об объективных, типичных для каждого изучаемого согласного, признаках, что дало возможность классифицировать звуки по форме огибающей спектра. Полученные огибающие спектра каждого исследуемого согласного представлены на рисунках 1 и 2 (дополнительные области усиления, встречающиеся в акустических картинах звуков, не учтены и на рисунках не отражены. Уровень интенсивности частот колебаний измерялся нами в миллиметрах. Средняя величина амплитуд резонансных частот формантных областей спектра согласных, нормированных по максимальному значению, представлена для большей наглядности в таблице).

⁷ М. А. Сапожков. Речевой сигнал в кибернетике и связи, стр. 29.

⁸ Там же, стр. 46.

Таблица

Средняя величина интенсивности резонансных частот формантных областей спектра некоторых согласных звуков, нормированных по максимальному значению

Согласные звуки	I F ₁	I F ₂	I F ₃	I F ₄	I F ₅
Ф	0,8	0,15	0,53	0,27	0,1
β	1	0,31	0,09	0,08	0,02
β'	1	0,15	0,26	0,12	0,01
θ	0,65	0,52	0,40	0,45	—
θ'	0,67	0,33	0,45	0,47	—
δ	1	0,50	0,15	0,05	—
δ'	1	0,22	0,29	0,09	—
š	0,55	0,46	0,64	0,67	0,64
š'	0,44	0,45	0,71	0,94	0,81
ž	1	0,3	0,33	0,63	0,19
γ	0,9	0,43	0,09	0,22	0,03
γ'	1	0,14	0,25	0,08	0,04
х	0,55	0,87	0,45	0,12	0,25
h	0,45	0,83	0,52	0,08	0,24
h'	0,41	0,14	0,69	0,59	0,23

На материале туркменского языка можно отметить следующие признаки классификации согласных по форме огибающей амплитуд их спектра.

1. По распределению звуковой энергии формы огибающей спектра согласных могут быть резкими и нерезкими (ровными, плоскими, гладкими). Как известно, по дихотомической теории дифференциальных признаков, звуки с нерезкой, ровной огибающей имеют плавный приступ и завершение; они не испытывают резких изменений на протяжении всего звучания, имеют регулярной формы волну, а звуки с резкой огибающей характеризуются внезапными изменениями энергии в продолжение своего звучания⁹. С акустической точки зрения, резкие звуки характеризуются наличием в их спектре сравнительно большей интенсивности шума, а нерезкие — шума меньшей интенсивности¹⁰.

Артикуляционные признаки резких и нерезких звуков, отмеченные в теории бинарной классификации Р. Якобсона и других, можно считать не совсем удачными. Так, по этим признакам могут различаться лишь взрывные (прерванные) согласные и соответствующие им фрикативные (непрерывные). Однако различаются также и некоторые щелевые

⁹ Р. Якобсон, Г. М. Фант и М. Халле. Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты. — В сб.: «Новое в лингвистике», вып. 2. М., 1962, стр. 181—185.

¹⁰ Р. Якобсон и М. Халле. Фонология и ее отношение к фонетике. — В сб.: «Новое в лингвистике», вып. 2. М., 1962, стр. 257; Г. Фант. Акустическая теория речеобразования, стр. 216.

резкие согласные от других щелевых нерезких, как, например, резкие *s, z* от нерезких *θ, δ*. Поэтому, руководствуясь в основном акустическими признаками указанного определения, мы провели соответствующий анализ, заключающийся в следующем.

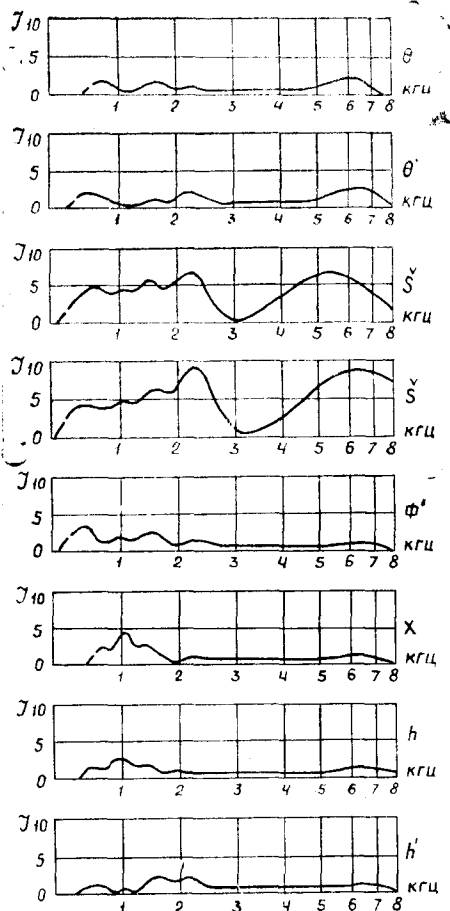

Рис. 1.

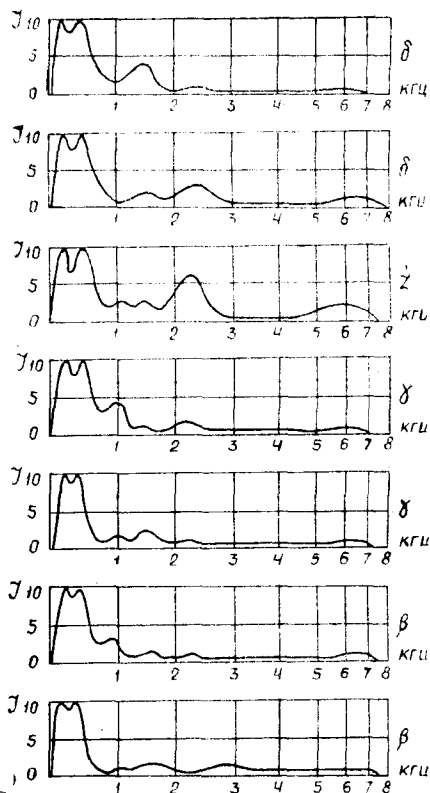

Рис. 2.

В туркменском языке согласные *s, z, š, ž, ʃ, ʒ* и *f, v* как резкие противопоставляются соответствующим близким по месту артикуляции нерезким звукам *θ, δ, x, γ, h* и *φ, β*.

Среди щелевых согласных резким спектром характеризуются зубные *s, z*, переднеязычные *š, ž* и губно-зубные *f, v* (последние встречаются в словах, заимствованных из русского языка). Зубные согласные отличаются резким увеличением уровня амплитуд — выше 4000 гц и усугубляющимся нулем в области частот 3.000—3.500 гц. Основной пик амплитудных уровней спектра указанных согласных находится в области 5.000—7.000 гц. У двухфокусных *š, ž* резко увеличивается уровень амплитуд колебаний также и в области 2.260 гц (рис. 1, 2 и табл.). Наличие наибольшей интенсивности в спектре зубных и губно-зубных (интенсивность *f* значительно меньшая, чем у *s, š*, например, в русском языке) по сравнению с губно-губными и заднеязычными звуками объясняется расположением зубной преграды и короткого резонатора вблизи места их артикуляции¹¹.

¹¹ Г. Фант. Акустическая теория речеобразования, стр. 186, 198, 246.

Несмотря на то, что в спектре туркменского межзубного согласного Θ основная энергия сосредоточивается на высоких частотах — в области 5.000—7.000 гц, спектр как твердого, так и палатализованного его варианта отличается (как в английском Θ^{12}) нерезкой, ровной огибающей и имеет низкую интенсивность по сравнению со щелевыми s , $\check{s}$. Из рис. 1 видно, что огибающая звука межзубного Θ больше похожа на огибающую спектра заднеязычных и губных согласных.

Заднеязычным фрикативным звукам X , h , h' свойственна ровная, плоская огибающая спектра и низкая интенсивность (рис. 1). Наличие меньшей интенсивности у заднеязычных согласных связано с местом артикуляции, в котором перед язычным сужением расположен резонатор сравнительно большего размера, обуславливающий ослабление интенсивности шума звуков.

Если в артикуляции зубных, переднеязычных и заднеязычных щелевых перед местом их язычного сужения участвует резонансная полость, объем которой удлиняется в порядке следования согласных Θ , $\delta \rightarrow \check{s}$, $\check{z} \rightarrow x$, $\gamma \rightarrow h$, то при произнесении междугубных ϕ , β этого не происходит. В спектре последних отсутствуют резкие, доминирующие полюсы и усугубляющие спектральные нули, он характеризуется ровной, плоской формой и имеет очень низкую интенсивность. В спектре этих щелевых, несмотря на то, что они произносятся вблизи от места артикуляции зубных согласных, не наблюдаются признаки, свойственные последним. Огибающая междугубных ϕ , β в большей мере напоминает спектры заднеязычных согласных. Таким образом, заднеязычные x , h , междугубный ϕ , межзубный Θ характеризуются огибающей с равномерным распределением энергии по спектру.

Следовательно, из щелевых к резким согласным относятся f , v , s , z , $\check{s}$, $\check{z}$ (f , v — в русских словах). Они противопоставляются, в свою очередь, нерезким согласным: Θ , δ , ϕ , β , x , γ , h — в туркменском языке¹³.

2. По общей градации интенсивности спектра согласные также могут различаться между собой. Место нахождения главного пика интенсивности, соответствующего основному резонатору полости рта, определяет общую форму спектра. В связи с этим условно можно наметить три вида огибающих спектра согласных.

К первому виду относятся спектры звуков, в которых основная энергия сосредоточивается в самой нижней части его и характеризуется наличием четкой формантной структуры. В таких спектрах преобладает уровень амплитуд F_1 , F_2 , F_3 над последними формантными областями. Главный спектральный пик интенсивности, который приходится на частоты F_1 (главным образом, в области 300—500 гц), моделируется с интенсивностью частоты основного тона. Данными свойствами отличаются лишь звонкие согласные. Это подтверждают и огибающие спектра звонких щелевых δ , δ' , $\check{z}$, γ , γ' , β , β' звуков (рис. 2). Интенсивность частот подобных звуков постепенно падает в направлении области высоких частот спектра и указывает на слабощумность этих согласных.

Ко второму виду огибающих спектра звуков относятся характеризующие звуки, главная часть энергии которых расположена в области самых высоких частот — выше 2.000 гц; основной пик уровней находится в пределах частот 5.000—7.000 гц. Такими свойствами характеризуются

¹² Г. Фант. Анализ и синтез речи. Новосибирск, 1970, стр. 112.

¹³ А. Нурмухаммедов. Туркмен дилинде суйкеш чекимсиз сеслер (экспериментал-фонетик дернев). Канд. дисс. Ашгабат, 1973, стр. 150—151; его же. Фрикативные согласные звуки в туркменском языке (экспериментально-фонетическое исследование). Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1974, стр. 22—32.

зубные и передненебные согласные Θ , S , $\check{S}$, $\check{C}$. В спектре этих звуков общая градиация интенсивности возрастает от низких к высоким частотам, указывая на высокочастотность и сильношумность указанных согласных (рис. 1).

Третьим видом огибающей характеризуются спектры звуков, у которых основной пик интенсивности расположен в области более низкой частоты, чем главный пик у зубных и передненебных звуков. Если в спектре зубных и передненебных звуков особенно бросаются в глаза высокие частоты — выше 2.000 гц, то в спектре других глухих звуков (губных и заднеязычных) типа Φ , X , h наиболее ярко выраженной является область средних частот — ниже 2.000 гц. Максимальный уровень амплитуд в спектре твердого увулярного X и фарингального h находится в пределах 1.000—1.200 гц, палатализованного h' — 1.510 — 1.640 гц, а мягкого ϕ' — 1.640—1.780 гц. Поэтому общая огибающая спектра указанных согласных, в большинстве случаев, имеет почти восходяще-нисходящую форму (рис. 1). Эти согласные по сравнению с зубными согласными более низкочастотны. Степень шума губных и заднеязычных глухих меньше, чем у зубных и передненебных согласных и занимает среднее положение между звонкими и зубными глухими согласными.

Таким образом, следует отметить, что в спектре каждого глухого выделяются ярко выраженные по амплитудным значениям формантные области, в которых сосредоточена основная энергия звука. Эти формантные области (или форманты), выступая как акустический дифференцирующий признак, различают согласные по частотно-амплитудным значениям¹⁴. Например, такой характерной областью частот для звуков h и x является F_2 (925—1.280 гц), для h' — F_3 (1.510—1.600 гц), для билabiaльного ϕ' — F_3 (1.640—1.780 гц), для двухфокусного $\check{s}$ — F_4 (2.260 гц) и F_5 (5.750—6.250 гц), для межзубного Θ — F_4 (5.750—6.250 гц). Следовательно, указанные глухие согласные, различаясь между собой по месту концентрации шумовой энергии, образуют следующую последовательность по возрастанию резонансных частот указанной области спектра: $h, x \rightarrow h' \rightarrow \phi' \rightarrow \check{s} \rightarrow \Theta$. Так, среди глухих щелевых самыми низкочастотными являются звуки h, X , а высокочастотными — $\check{s}, \Theta$.

3. По соотношению уровня амплитуд частот спектра выше 1.000 гц, иначе говоря, по соотношению уровня формантной области F_2 , F_3 и F_4 спектра:

а) по соотношению уровня амплитуд F_2 и F_3 . В спектре некоторых согласных интенсивность F_2 может превосходить F_3 , то есть возможно $F_2 > F_3$. Такая особенность свойственна твердым вариантам звуков типа β , Θ , δ , x , γ , h (рис. 1 и 2). Встречается и противоположное явление. Так, в спектре некоторых звуков уровень интенсивности F_3 больше интенсивности F_2 , иначе — $F_2 < F_3$. Подобными свойствами характеризуются в основном палатализованные варианты указанных выше звуков. Это говорит о том, что в спектре согласных, сочетающихся с гласными переднего ряда, интенсивность частоты в области F_3 усиливается, а в области F_2 — заметно ослабляется;

б) согласные могут также различаться и по соотношению уровня интенсивности частот формантной области F_2 и F_4 . Величина интенсивности F_2 может превосходить интенсивность F_4 (то есть $F_2 > F_4$) в спектрах некоторых звуков. Такая характеристика позволяет различать

¹⁴ А. Нурмухаммедов. К вопросу спектральной характеристики фриктивных согласных туркменского языка. — «Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук», 1972, № 3, стр. 69.

лишь слабошумные и низкие звуки, а именно: звонкие β , δ , γ , γ' и заднеязычные твердые глухие x , h (рис. 1, 2).

В спектре некоторых звуков наблюдается обратное соотношение уровня интенсивности частот указанных формантных областей. Признаками соотношения интенсивности $F_2 < F_4$ характеризуются в основном палатализованные варианты звуков Θ' , δ' , h , ϕ' и твердый вариант двухфокусных δ , δ' (рис. 1 и 2). Это свидетельствует о том, что при помощи соотношения интенсивности $F_2 < F_4$ можно различать сильношумные и даже высокочастотные звуки.

Таким образом, на основе анализа с применением указанных принципов классификации, особенно на основе соотношения интенсивности частот формантной области F_2 , F_3 , и F_4 спектра, были выявлены акустические данные согласных Θ , δ , δ' , δ'' туркменского языка. Эти данные соответствуют показателям (характеристике) аналогичных звуков английского, шведского и польского языков¹⁵.

Как видно из сказанного, при помощи огибающей спектра согласных и ее анализа на основе изложенных выше принципов классификации можно легко расчленить *высокочастотные и низкочастотные, сильношумные и слабошумные, твердые и мягкие, звонкие и глухие* согласные звуки языка. Огибающая спектра (форма волны) звука является одной из составных частей общей акустической характеристики речевых звуков; определение ее представляет немалый научно-теоретический и практический интерес. Предлагаемые нами принципы классификации и анализа огибающей спектра согласных с методической точки зрения, как нам кажется, могут быть использованы и в других спектрографических исследованиях речи*.

¹⁵ W. Jassem. The formants of fricative consonants, стр. 1—16.

* Пользуясь случаем, автор выражает глубокую благодарность доценту Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Горького Л. П. Блохиной за оказанную ею методическую и практическую помощь, позволившую подготовить данную статью.

Л. Ш. АРСЛАНОВ

К ВОПРОСУ О КАРАГАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Карагаши — небольшая этническая группа ногайцев, проживающих в Красноярском и частично в Харабалинском районах Астраханской области. В настоящее время карагаши проживают в селах Лапас Харабалинского района, Сеитовка, Айсапай, Коянлы, Ланчык, Беячное, Ясын-Соқан, Джанай, Хожедай, Подшалык, Малый Арал Красноярского района Астраханской области, а также в поселках Кыркиле, Свободном, ныне вошедших в состав города Астрахани.

По данным И. Г. Георги, в 1770 году было около 1.000 кибиток карагашей¹. Как отмечает П. И. Небольсин, по восьмой ревизии их было 5.119 душ мужского пола². В «Географическо-статистическом словаре Российской империи» указано: «кундровских (карагаши. — Л. А.) татар вместе с кочующими с ними татарами Бухарского, Гилянського, Агрыжанского дворов, а также с каракалпаками и туркменами насчитывалось 14 тысяч человек»³. По В. Трофимову, численность карагашей составляла на 1931 год 5.775 человек⁴. По данным сельских Советов, на первое января 1973 года численность карагашей составляла около 5.000 человек⁵.

В научной литературе карагаши известны как кундровцы или кундровские татары. Это название в настоящее время закрепилось за носителями говора села Тулугановка (Кундрау) Володарского района Астраханской области. По мнению самих карагашей, название кундровские татары дано им ошибочно, так как кундровцы совершенно другая группа астраханских ногайцев, отличающаяся от карагашей рядом этнографических и антропологических, а также языковых черт. Однако во всех источниках карагашей называют кундровскими татарами. По свидетельству Вл. Пятницкого, «сами карагаши, а также и татары указанных сел (бывшие Иске Кундрау и Яна Кундрау, а ныне село Тулугановка. — Л. А.) за одну народность себя не признают. Кундровцы

¹ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, части 1—2, стр. 30—32.

² П. И. Небольсин. Иностранцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах. — «Вестник императорского русского географического общества». СПб., 1851, стр. 1—30.

³ «Географическо-статистический словарь Российской империи П. П. Семенова», т. 5, вып. 1. СПб., 1875, стр. 75.

⁴ В. Трофимов. Татары-карагаши. — «Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького», т. 6. Саратов, 1933, стр. 120.

⁵ Карагаши, живущие в городах области, в это число не входят.

тяготеют к татарам юртовским, а карагаши держатся особняком от тех и других»⁶.

Знакомство автора с кундровскими татарами села Тулугановка Володарского района, состоявшееся в апреле 1973 года, подтверждает мнение Вл. Пятницкого относительно карагашей и кундровских татар. Кундровские татары⁷, карагаши и юртовские татары представляют собой самостоятельные группы с присущими им языковыми и этнографическими (возможно, и этническими) особенностями. Как показывает фактический материал, собранный нами в апреле 1973 года в Тулугановке, кундровские татары действительно отличаются от карагашей. Ни у юртовских, ни у кундровских татар указанного села не сохранилось деления на родоплеменные группы, тогда как карагаши до сих пор прекрасно помнят названия родов, к которым относится та или иная семья.

Язык кундровских татар села Тулугановка, по нашим предварительным наблюдениям, занимает промежуточное положение между языками карагашей и юртовских татар с преобладанием черт, свойственных языку юртовских татар.

Различие между карагашами и кундровскими татарами села Тулугановка выступает и в антропологическом типе. Можно предположить, что кундровцы и карагаши прибыли в одно и то же время с Терека или Кубани, но племенной состав их был различен. С течением времени, по невыясненным пока причинам, кундровцы-карагаши утратили название «кундровские татары». Как бы то ни было, жители села Тулугановка представляют собой самостоятельную этническую группу бывших ногайцев, испытавших влияние юртовских татар.

Сами карагаши называют себя ногаями, а язык свой — ногайским, хотя носители карагайского языка и осознают отличие своего языка от «настоящего» ногайского литературного языка.

Карагаши, как и другие этнические группы Астраханской области (юртовские татары и туркмены), в силу ряда социально-исторических причин записаны татарами. Но само понятие «астраханские татары» требует уточнения. Под этим названием обычно подразумевают все тюркоязычное население Астраханской области⁸.

Как известно, название «астраханские татары» распространяется на различные группы ногайцев: юртовских татар, карагашей, кундровских татар, поволжских татар (которые, в свою очередь, подразделяются на носителей среднего и мишарского (западного) диалектов татарского языка) и туркмен.

Все исследователи признают принадлежность карагашей к ногайцам, однако по вопросу отнесения карагашей к той или иной этнической группе ногайцев, а их языка к какому-либо определенному диалекту ногайского языка мнения расходятся. Так, В. Трофимов считает их кара-ногаями, а П. И. Небольсин — акногаями.

Анализ лингвистического материала показывает, что в языке карагашей имеются особенности как караногайского, так и акногайского диалектов, однако преобладают особенности последнего. В то же время

⁶ Вл. Пятницкий. Карагаши (по материалам поездки в 1927 году). — «Землеведение», т. 32, вып. 3—4, М., 1930, стр. 155.

⁷ В исторических документах кундровцы, то есть жители села Тулугановка, отнесены к юртовским татарам; см.: П. И. Небольсин. Юртовские татары. — Газ. «Астраханские губернские ведомости», № 1, Астрахань, 1853; «Географическо-статистический словарь Российской империи», т. 5, вып. 1. СПб., 1875, стр. 903—904.

⁸ Академик В. В. Бартольд под тюркоязычным населением Астрахани понимал ногайцев (Сочинения, т. 5. М., 1968, стр. 561). Таким образом, им не учитывалось наличие в Астрахани и области казанских татар, мишарей, туркмен (как городских, так и сельских).

некоторые языковые явления не имеют параллелей ни в одном из упомянутых диалектов, что объясняется, по-видимому, изолированным от других этнических групп ногайцев развитием карагашского языка на протяжении 230 лет. Следует учесть и то обстоятельство, что, во-первых, на новой территории карагаши вошли в контакт с казахами букеевской орды, и это не могло не отразиться на их языке, и, во-вторых, в течение некоторого времени язык карагашей развивался под влиянием татарского литературного языка, в силу чего в нем сложились специфические особенности, обусловленные этим влиянием. Очевидно, не прошло бесследно и то обстоятельство, что карагаши в течение тридцати лет кочевали совместно с калмыками, хотя ярко выраженных калмыцких элементов в языке карагашей не наблюдается. Калмыцкие элементы обнаруживаются лишь в топонимии, а также в некоторых терминах родства и животноводства.

В историко-этнографическом отношении карагаши изучены достаточно полно, и об этом имеется довольно богатая литература. Язык же карагашей до настоящего времени не был предметом специального исследования. В лингвистической литературе о карагашах упоминают в связи с изучением ногайского языка и его диалектов. Так, Н. А. Баскаков в монографии «Ногайский язык и его диалекты» пишет о наличии «крымских и астраханских ногайцев, которые в настоящее время пользуются первые — крымско-татарским языком, а вторые — татарским языком»⁹. Конкретно о карагашах Н. А. Баскаков не упоминает.

Не выделяет карагашей (вообще астраханских ногайцев) и С. А. Калмыкова, которая о них пишет: «Астраханские, крымские и часть дагестанских (хасав-юртовцы и баба-юртовцы) ногайцев ассимилировались с местным населением, приняв их язык и письменность»¹⁰.

С этим утверждением автора, на наш взгляд, полностью согласиться нельзя. Как известно, юртовские татары, кундровцы и карагаши не являются пришельцами, появившимися в Астраханской области позднее проживавших здесь других этнических групп. Скорее всего, именно они являются местным населением этой территории. Сельское население (мы имеем в виду юртовских татар) ассимилировало поволжских татар, испытав в свою очередь значительное влияние последних. Что касается карагашей, то ни о какой ассимиляции их «местным населением» не может быть и речи. Как известно, западные казахи в Астраханской области появляются значительно позже карагашей, то есть в начале XIX века¹¹.

Некоторые сведения о языковых особенностях карагашей можно почерпнуть из работ П. И. Небольсина, Вл. Пятницкого, В. Трофимова. Однако цельного представления о языке карагашей они не дают. В статьях этих авторов содержатся лишь отдельные примеры, связанные с изучением этнографии карагашей и не отражающие живого фонетического звучания карагашских слов.

Обратимся к рассмотрению истории изучения карагашей.

Впервые о ногайцах, ушедших к калмыкам, упоминается в Полном собрании законов (далее ПСЗ) в 1673 году (стр. 540). По данным ПСЗ, Казыев улус, то есть Малый Ногай, находившийся под властью Крыма, в 1660 году получил независимость и кочевал по побережью реки Северный Донец (ПСЗ, стр. 281). Эта часть ногайцев в 1675 году раздели-

⁹ Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940, стр. 3.

¹⁰ С. А. Калмыкова. Орфография ногайского языка. — В сб.: «Орфография тюркских литературных языков СССР». М., 1973, стр. 130; «Грамматика ногайского языка. Фонетика и морфология». Черкесск, 1973, стр. 5.

¹¹ «К истории букеевской орды». — Газ. «Астраханский край», 1906, № 151.

лась на две части: «Одна, под предводительством Кобека и Юсуфа Ораковых, отправилась за Кубань, к черкесам, а другая ушла к калмыкам»¹² (ПСЗ, том I, стр. 614). По-видимому, ушедшие к калмыкам ногайцы Казыева улуса и были истинными предками карагашей-кундровцев. Не случайно язык карагашей имеет сравнительно большое число общих черт с акногайским диалектом ногайского языка.

Первое упоминание о «татарах хондроу, бывших подданных Русского государства» принадлежит В. Н. Татищеву (1743—1745 годы)¹³. В. Н. Татищев пишет, что калмыцкий хан Дондук-Даши захватил кондровских татар в 280 арбах, несколько человек кубанцев и султанаульцев¹⁴. Данные ПСЗ и В. Н. Татищева в последующем использовались всеми авторами, изучавшими историю ногайцев в целом и карагашей в частности.

Сведения о карагашах мы находим и у И. Г. Георги, который именует их «кундровская ногайская орда» и приводит данные о численности (около 1.000 кибиток). И. Г. Георги отмечает, что «зимних юрт они у себя не имеют, и скот свой оставляют на всю зиму в поле»¹⁵. Название «карагаш» у И. Г. Георги не встречается.

Описание карагашей дает польский историк и путешественник Ян Потоцкий, посетивший карагашей в 1797 году. Он рассказывает, что «у калмыцкого князя Тюменя в Замьяны были татары, то были татары кундровские, кочевавшие в окрестностях»¹⁶. Ян Потоцкий отмечает, что «кундуры» зависимы от калмыцкого князя, и признает в кундурах настоящих ногайцев¹⁷. Название карагаш у Яна Потоцкого также не упоминается.

Некоторые исторические данные о происхождении кундровцев и об их численности приведены в «Географическом словаре Российского государства»¹⁸.

Раввинский среди астраханских татар выделяет «кундровцев или карагач, что значит чернолесные»¹⁹. Он упоминает две деревни: Сеитовка (домов деревянных 84) и Хожетаевка (домов 90). Таким образом, именно с этого времени название карагаш (карагач) начинает употребляться официально.

Особая роль в изучении истории и этнографии карагашей принадлежит П. И. Небольсину²⁰, посвятившему им ряд статей. В своих статьях П. И. Небольсин называет карагашей (кундровцев) «прямыми ногайцами» и приводит легенду, согласно которой карагаши являются выходцами с Кубани и из окрестностей Бештау (Пятигорск). Он полагает, что подтверждением этого факта может служить то обстоятельство, что у карагашей имелись когда-то родственники в ауле Баймурзино в шести верстах от Бештау. Упоминаемая П. И. Небольсиным легенда до сих пор

¹² А. Архипов. Ногайцы. — Газ. «Кавказ», 1852, №№ 3, 4, 5.

¹³ Н. Попов. В. Н. Татищев и его время. М., 1861, стр. 247.

¹⁴ Там же, стр. 323.

¹⁵ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, часть I—2. СПб., 1796, стр. 44.

¹⁶ В. Алексеев. Исторические путешествия, извлеченные из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV—XVIII веках. Сталинград, 1936, стр. 212.

¹⁷ Там же, стр. 212, 215.

¹⁸ «Географический словарь Российского государства», часть 3. М., 1804, стр. 975—976.

¹⁹ Раввинский. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809, стр. 350—354.

²⁰ П. И. Небольсин. Заметки о кундровских татарах. — «Вестник Императорского русского географического общества», 1851; его же. Очерки Волжского низовья. — «Журнал Министерства внутренних дел», 32. СПб., 1852; его же. Заметки о кундровских татарах. — Газ. «Астраханские губернские ведомости», № 48. Астрахань, 1851.

сохранилась в памяти старожилов, а также в фольклорных произведениях. Так, в традиционном зачине «жырау» (песня) исполнители, как правило, подчеркивают, что карагаши являются ногайцами и что они пришли с Кубани. По П. И. Небольсину, появление карагашей в Заповжье относится к 1740 году. В этом году калмыцкий хан Дондук Омбо подчинил карагашей (ногайцев), кочевавших по берегу реки Кумы. В течение тридцати лет карагаши продолжали кочевать совместно с калмыками вплоть до ухода части калмыков под предводительством Убуш хана (в январе 1771 года) в Джунгарию. Как пишет П. И. Небольсин, карагаши (кундровцы) вместе с калмыками зимовали на Куме, а лето проводили с ними же на Ахтубе и частично в Рын-песках.

Что касается самого названия «карагаш», то П. И. Небольсин объясняет его следующим образом: «между двумя предводителями ногайцев Касаями²¹, зятем и тестем, произошли несогласия, и молодой Касай откочевал от целого племени ногаев с реки Кубани и окрестностей Бештау в соседние к России леса, изобилующие известного рода породой дерева карагач (черный лес). Имя это они усвоили от долговременного здесь пребывания»²².

С 1771 года, после ухода части калмыков в Джунгарию, к кочевьям карагашей присоединилось 220 семейств²³ туркменов, а также небольшая группа каракалпаков²⁴.

П. И. Небольсин впервые описал родоплеменной состав карагашей. Это описание дает дополнительный материал для решения проблемы этногенеза карагашей и других групп ногайцев, а также их языка. Проверка родоплеменного состава карагашей, проведенная нами при полевых исследованиях, говорит о полном совпадении наших материалов с данными П. И. Небольсина. Ниже приводится родоплеменной состав карагашей по П. И. Небольсину.

А. От Каспулата произошли следующие три рода:

1. Ас. Род *ас* подразделяется на два отделения: *шотук, колтас*.
2. *Найман*. Делится на три отделения: *джагалбайлы найман, баганалы найман, шобалатчы найман*.
3. *Тюбетпес (Джангы найман)*.

Б. От Касая произошел только один род мангыт. Делится на шесть отделений: 1) мангыт, 2) кугюс, 3) эргенекли, 4) алтаяк, 5) байгунда, 6) темирходжа. Байгунда делится на пять подразделений: байгунда, ютугуль, джалмамбет, аджимбет, аннай. Темирходжа делится на три подразделения: темирходжа, керейт, тоермалы.

В. Неизвестного происхождения роды: сальджугут, ток. Следует отметить, что род сальджугут представлен у кундровских татар села Тулугановка.

Родовой состав карагашей строго распределяется по отдельным селениям. Так, для Хожетаевской группы (Джанай, Подшалык, Малый Арал, Хожедай) характерны следующие роды: алтаяк, кугюс, эргенекли, тюбетпес, ас, карас, тингес, колтас, шотук, а для Сеитовской группы (Коянлы, Ясын-Сокан, Айсапай, Белячное, Ланчык, Лапас) характерны

²¹ Документы XVIII века наряду с северокавказскими ногайцами называют каспулатовцев и касеевцев, от которых, по-видимому, отделились современные карагаши. См.: Н. Г. Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, стр. 82; *ее же*. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974, стр. 85, 88, 89.

²² П. И. Небольсин. Инородцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах. — Газ. «Астраханские губернские ведомости». Астрахань, 1851, № 48.

²³ П. И. Небольсин. Очерки Волжского Цинзовья. — «Журнал Министерства внутренних дел», 32, СПб., 1852, стр. 30—74.

²⁴ Там же, стр. 43, 54—55.

следующие роды и отделения: найман, тойырмалы, тергенчи, джалмамбет, ютугуль, серкеле, байгунда, аджимбет, ток. Каждый род имеет свою тамгу.

У П. И. Небольсина представлена численность каждого рода и отделения. По его данным, кундровских татар-карагашей насчитывалось 11.157 человек.

В статьях П. И. Небольсина приведены отдельные карагашские слова бытового, этнографического характера, которые дают некоторое представление о языке карагашей. Например: *джангы* 'новый', *тарак* 'гребень', *шугуш* 'молоток', *багана* 'столб', *ай* 'луна', *эргенек* 'решетка, плетень для скота', *клыш* 'сабля', *кобыз* 'музыкальный инструмент' и др.

И. Черкасов пишет о «ногайцах, завоеванных калмыками. Эти ногайцы ныне известны под названием кундровских татар, они сами себя называют карагашами»²⁵.

А. Артемьев среди других этнических групп Астраханской губернии упоминает и карагашей, считая их потомками ногаев, переселившихся с Кубани из окрестностей Пятигорья (Бештау) на левый берег Волги. У А. Артемьева указаны селения Сеитовка и Хожетаевка²⁶.

П. Г. Бутков о карагашах пишет: «...при возвращении калмыков из Дербентского похода увели они в свои улусы от Терской крепости 1 тысячу кибиток тамошних татар, Российских подданных, именуемых хондроу, из которых Арслан-Мурза, с родом своим, в нескольких стах кибитках отобраны к Астрахани»²⁷.

В «Географическо-статистическом словаре Российской империи» карагаши отнесены к ногайцам, «кочующим только летом по степи левого берега Ахтубы... в числе 12 тысяч человек»²⁸.

О карагашах есть упоминание в статье Н. А. Аристова²⁹, который среди других тюркских племен и народностей указывает, пользуясь данными П. И. Небольсина, карагашей и их родоплеменные подразделения.

Некоторые сведения о карагашах имеются в работе И. А. Щеглова³⁰. Рассматривая отдельные этнические группы ногайцев, автор уделяет внимание и карагашам. По его мнению, карагаши, то есть «часть орды Малого Ногай кочевала в низовьях Терека. Во время персидского похода Петра Великого...», «Участвовавший в походе калмыцкий князь Бату более 1.000 кибиток терских ногайцев, известных под именем кундровских татар, перевез к Волге». И. А. Щеглов отмечает, что кундровские татары составляют две основных племенных группы касеевцев и каспулатовцев.

Сведения о карагашах представлены в книге И. А. Бирюкова³¹, который упоминает их в связи с описанием истории Астраханского казачьего войска. Пользуясь материалами предшественников, он считает

²⁵ И. Черкасов. Краткий очерк административного устройства Астраханских калмыков. — Газ. «Астраханские губернские ведомости». Астрахань, 1860, № 45.

²⁶ А. Артемьев. Списки населенных мест по сведениям 1859 года Российской империи. Астраханская губерния. СПб., 1861, стр. 9.

²⁷ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, часть первая. СПб., 1869, стр. 36.

²⁸ «Географическо-статистический словарь Российской империи», т. 5, вып. 1. СПб., 1875, стр. 57.

²⁹ Н. А. Аристов. Записки об этническом составе тюркских племен и народностей. — «Живая старина». СПб., 1896, стр. 404—405.

³⁰ И. А. Щеглов. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии, т. I. Ставрополь, 1910, стр. 78.

³¹ И. А. Бирюков. История Астраханского казачьего войска. Часть 3. Саратов, 1911, стр. 545.

карагашей «потомками ногайцев, выселившихся на левый берег реки Волги из-за Кубани и из окрестностей Пятигорья».

Аналогичные сведения о карагашах приводит П. Любомиров, называя их «полукочевой группой кундровских татар», которые зимой проживают в больших селениях — Сеитовке на Ахтубе и Ходжетаевке на Берекете. По данным П. Любомирова, кундровских татар на 1 января 1800 года было 2.000 человек мужского пола³².

В 1927 году карагашей посетил Вл. Пятницкий, опубликовавший статью под названием «Карагачи (по материалам поездки в 1927 году)»³³. Вл. Пятницкий считает карагашей «осколками ногайских орд, кочевавших в свое время от Эмбы до Волги и далеко на запад по южнорусским степям»³⁴. Пятницкий впервые в специальной литературе уточняет этноним «кундровцы» и «кундровские татары». По мнению автора, «название кундровские татары относится к жителям Старых и Новых Бобров»³⁵, то есть к жителям современной деревни Тулугановка Володарского района.

Вл. Пятницкий, описывая материальную и духовную культуру карагашей, приводит и некоторый лексический материал. Следует отметить, что автор в большинстве случаев правильно уловил произношение карагашских слов, хотя имеются неточности в передаче их написания на основе русской графики. В статье нашли место, например, следующие слова и термины: *кырк уйлю* 'сорок домов', *шомуш* 'ковш', *чокуш* 'молоток', *косу* 'кочерга', *эргенек* 'загон для телят, плетень', *серке* 'развилки на морде у теленка, чтобы не высасывал все молоко у коров', *клыч* 'сабля', *кюйме* 'арба специального назначения, для невест', *калакай* 'лепешка', *баурсак* 'тонкий кусок теста, зажаренный в масле или в сале', *каптал* 'платье с застежками сверху и с широкими рукавами', *мизбек* 'повойник', *аспа* 'монеты', *шашбау* 'шнур с кистью кованого серебра', *саукеле* 'особый замысловатый головной убор', *бой тастар* 'большая шаль, покрывающая всю фигуру', *баксы* 'лекарь', *учуклук* 'окуривание пациента', *кагынды* 'стегать по больному месту', *албасты* 'существо женского пола', *джурт иеси* 'домовой'.

В статье Вл. Пятницкого приводятся отдельные словосочетания и целые предложения. Например: *Малсыз кюнүм сансыз* 'День без скота не в счет'; *Айналайын садаган болайын* 'Да обернусь я вокруг тебя и буду жертвой твоей'; *Келин келди кюрюнюз, корюмлыгын бериниз, алакула деминиз!* *Атын атан койунуз!* 'Пришла невеста, посмотрите, за смотрины подарите, не говорите, что она такая-сякая, а подарите! Именем ее нареките!'

Таким образом, языковой материал, приведенный Вл. Пятницким, дает нам некоторое представление о фонетических, морфологических и лексических особенностях карагашского языка.

Изучению быта карагашей посвящена статья В. Трофимова «Татары-карагашы»³⁶. В. Трофимов считает карагашей «остатками или потомками татарских групп, входивших в состав Золотой Орды, а после ее распада подпавших под влияние калмыков, а затем в более позднее время — под культурное воздействие казанских татар»³⁷. В. Трофимов отмечает отсутствие в карагашском языке звука Ч и употребление вместо него согласного звука Ш.

³² П. Любомиров. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке. Астрахань, 1926, стр. 11—12.

³³ Вл. Пятницкий. Карагачи (по материалам поездки в 1927 году). — «Землсведение», т. 32, вып. 3—4, стр. 155—170.

³⁴ Там же, стр. 155.

³⁵ Там же.

³⁶ В. Трофимов. Указ. раб., стр. 115—121.

³⁷ Там же, стр. 115.

Что касается происхождения карагашей, то автор основывается как на данных П. И. Небольсина, так и других источниках. Он признает в карагашах караногает. По этому поводу он пишет: «Эта часть ногайцев в связи с нехваткой пастбищ переселяется с Кубани, занимает пастбища вдоль реки Чаган, принадлежавшие калмыкам. Захватив пастбища, караногайцы вынуждены были подчиниться калмыкам. Через 40 лет между калмыками и караногайцами из-за пастбищ вспыхивает вражда. Караногайцы вынуждены обратно откочевать на Кубань, но бедняцкое население, не имевшее скота для переезда, остается на месте и образует аулы Ярлы Тюбя, Сулянка, Джамеле и Казаул»³⁸.

Это утверждение В. Трофимова требует уточнения. Материалы, которыми мы располагаем, показывают, что носители говоров указанных сел являются юртовскими татарами. Следовательно, они не имели отношения к карагашам. Языковые данные карагашей не подтверждают мнения В. Трофимова о происхождении карагашей от караногайцев. Карагашский язык имеет больше общего с акногайским, нежели с караногайским диалектом ногайского языка. Что касается этнонима «карагаш», то, по свидетельству В. Трофимова, он ведет свое происхождение от названия местности, куда карагаши откочевали от калмыков под предводительством Тугана-мурзы³⁹.

В. Трофимов приводит данные о численности карагашей в 1931 году, когда они выделились в особую племенную группу. На 1931 год численность карагашей составляла 4.775 человек.

Антропологическому исследованию карагашей посвящена в книге Т. А. Трофимовой⁴⁰ глава «Ногайцы и карагаши», в которой рассматриваются история карагашей и вопросы их этногенеза. Т. А. Трофимова, основываясь на исторических и антропологических материалах, указывает на этнические компоненты, участвовавшие в этногенезе карагашей. В этой работе приведена сравнительная таблица родовых названий карагашей с соответствующими названиями других тюркоязычных народов.

Таким образом, как уже указывалось выше, изучением карагашей в основном занимались историки, этнографы и антропологи. Язык же карагашей никем не исследовался, поэтому он не получил отражения ни в классификации ногайских диалектов, ни в классификации тюркских языков.

В этногенезе карагашей принимало участие несколько этнических групп. По данным исследователей (П. И. Небольсина, Вл. Пятницкого, В. Трофимова, Т. А. Трофимовой), в состав карагашей, кроме ногайцев, вошли и калмыки, привнесшие соответствующие черты, свойственные обилию части карагашей. Калмыцкого влияния на язык карагашей не прослеживается.

В состав карагашей вошли также несколько сот семей каракалпаков и туркмен, ассимилировавшихся в карагашской среде. Будучи малочисленными, они не оказали какого-либо заметного воздействия на язык карагашей.

Карагаши в течение двух веков (то есть после переселения их в 1740 году на Ахтубу, Бузан, Берекет) находились в контакте с западными казаками. Со времени окончательного присоединения к России Букеевской орды⁴¹, то есть с 1801 года контакты карагашей с

³⁸ В. Трофимов. Указ. раб., стр. 117.

³⁹ Там же, стр. 117—118.

⁴⁰ Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. — «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. 7. М.—Л., 1949, стр. 53, 55, 82.

⁴¹ «Астрахань и Астраханская губерния». Издание постоянной комиссии народных чтений. СПб., 1902, стр. 19—20; «К истории Букеевской орды». — Газ. «Астраханский край», 1906, № 151.

казахами стали более тесными, вследствие чего язык карагашей испытал некоторое влияние казахского. Об этом свидетельствуют отдельные морфологические и лексические элементы, сходные с соответствующими элементами в языке местных казахов, но отсутствующие в других диалектах ногайского языка. Возможно, что часть из них не что иное, как реликты более древнего состояния ногайского языка.

В этнический состав карагашей вошла и незначительная часть поволжских татар (носителей среднего и мишарского диалектов татарского языка).

Влияние татарского языка на язык карагашей распространялось главным образом через школу и культуру. Однако карагашский язык в меньшей степени испытал влияние татарского языка, нежели язык юртовских татар. Это объясняется рядом факторов. Во-первых, географическим положением: карагаши живут в относительном отдалении от Астрахани, а до установления железнодорожной связи контакты с городом были минимальными. Во-вторых, это обусловлено особенностями экономики: карагаши в основном занимались скотоводством (до 1905 года вели полукошечной образ жизни), в то время как юртовские татары занимались земледелием, бахчеводством, имели дело с рынком, вступали в экономические контакты с городским населением и, следовательно, находились в более тесном общении с поволжскими татарами. В-третьих, численность татар, проживающих в карагашских селениях, невелика, тогда как в селениях юртовских татар проживает значительное количество татар Поволжья.

С 1962 года в школах карагашских селений введено обучение на русском языке, в связи с чем функция татарского литературного языка явно сузилась. Как показывают наши полевые материалы и наблюдения, молодежь, школьники уже не владеют татарским языком и говорят на карагашском, хотя среднее и старшее поколение, окончившее школу до 1962 года, относительно свободно пользуется и татарским языком.

В настоящее время влияние татарского языка практически прекратилось, однако оно оставило свой след в фонетической и грамматической системах, а также в лексике карагашского языка. Так, например, в карагашском языке наблюдаются фонетические явления, не свойственные ногайскому языку и его диалектам. Под влиянием татарского языка произошло расширение или сужение значения некоторых грамматических форм и категорий. Вышли из употребления или вновь образовались в языке карагашей отдельные лексические единицы, изменилась семантика отдельных слов. При всем этом карагашский язык остался самобытным и сохранил многие общеногайские черты.

Многие черты карагашского языка (в основном фонетические) отличают его от языка юртовских татар, хотя обоим этим языкам свойственны общие морфологические и частично лексические особенности.

Учитывая этногенез и языковые данные карагашей, их язык следует считать самостоятельным языком отдельной этнической группы астраханских ногайцев-карагашей, то есть карагашским языком, так как ни территориально, ни экономически носители карагашского языка не связаны с ногайцами Северного Кавказа.

Карагашский язык представляет значительный интерес для исследователей, его данные могут быть использованы при создании сравнительно-исторической фонетики, грамматики и лексикологии ногайского языка.

Х. ДАНИЯРОВ

РОЛЬ КЫПЧАКСКИХ ДИАЛЕКТОВ В РАЗВИТИИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ УЗБЕКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Узбекский язык выделяется среди других тюркских языков своей многодиалектностью, что объясняется сложными историческими условиями его формирования. По словам Е. Д. Поливанова, «Узбекский язык (как целое, т. е. как совокупность узбекских диалектов) создан путем объединения языковых систем, а не путем диалектологического дробления единой системы: узбекского праязыка, как такового, никогда, следовательно, не существовало»¹. Узбекский национальный язык образовался из следующих трех самостоятельных диалектов:

а) карлуко-чигильского или средне-узбекского;

б) кыпчакского или собственно-узбекского (термин Е. Д. Поливанова);

в) огузского² или южно-хорезмского.

Многие ученые до недавнего времени справедливо называли эти диалекты отдельными наречиями. По существу каждый из них действительно представлял собой крупную языковую единицу и имел присущие только ему фонетические, лексико-грамматические и стилистические особенности.

Кроме того, в отличие от других тюркских народов, узбеки сохраняли и сохраняют самые тесные контакты с таджиками, что тоже нашло свое отражение в языке. Поэтому вполне закономерно, что наряду с кыпчакскими и огузскими диалектами узбекский язык включает и диалекты с системой вокализма, присущей таджикскому языку, а также и говоры с сингармоническим строем. Как уже отмечалось, каждый из диалектов узбекского языка имеет свои специфические фонетические, лексические и грамматические особенности³.

Как свидетельствуют литературные источники, кыпчакские (джекающие) диалекты узбекского языка играли большую роль в развитии и обогащении узбекского литературного языка, а также его стилистики. Особенно возросла роль кыпчакских диалектов в советский период. Приведем факты.

1. В современном узбекском литературном языке существуют две параллельные формы сравнительной степени наречий: с аффиксами *-дай* и *-дек*. Аффикс *-дек* воспринят литературным языком из городских

¹ Е. Д. Поливанов. Говор кишлака Кият-Конград Шаватского района (в Хорезме). — УзНИИКС, Сборник научных трудов, 1, вып. 2. Ташкент, 1934.

² Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933.

³ Смотрите об этом ниже.

говоров, в которых он бытует еще и в вариантах *-дак/-доқ*, *-даг/-доғ* и т. д., а аффикс *-дай* восходит к кыпчакским диалектам, где он выступает в двух вариантах: *-дй* и *-дай*. В литературном языке аффикс *-дай* более употребителен, нежели *-дек*. Следует отметить, что в языке эти синонимичные аффиксы функционально разграничиваются. Так, например, в словах *шундай* 'так' и *шундай қилиб* 'таким образом' всегда используется *-дай*, в форме же родительного падежа местоимение *шу* сочетается только с аффиксом *-дек*: *шунидек* 'подобно тому'.

Таким образом, *-дай* и *-дек* сосуществуют в литературном языке только как морфологические варианты, но не как грамматико-стилистические синонимы. Следует отметить, что в художественной литературе аффикс *-дай* также употребляется чаще, нежели *-дек*. Это наглядно подтверждают произведения таких известных узбекских писателей, как Г. Гулям, Хамид Алимджан, Айбек, Абдулла Каххар, Абдулла Кадыри, Ш. Рашидов, Миртемир, Хамид Гулям, Аскад Мухтар, Мирмухсин, Примкул Кадыров, Тура Сулейман, Суннатулла Анарбаев и др. В романе Аскада Мухтара «Опа-сингиллар», согласно подсчетам доцента У. Насырова, аффикс *-дек* по сравнению с *-дай* употреблен в пять раз реже. То же наблюдается и в романе «Навои» Айбека и в рассказах Хамида Гуляма. Это свидетельствует о том, что в литературных произведениях некоторые кыпчакские стилистические формы превалируют над формами городских говоров и, следовательно, более соответствуют нормам литературного языка.

2. Из трех форм имени действия на *-моқ*, *-в(-ув)* и *-ш(-иш)* только форма с аффиксом *-моқ* вошла в литературный язык из городских говоров, остальные же две — восходят к кыпчакским говорам. В литературном языке все три формы одинаково употребительны. Но так как первоначально в разных диалектах и наречиях они выполняли одну и ту же функцию и были почти адекватными, их параллельное сосуществование в языке неизбежно должно было привести либо к утверждению одной из этих форм, либо к их семантико-стилистической дифференциации.

За последние 40—50 лет указанные аффиксы начали функционально дифференцироваться. Так, например, форма глагола с аффиксом *-моқ* большей частью имеет значение инфинитива, а формы с аффиксами *-в(-ув)* и *-ш(-иш)* функционируют как имена действия и отглагольные имена. Главное состоит в том, что, сосуществуя в языке параллельно, эти аффиксы обогащают грамматико-стилистическую систему узбекского литературного языка.

Так, например, в фразеологическом сочетании *бориш-келиш-қилмоқ* 'часто посещать друг друга' (букв.: 'делать хождение-прихождение') парное имя действия *бориш-келиш* употребляется только в форме *-ш (-иш)*; форму *бориш-келиш* нельзя заменить формами *бормоқ-келмоқ*, *борув-келув*, так как будет нарушена грамматико-стилистическая система современного узбекского литературного языка. Невозможна и взаимозаменяемость следующих форм: *ҳайдамоқ* 'пахать', *ҳайдаш керак* 'следует (нужно) пахать', *ҳайдов бермоқ керак* 'нужно пахать, как следует'. В данном случае каждая форма имеет особый семантический нюанс.

Отметим, что, в отличие от других, глагольные формы с аффиксом *-в(-ув)* более подвержены семантическому развитию с последующим полным переходом в разряд существительных. Так возникли, например, существительные *ҳайдов* 'гон', 'пахота', *кечув* (синоним *кечик*) 'брод', 'переправа', *оқлов* 'побелка стен', *қишлов* 'зимовка' и т. д.⁴ Интересно,

⁴ Об этом смотрите также: «Ўзбек тили грамматикаси», т. I. Морфология. Тошмент, 1975, стр. 258.

что слово *қишлоқ*, обозначающее «село», «селение» в городских говорах, и слово *қишлоғ* с тем же значением в кыпчакских диалектах параллельно сосуществуют в литературном языке, но значение их здесь дифференцировано; *қишлоқ* — это «село», «селение», «деревня», то есть «сельский населенный пункт», тогда как слово *қишлоғ* — только «зимовка», причем чаще «зимовка скота» (*чорва қишлоғи*). Один лишь факт употребления аффикса *-ғ(-уғ)* в узбекском литературном языке ярко свидетельствует о том, как много внесли кыпчакские диалекты в развитие и совершенствование стилистической системы современного узбекского литературного языка. И в советский период кыпчакские диалекты продолжают оставаться неиссякаемым резервом его семантической дифференциации и стилистического обогащения узбекского литературного языка.

3. В кыпчакских диалектах часто встречается отрицательная форма имени действия с аффиксом *-мағ/-мағ* вместо письменно-литературного аффикса *-маслик* и *-маган*. На первый взгляд, форма с первым аффиксом кажется очень далекой от литературной, однако в действительности она, хотя и редко, встречается в застывшем виде в литературном языке и обогащает его стилистическую систему. Например: *англашил-мағчилиқ юз берди или хоҳламовчилар кетиши мумкин*. Положительные формы этого аффикса, такие, как в словах *борувчи, келувчи, ҳайдовчи* и другие, получили широкое распространение, и в целом аффикс *-ғ(-уғ)* является одним из самых продуктивных словообразующих (формообразующих) аффиксов современного узбекского литературного языка, хотя он лишь совсем недавно (в советский период) усвоен литературным языком из кыпчакских диалектов.

4. Интересный процесс наблюдается и в употреблении глаголов настоящего времени с аффиксом *-япти, -ётир* и *-моқда* (первая форма из андижанско-ферганских говоров, а две последние — из кыпчакских диалектов). Некогда эти формы тоже сосуществовали в литературном языке, но затем их функции в какой-то мере дифференцировались: форма на *-япти* наряду с общим значением настоящего времени приобрела значение настоящего времени данного момента: *-келяпти* 'он идет', *сенга гапиряпман* 'тебе говорю' (то есть действия происходят в момент речи); форма на *-ётир* указывает на несколько большую протяженность действия: *узоқдан келаётир* 'идет издалека', *бу ҳодиса кўп вақтдан бери давом этиб келаётир* 'это продолжается давно'; форма на *-моқда* употребляется для обозначения более продолжительного действия или периода времени: *пахта топишириш давом этмоқда* 'сдача хлопка продолжается', *суръат кундан-кунга ошиб бормоқда* 'темп увеличивается день за днем'. Следует, однако, отметить, что дифференциация этих форм настоящего-продолжительного времени полностью еще не завершилась: в письменно-литературном языке и в печати они продолжают существовать параллельно и могут заменять друг друга. Тем не менее семантические оттенки каждой из этих форм определяют их место в стилистической системе узбекского литературного языка, способствуя ее развитию.

5. Основную часть стилистических средств литературного языка составляют лексико-фразеологические единицы кыпчакских диалектов. Как убедительно показывают лингвистические материалы, фонетические и грамматические элементы кыпчакских диалектов играют большую роль в стилистическом обогащении современного узбекского литературного языка. Еще значительнее роль кыпчакских диалектов в лексическом и фразеологическом обогащении литературного языка.

В узбекском литературном языке сосуществуют три фразеологизма, в которых второй компонент *очиқ* 'открытый', а первый выражен сло-

вами-синонимами со значением «лицо человека»: 1) *юзи очик*, 2) *бети очик*, 3) *чеҳраси очик* (букв.: 'открытое лицо' или 'человек с открытым лицом'). Общие по значению, они различаются стилистически. Например, *юзи очик* в большинстве случаев стилистически нейтрально, а *бети очик* обозначает явно отрицательное отношение говорящего к другому человеку («бесстыдный»), *чеҳраси очик*, напротив, выражает симпатию говорящего к тому или иному человеку («приятный», «симпатичный»).

6. В современном узбекском литературном языке употребляются три слова-синонима для обозначения отца: а) *ота*, б) *дада*, в) *ада*. Как мы полагаем, каждое из них проникло в литературный язык из разных диалектов и говоров. Так, например, *ота* некогда бытовало во многих диалектах и говорах, в том числе и в кыпчакских. Поэтому сейчас в литературном языке это слово играет доминирующую роль. Одновременно в литературном языке употребляется и слово *дада*, воспринятое из городских говоров. Это слово часто используется со стилистическим оттенком обращения к отцу. Употребительно и слово *ада*, привнесенное из ташкентского городского говора. Это слово все больше и больше приобретает стилистический оттенок ласкового обращения к отцу или же детского названия отца. Все это свидетельствует о том, что диалектологические источники являются неиссякаемым резервом обогащения литературного языка и развития его стилистической системы.

7. В узбекском языке существует несколько форм приветствий: *ассалому алайкум*, *салом алайкум*, *ассалом*, *салом*, *келинг*, *ҳорманг*. Первые четыре формы являются вариантами одного приветствия, арабского по происхождению, однако каждая из них привносит свой стилистический оттенок. Так, *ассалому алайкум* имеет религиозно-культовую окраску, и ей присущ оттенок почтительности. Это полная форма приветствия, с которым обращаются обычно к старикам; *салом алайкум* — обычное приветствие, нейтральное по стилистической окраске, с некоторым оттенком уважения; *ассалом* — усеченная форма общего приветствия; некогда с таким приветствием обращались женщины-горожанки окрестностей г. Самарканда к мужчинам (коран не разрешал женщинам здороваться с мужчинами по полной форме). В настоящее время *салом* — общее приветствие и вместе с тем оно носит оттенок делового стиля; так, например, приветствуют преподаватели студентов, офицеры солдат, учителя учеников и т. д.

Таким образом, даже обычное приветствие с его вариантами может служить прекрасным материалом для расширения стилистических возможностей, а следовательно, и художественной выразительности литературного языка, что особенно ярко проявляется при индивидуализации речи и характера героя литературного произведения.

Интересные семантико-стилистические изменения претерпела и продолжает претерпевать в наше время форма приветствия *келинг*, проникающая в литературный язык из речи женщин — носительниц кыпчакских диалектов. Первоначально *келинг* употреблялось как приветствие женщин, обращенное к мужчинам: *келинг* (букв.: 'приходите') означает «пожалуйста», «добро пожаловать».

Сейчас эта форма приветствия часто употребляется не только женщинами, но и мужчинами. После обычного приветствия при настойчивом приглашении часто говорят: *келинг* вместо общелитературных форм *марҳамат* или *марҳамат қилинг*, употребительных в городских говорах и заимствованных из арабского языка.

Такую же новую стилистическую окраску приобретает форма *ҳорманг* (букв.: 'не уставать вам'), употребляемая после обычного приветствия и привносящая оттенок доброго пожелания: не чувствовать усталости во время работы на поле или у станка.

8. В литературный язык из кыпчакских диалектов проникло довольно много лексико-фразеологических сочетаний, обусловленных родом занятий основного населения — животноводством, хлопководством, возделыванием зерновых культур. В современном литературном языке (особенно в периодической печати) часто встречаются такие устойчивые словосочетания, связанные с животноводством или с конными состязаниями, как *отни қамчиламоқ, отга қамчи босмоқ, улоқни олиб чиқмоқ, соврунни эгалламоқ, маррага етмоқ, қаралаб бормоқ, бостириб ўтмоқ, ўзиб кетмоқ, жиловни бўш қўймоқ, чилвирни бўшатмоқ, қаторда норинг бўлса, юкинг ерда қолмайди, тушов бўлмоқ* и др.

9. Как уже отмечалось, кыпчакские (джекающие) диалекты узбекского языка сохранили шесть падежей со всеми их показателями, тогда как в городских говорах родительный и винительный падежи часто не дифференцируются и имеют один аффикс (винительного падежа). В литературном языке существует шестипадежная система склонения, и есть все основания полагать, что эта грамматическая норма обусловлена воздействием падежной системы кыпчакских диалектов, чем и объясняется четкое различие в литературном языке оттенков значений падежей и их грамматические функции.

В связи с этим уместно вспомнить о возникшей в современном литературном языке неоправданной стилистической тенденции: часто на страницах периодической печати и различных научных изданий можно заметить отсутствие показателя родительного падежа. Иногда такая практика приводит к серьезным стилистическим погрешностям. Так, например, издательством Академии наук Узбекской ССР в 1961 — 1962 годах опубликованы два тома очерков истории узбекской советской литературы под названием: «Ўзбек совет адабиёти тарихи очерки». Показатель родительного падежа здесь опущен в двух случаях: в словах *адабиёти* и *тарихи*. В результате это сочетание звучит непривычно, чтобы не сказать неправильно. Литературная норма требует, чтобы слово *тарихи* сохраняло показатель родительного падежа.

То же самое можно видеть и в названии книги «Ўзбек адабиёти тарихи масалалари» (изд. «Фан», 1976 год).

Названия таких книг, как «Тошкент области ўзбек шевалари» (изд. «Фан», 1976 год), «Ўзбек тили грамматикаси» (изд. АН Узбекской ССР, 1975 год), — наглядный пример небрежности стиля, все чаще встречающейся в языковедческих трудах и в периодической печати последних лет.

Нам кажется, что лингвистам республики пора начать серьезный разговор о стилистических нормах литературного языка и привлечь к участию в обсуждении этого вопроса журналистов и работников издательств.

Проблема нормализации узбекского литературного языка нам представляется весьма важной и актуальной.

В кыпчакских диалектах, как и в староузбекском литературном языке, в силу действия закона сингармонизма, все аффиксы парные (например: *-лар/-ләр, -га/-гә, -қа/-қә, -ған/-гән, -лык/-лик* и др.), однако в современном узбекском письменно-литературном языке, как и в некоторых городских говорах, утвердились в основном переднеязычные варианты аффиксов. Например: *-ләр, -гән, -гә, -қә* (редко *-қа*), *-лик* (редко *-лык*). Преобладание передневариантных аффиксов, по нашему мнению, чревато возникновением диспропорции в развитии или совершенствовании отдельных грамматических форм языка. Чтобы предупредить эту наметившуюся в языке тенденцию, необходимо внести коррективы в существующую орфографию современного литературного языка,

уточняя и совершенствуя ее на основе материалов кыпчакских диалектов, в которых до сих пор сохранилось четкое различие всех грамматических форм и их вариантов.

Отметим, однако, что в отдельных случаях опускание аффикса родительного падежа не влечет за собой искажения смысла предложения, и тогда оно может быть оправдано, так как это часто облегчает предложение. Например: *Шарқ юлдузи, Совет мактаби, ҳалқ ижоди, Совет қурилиши* и т. д. Тем не менее следует соблюдать меру и не злоупотреблять такой возможностью, в противном случае могут возникнуть и такие курьезы, как, например: *Ленин номли колхоз колхозчиси, Коммунизм колхози сувчиси, Совет спортчилари зафари, Жаҳон газеталари саҳифаларида, ...Махсус мухбири, СССР фанлар академияси Ер физикаси институти катта илмий ходими* и т. д. (Все приведенные примеры, кроме первого, взяты нами только из одного номера газеты). Эти примеры — яркая иллюстрация того факта, что пренебрежение грамматической формой приводит к отсутствию связи слов в предложении и затемнению смысла.

Работая над совершенствованием литературного языка, филологи и литературоведы должны всегда помнить, что язык — достояние народа, он создается народом и требует бережного отношения. В свое время В. Г. Белинский писал: «Создать язык невозможно, ибо его творит народ; филологи только открывают его законы и приводят их в систему, а писатели только творят на немсообразно с сими законами»⁵.

Кыпчакские диалекты сыграли важную роль в развитии стилистической системы узбекского литературного языка и в настоящее время они продолжают оставаться неисчерпаемым резервом лексических и особенно стилистических средств его обогащения и совершенствования, а также незаменимым источником для изучения основных законов языка.

⁵ В. Г. Белинский. Литературные мечтания. — «Сочинения», т. I. М., 1953, стр. 44.

А. МЕМЕТОВ

ОБ ОМОНИМИИ В КРЫМСКО-ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

К числу малоизученных вопросов крымско-татарского языка относится и проблема омонимии.

Настоящая статья представляет собой попытку выявить пути возникновения омонимов в крымско-татарском языке, проанализировать омонимичные ряды как по морфологическому составу, так и по частям речи.

Изучение омонимии имеет, как известно, большое теоретическое и практическое значение для решения ряда вопросов исторической лексикологии, лексикографии, семасиологии, фонетики, грамматики и стилистики.

Проблеме омонимии в различных языках посвящены фундаментальные исследования и статьи отечественных и зарубежных ученых¹.

Из тюркологов проблемой омонимии занимались Ф. Камол, С. Муталибов, К. Аханов, Я. Д. Пинхасов, С. А. Джафаров, С. Усманов, Б. М. Юнусалиев, М. Миртаджиев, М. А. Джурабаева² и др.

Омонимами (в широком смысле) обычно называют одинаково звучащие слова, совпадающие по звуковому составу во всех (или в неко-

¹ См.: Л. А. Булаховский. Из жизни омонимов. — Сб. «Русская речь», новая серия, III. Л., 1928; В. В. Виноградов. О грамматической омонимии в современном русском языке. — «Русский язык в школе», 1940, № 1; А. И. Смирницкий. Некоторые замечания по английской омонимике. — «Иностранные языки в школе», 1948, № 5; Е. М. Галкина-Федорук. К вопросу об омонимах в русском языке. — «Русский язык в школе», 1954, № 3; Е. И. Шендельс. О грамматической омонимии (на материале немецкого языка). — «Иностранные языки в школе», 1955, № 6; О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957; В. П. Григорьев. Обсуждение проблемы омонимии. — «Вопросы языкознания», 1958, № 2; В. В. Виноградов. Об омонимии и смежных явлениях. — «Вопросы языкознания»; 1960, № 5; S. Karcevski. Système du verbe russe. Prague, 1927; S. Ullmann. Précis sémantique française. Paris, 1952 и др.

² См.: Ф. Камол. Ўзбек тили лексикаси. Тошкент, 1953; С. Муталибов. Омоним ва полисемия сўзлар. — Журн. «Совет мактаби». Тошкент, 1954, № 9; К. Аханов. Омонимы в казахском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1956; Я. Д. Пинхасов. Хозирги замон узбек тилида омонимик ве синонимик аффиксларга доир. — «Доклады научно-теоретической конференции Бухарского ГПИ». Бухара, 1957; С. А. Джафаров. Мўасир Азәрбајҹан дилинин лексикасы. Бақы, 1958; С. Усманов. Хозирги замон узбек адабий тилида омонимлар ва синонимлар. — В сб.: «Ученые записки Ташкентского ГПИ им. Низами», вып. XII. Тошкент, 1959; Б. М. Юнусалиев. Развитие корневых слов в киргизском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1953; М. Миртаджиев. Возникновение лексических омонимов в узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1964; М. А. Джурабаева. Аффиксальная омонимия в узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1975.

торых) грамматических формах, но имеющие совершенно различные значения³.

Академик В. В. Виноградов в работе «Об омонимии и смежных явлениях» предлагает уточнить определение омонимов и тем самым отграничить их от ряда смежных явлений. С этой целью В. В. Виноградов уточняет приведенную выше формулировку и считает омонимами слова, «разные по своей семантической структуре, а иногда и по морфологическому составу, но тождественные по звуковому строю во всех своих формах»⁴. В данном определении омонима заложено четкое разграничение омонимии от омоформии и омофонии.

Прежде чем приступить к анализу омонимов и к выявлению путей их возникновения в крымско-татарском языке, необходимо разграничить понятия омонимии и полисемии. Это крайне сложно, ибо оба явления тесно связаны между собой: часть омонимов образовалась в результате распада былой полисемии слов. На эту связь указывает и то обстоятельство, что внутри предложенный омонимы и многозначные слова «по своим внешним признакам и способу выражения»⁵ весьма сходны между собой.

Однако явления омонимии и полисемии имеют и существенные различия. Основные из них сводятся к следующим⁶.

1. Между различными значениями полисемантического слова прослеживается семантическая связь, заключающаяся в том, что все эти значения группируются вокруг единого смыслового стержня. Так, например, в современном крымско-татарском языке слово *ер* полисемантически и имеет следующие значения (семемы): *Ер* (1) 'земля, поверхность нашей планеты'; *Ер* (2) 'почва, пригодная для посева'; *Ер* (3) 'место, пункт, где происходит какое-либо событие'; *Ер* (4) 'Земля, планета, вращающаяся вокруг Солнца' и т. д. Нетрудно видеть семантическую связь между всеми этими значениями и выделить смысловой инвариант.

В то же время сопоставление значений омонимичных слов говорит об отсутствии смысловой связи между ними. Например, *дагъ* 'гора' и *дагъ* 'лес', *аят* 'жизнь' и *аят* 'сени'. Между первым и вторым значениями слов *дагъ* и *аят* в настоящее время смысловая связь отсутствует, это — омонимы.

2. Наличие у сопоставляемых омонимов различных собственных синонимов также может служить одним из признаков разграничения омонимичных слов. Если синонимы омонимичных слов значительно отдалены по значению, то это случай ярко выраженной омонимии, и, наоборот, если между этими синонимами существует определенная смысловая близость, то здесь говорить об омонимии было бы преждевременным. Так, например, в крымско-татарском языке имеются три слова *бет*: *бет* 'лицо', *бет* 'страница' и *бет* 'сторона'. В значении «лицо» синонимами *бет* являются слова *юз*, *чере*, *бенъиз*, в значении «страница» синонимом *бет* будет слово *саифе*, а в значении «сторона» — *тараф*.

При сопоставлении слов *юз*, *чере*, *бенъиз*, с одной стороны, и слов *саифе* и *тараф* — с другой, выясняется, что они выражают совершенно

³ Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959, стр. 158; Л. А. Булаховский. Введение в языкознание, ч. II. М., 1953, стр. 46; А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1960, стр. 60; М. Мирзаев, С. Усмонов, И. Расулов. Узбек тили. Тошкент, 1970, стр. 27.

⁴ В. В. Виноградов. Исследования по русской грамматике. — «Избранные труды». М., 1975, стр. 299.

⁵ С. А. Джафаров. Лексика современного азербайджанского языка. Баку, 1958, стр. 31.

⁶ При разграничении омонимов и многозначных слов нами частично использованы рекомендации работы: А. М. Курбанов. Современный азербайджанский литературный язык. Баку, 1968.

разные понятия, и, следовательно, звуковой комплекс *бет* является омонимом.

3. Наличие у сопоставляемых значений слов различных антонимов также свидетельствует об омонимичности этих слов. В отличие от полисемантических слов к омонимичным словам можно подобрать различные антонимы. Например, слово *сагъ* 'живой' и *сагъ* 'правый'. Антонимом *сагъ* в значении «живой» будет слово *олю* 'мертвый', а в значении «правый» — слово *сол* 'левый'. Между семантикой антонимов *олю* и *сол*, образованных от различных значений слова *сагъ* ('живой' и 'правый'), нет ничего общего. Следовательно, *сагъ* является омонимом.

4. Наиболее ярко выраженным разграничительным признаком полисемантических слов и омонимов являются различные словообразовательные возможности слов с тождественным звуковым составом.

Полисемантические слова могут служить базой для образования новых слов только в одном своем основном значении. Например, полисемантическое слово *козь* имеет значения: 1. глаз (*адамнынъ козю* 'глаз человека'), 2. ушко (*иненинъ козю* 'ушко иголки'), 3. глазок (*юзюкнинъ козю* 'глазок перстня'). Однако образовать новые слова из всех значений этого слова нельзя. В данном случае новые слова образуются лишь на базе основного значения «глаз человека»: *козь+люк* 'очки', *козь+люк+ли* 'человек, носящий очки', *козь+люк+чи* 'человек, занимающийся изготовлением и ремонтом очков', *козь+люк+чи+лик* 'профессия людей, занимающихся изготовлением и ремонтом очков' и т. п.

Иначе обстоит дело с омонимами. Здесь каждое слово с тождественным звуковым составом может служить базой для образования новых слов с разными значениями. Например, *багъ* 'связь' и *багъ* 'виноградник'. От слова *багъ* в значении «связь» образованы новые слова: *багъ+лы* 'завязанный, привязанный', *багъ+ла+макъ* 'завязать, привязать' и т. п., а от слова *багъ* в значении «виноградник» образованы слова: *багъ+ча* 'сад', *багъ+чеван* 'садовник', *багъ+ча+джы+лыкъ* 'садоводство' и др.

Рамки настоящей статьи не позволяют подробно останавливаться на других критериях разграничения явлений полисемии и омонимии. Они будут специально рассмотрены нами в другой работе.

Омонимы (в широком смысле слова) в соответствии с семантическими, фонетическими и грамматическими особенностями слов обычно делятся на две группы: 1) полные омонимы, 2) неполные омонимы.

Полные омонимы⁷ — это лексические единицы, имеющие разные значения при одинаковом графическом изображении и совпадающие по звуковому составу во всех своих грамматических формах⁸. Следовательно, это слова одного и того же грамматического класса.

Полные омонимы в крымско-татарском языке чаще всего встречаются среди имен существительных и глаголов. Например: *аят* 'жизнь' и *аят* 'сени'; *ава* 'погода' и *ава* 'мелодия', 'музыка'; *бет* 'лицо', *бет* 'страница' и *бет* 'сторона'; *кунь* 'день' и *кунь* 'солнце'; *дагъ* 'лес' и *дагъ* 'гора'; *топ* 'группа', *топ* 'пушка' и *топ* 'мяч'; *чекмек* 'тянуть', *чекмек* 'взвешивать' и *чекмек* 'молоть (кофе)'; *чалмакъ* 'косить (траву)', *чалмакъ* 'играть (на каком-либо инструменте)' *чалмакъ* 'украсть' и *чалмакъ* 'заварить (кофе)' и др.

Неполные омонимы традиционно делятся на три группы: 1) омоформы (грамматические омонимы), 2) омофоны, 3) омографы.

⁷ Е. М. Галкина-Федорук употребляет термин «лексические омонимы». — См.: Е. М. Галкина-Федорук. Современный русский язык. Лексика. М., 1954, стр. 58.

⁸ См. об этом: В. В. Виноградов. Об омонимии и смежных явлениях, стр. 290; С. Усманов. Указ. раб., стр. 40.

1. **Омоформы** — это слова, у которых фонетическая структура одних форм совпадает, а других — расходится. Следовательно, одно из таких слов выступает как омоним по отношению к отдельной форме или отдельным формам другого слова⁹. Омоформы в крымско-татарском языке встречаются как в пределах одной и той же части речи, так и среди слов, принадлежащих к разным частям речи. Например: *бар* 'есть, имеется' (гл.) и *бар* 'пойди' (повелительная форма глагола *бармакъ*, II лицо единственного числа), *яз* 'лето' (имя существительное) и *яз* 'пиши' (повелительная форма глагола *язмакъ*, II лицо единственного числа), *ат* 'лошадь' (имя существительное) и *ат* 'брось' (повелительная форма глагола *атмакъ*, II лицо единственного числа), *кзой* 'овца' (имя существительное) и *кзой* 'положи' (повелительная форма глагола *кзоймакъ*, II лицо единственного числа), *сой* 'родня' (имя существительное) и *сой* 'зарежь' (повелительная форма глагола *соймакъ*, II лицо единственного числа), *чал* 'седой' (имя прилагательное) и *чал* 'коси' (повелительная форма глагола *чалмакъ*, II лицо единственного числа).

Приведенные выше слова полностью расходятся в других своих формах. (Ср.: *яз*, *язда*, *язгъа* и *язмакъ*, *язам*, *яздым*; *атлар*, *аткъа*, *атны*, *атнынъ* и *атмакъ*, *аттым*, *аттыкъ*; *кзойнынъ*, *кзойгъа*, *кзойдан* и *кзоймакъ*, *кзойды*, *кзойдыкъ* и т. д.).

Больше всего омоформ в крымско-татарском языке встречается у имен существительных и глаголов.

2. **Омофоны** — это одинаково произносимые слова и формы слов, имеющие при этом различные значения и разное графическое изображение. В отличие от полных омонимов и омоформ омофоны характеризуются наличием в них звуков, близких по произношению в определенных фонетических условиях. Так, например, современному крымско-татарскому языку несвойственно «полное» произношение звонких согласных в конце слов. В этой позиции звонкие оглушаются и приближаются к соответствующим своим глухим парам. (Ср. произношение *ад* 'имя' и *ат* 'лошадь', *аз* 'мало' и *ас* 'повесь', *яд* 'память', *ят* 'чужеземец' и *ят* 'ложись', *удж* 'конец' и *уч* 'лети').

В разговорной речи послелог *берли* 'в течение', 'в продолжение' в результате регрессивной ассимиляции совпадает в произношении с прилагательным *белли* 'известный', 'знаменитый' и тем самым эти слова создают омофонию.

3. **Омографы** — это слова и формы слов, имеющие разные значения, при одинаковом графическом изображении и с незначительными расхождениями в произношении, возникающими в результате различных причин:

а) вследствие того, что артикуляционно неустойчивая фонема *и*, реализуемая в двух равноправных вариантах (*и* полного образования и редуцированный *i*), в современной крымско-татарской орфографии изображается одной буквой *и*. Сравните: *кир* 'грязь' и *кiр* 'входи' (пишется *кир*); *сирке* 'уксус' и *сiрке* 'гнида' (пишется *сирке*)¹⁰;

б) в результате падения ударения на разные слоги слова. Как известно, ударение в тюркских языках — фиксируемое, и в подавляющем большинстве слов тюркского корня оно закреплено на последнем слоге. Однако это правило сопровождается целым рядом исключений. К числу исключений относится и выполнение ударением функций семантико-

⁹ Академик В. В. Виноградов употребляет термин «частичная лексическая омония». См.: В. В. Виноградов. Об омонимии и смежных явлениях, стр. 307.

¹⁰ Э. В. Севортян. Крымско-татарский язык. — «Языки народов СССР», т. 2. М., 1966, стр. 235—236.

грамматической дифференциации слов¹¹: *алма* 'яблоко' и *алма* 'не бери', *кѳазма* 'кирка' и *кѳазма* 'не копай', *язма* 'напиток (кислое молоко, разбавленное водой)' и *язма* 'не пиши', *кельме* 'пришелец, пришедший' и *кельме* 'не приходи' и др. Такой перенос ударения на первый слог А. Рустамов называет «эмфатической депласацией ударения»¹².

Омонимия в крымско-татарском языке развивалась следующими путями:

1. Преобладающая часть омонимов и омоформ в крымско-татарском языке образовалась в результате фонетического совпадения этимологически разных языковых единиц. Например: *юз* 'лицо' и *юз* 'сто (числительное)', *бет* 'сторона' и *бет* 'лицо', *яш* 'год' и *яш* 'слеза', *куль* 'зола' и *куль* 'смейся', *бакѳа* 'лягушка' и *бакѳа* 'смотрит', *яз* 'лето' и *яз* 'пиши', *ат* 'лошадь' и *ат* 'брось', 'стреляй' и др.

2. Небольшая часть омонимов и омоформ в крымско-татарском языке возникла вследствие совпадения звукового состава заимствований с исконными словами. Например:

а) заимствованные из арабского языка слова *هو* 'воздух', 'климат', 'погода', *حال* 'состояние', 'здоровье', *حق* 'пай', 'доля' подверглись фонетическим изменениям и совпали в произношении со словами *ава* 'музыка', 'мелодия', *ал* 'возьми' (повелительная форма глагола *алмакѳ*), *акѳ* 'белый';

б) персидские заимствования *هيچ* 'никто', 'ничто', *يار* 'любимый', 'возлюбленный', *اگر* 'если', *هر* 'каждый', 'всякий' также подверглись фонетическому переоформлению и совпали по звучанию со словами *ич* 'нутро', 'пей', *яр* 'обрыв', 'скала', *эгер* 'седло', *эр* 'мужчина'¹³;

в) заимствованные через русский язык слова *кий* (биллиардный), *кѳокѳла* (кукла) тождественны по произношению крымско-татарским словам *кий* 'одень', *кѳокѳла* 'нюхай'.

3. В процессе исторического развития языка некоторые слова подверглись фонетическим изменениям и совпали по своему звучанию. Так, например, архаичной формой слова *биз* 'шило' является форма *bigiz*, сохранившаяся в южных говорах казахского, а также в узбекском (*бигиз*) и уйгурском (*бегиз*) языках. В процессе развития языка согласный *г* между гласными выпал, и это слово совпало по звучанию с местоимением *биз* 'мы'.

Общетюркское слово *буѳ* 'пар' в разговорной речи из-за выпадения конечного *ѳ* совпало в произношении с указательным местоимением *бу* 'этот'. Слово *буѳ* 'пар' в первоначальной форме, то есть с заднеязычным звуком *ѳ*, сохранилось в узбекском и в некоторых других тюркских языках. В крымско-татарском языке, так же как и в казахском¹⁴, конечное *ѳ* в этом слове выпало.

4. Небольшая группа омонимов в крымско-татарском языке обязана своим происхождением семантическому распаду одной лексемы на несколько омонимических единиц. Семантическое развитие слов обычно ведет к полисемии, однако в тех случаях, когда связи между значениями

¹¹ Подробнее об этом см.: А. Ф. Фуломов. Ўзбек тилида ургу. Тошкент, 1947, стр. 10—18; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 56.

¹² См.: А. Рустамов. Тезисы докладов VI научной конференции профессорско-преподавательского состава Республиканского педагогического института русского языка и литературы. Ташкент, 1969, стр. 44.

¹³ Подробнее об этом см.: А. Меметов. Персидские заимствования в современном крымско-татарском языке. Канд. дисс. (Рукопись). Ташкент, 1974, стр. 74—78.

¹⁴ См.: К. Аханов. Омонимы в казахском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1966, стр. 8.

полисемантического слова полностью разрушаются и отдельные значения становятся самостоятельными лексемами, образуются омонимы. Примером омонимов, возникших вследствие дальнейшего развития и полного разрыва между значениями одного и того же полисемантического слова, могут служить слова: *ай* 'Луна (планета)' и *ай* 'месяц (30 — 31 день)', *кунь* 'Солнце' и *кунь* 'день', *кок* 'небо' и *кок* 'серый', 'голубой' и др.

5. Омонимы и омоформы возникают также в процессе образования новых слов и форм на базе внутренних ресурсов языка. Здесь в основном имеется в виду наличие в языке омоаффиксов (омонимичных аффиксов). Омоаффикс *-лыкъ*, присоединяясь к слову *ай* 'месяц', образует в одном случае существительное *ай+лыкъ* 'зарплата', в другом — имя прилагательное *ай+лыкъ* 'месячный (план)'. Омоаффикс *-м* выполняет функции:

1) аффикса принадлежности — *оджа+м* 'мой учитель', 2) аффикса сказуемости — *оджа+м* 'я учитель'. Точно так же и омонимичный аффикс *-им* выполняет функции как аффикса принадлежности — *студент+им* 'мой студент', так и аффикса сказуемости — *студент+им* 'я студент'.

Наличие многовариантности аффиксов в крымско-татарском языке иногда приводит к образованию омоформ. Например, слова *тери* 'кожа' и *тер* 'пот' в основной своей форме (в именительном падеже единственного числа) омонимичной пары не образуют. Однако после присоединения к этим словам вариантов аффикса принадлежности I лица единственного числа образуются омоформы *тери+м* 'моя кожа' и *тер+им* 'мой пот'.

6. К возникновению омоформ в языке приводит и переход слов из одной части речи в другую (конверсия). В крымско-татарском языке широко распространены случаи субстантивации глаголов. Например: *келир* 'он придет' (глагол будущего времени, III лица единственного числа) и *келир* 'прибыль', 'доход' (имя существительное), *кириш* 'вмешайся' (повелительная форма глагола II лица единственного числа) и *кириш* 'вход', 'поступление' (имя существительное), *ильмек* 'вешать' (глагол) и *ильмек* 'петелька' (имя существительное).

Изредка встречаются случаи субстантивации прилагательных и адвербиализации числительных: *чал* 'седой' (прилагательное) и *чал* 'старик' (имя существительное), *беш* 'пять' (имя числительное) и *беш* 'хорошо', 'отлично' (наречие) и некоторые другие.

Омонимы в крымско-татарском языке по морфологической структуре бывают: а) непроеизводные и б) производные.

К непроеизводным омонимам относятся *бет*, *сагъ*, *аят*, *дагъ* и др. Они состоят из неразложимых основ.

К производным омонимам относятся *келир*, *кириш*, *айлыкъ*, *терим*, *чапа*, *тилим* и т. д., образующиеся путем присоединения к основам слов различных омоаффиксов.

Явления омонимии в крымско-татарском языке весьма разнообразны. Однако можно выделить типы омонимии в пределах одной и той же или разных частей речи.

В свою очередь, омонимия в пределах одной и той же части речи чаще всего отмечается у имен существительных, глаголов, реже у прилагательных и в единичных случаях — у числительных и местоимений (примеры см. выше).

Наиболее разнообразны случаи частичной омонимии двух разных частей речи. Больше всего фактов омонимических совпадений (омоформ) наблюдается у имен существительных и глаголов. Например: *тюш* 'сон' и *тюш* 'сойди', 'слезь', *чыкъ* 'роса' и *чыкъ* 'выйди', *куль* 'зола' и *куль*

'смейся', *кзаргъа* 'ворона' и *кзаргъа* 'прокляни', *кзой* 'овца' и *кзой* 'положи', *ат* 'лошадь' и *ат* 'брось', *сой* 'родня' и *сой* 'зарезь', *кзокъла* 'кукла' и *кзокъла* 'нюхай', *бакъа* 'лягушка' и *бакъа* 'смотрит', *къаза* 'несчастье' и *къаза* 'копает' и др.

Частичная лексическая омонимия в крымско-татарском языке отмечается также между: а) именами существительными и местоимениями (*биз* 'шило' и *биз* 'мы', *къайсы* 'абрикос' и *къайсы?* 'который?', *анâ* 'мать' и *ана* 'вон там' и т. п.); б) именами существительными и прилагательными (*кучь* 'сила' и *кучь* 'трудный', *кок* 'небо' и *кок* 'серый', 'голубой' и т. п.); в) глаголами и наречиями (*сай* 'считай' и *сай* 'мелко', *аз* 'худей' и *аз* 'мало' и др.); г) прилагательными и наречиями (*темиз* 'чистый' и *тэмиз* 'совсем', *янъы* 'новый' и *янъы* 'только что' и др.).

Смешанный тип омонимии образуется между именами существительными и глаголом (например: *тай* 'тюк', *тай* 'жеребенок' и *тай* 'скользи'); между именами существительными и числительными (*юз* 'лицо', *юз* 'поверхность' и *юз* 'сто'); между именами существительными и прилагательными (*яш* 'год', *яш* 'слеза' и *яш* 'молодой'). Интересны случаи омонимии между тремя частями речи: именем прилагательным, именем существительным и глаголом (*чал* 'седой', *чал* 'старик' и *чал* 'играй', 'коси' и т. п.).

Явление омонимии характерно для многих языков. Значения омонимичных слов раскрываются обычно в контексте и омонимы в языке вовсе не дают повода для возникновения недоразумений как полагают некоторые лингвисты.

В последнее время в крымско-татарском языке наблюдается тенденция фонетического разграничения целого ряда омонимичных слов. Например: *чобан* 'пастух' и *чобан* 'чирей' (сейчас *чыбан* 'чирей'); *чичек* 'цветок' и *чичек* 'оспа (болезнь)' (сейчас *чечек* 'цветок'); *яваш* 'тихо, медленно' и *яваш* 'спокойный, тихий' (сейчас *юваш* 'спокойный, тихий') и др.

В художественной речи при создании каламбуров и разнообразных художественных эффектов омонимы нередко играют главную роль. Яркой иллюстрацией этому может служить небольшое стихотворение Эшрефа Шемьи-заде «Чал, магъа», опубликованное в газете «Ленин Байрагъы» (№ 33 от 18 марта 1967 г.), которое мы позволим себе привести в заключение:

Эгер, — деди, бир кунь кулип, шакъаджы бир чал магъа,
Арзу этсенъ, бойдакълыкъны «шап»! — деп ерге чалмагъа¹.
Бир фидан къыз алып къачып, парасыз той чалмагъа²,
Биринджиде, бильмелисинъ, яр къапысын чалмагъа³.
Яр чыкъмаса, айдамакълар киби ыслыкъ чалмагъа⁴,
Чыкъса, къызны тез-тез баба ювасындан чалмагъа⁵.
Чаламасанъ, бабасына семиз бир кзой чалмагъа⁶,
Аштан сонъ да, джезвенъе пек кескин къаве чалмагъа⁷.
Баба кене сомурданса, ишке аякъ чалмагъа⁸.

¹ Ерге чалмакъ — ерге алып урмакъ 'ударить об землю'.

² Той чалмакъ — той этмек 'справить свадьбу'.

³ Къапы чалмакъ — къапы къакъмакъ 'стучать в дверь'.

⁴ Ыслыкъ чалмакъ — сызгырмакъ 'свистеть'.

⁵ Чалмакъ — хырсызламакъ, алып къачмакъ 'украсть'.

⁶ Кзой чалмакъ — кзой соймакъ 'зарезать барана'.

⁷ Къаве чалмакъ — джезведеки къайнакъ сувгъа къаве кзоймакъ 'заварить кофе'.

⁸ Аякъ чалмакъ — ишке мани олмакъ 'препятствовать, мешать (кому-либо)'.

Душманынъ да, севинчинден, артынъдан ох чалмагъа⁹.
Ал башынъны, кет лячаре, чёльге пичен чалмагъа¹⁰.
Эгер бильсенъ, кеманеми, боразанмы чалмагъа¹¹,
Кель, къардашым, яныгъынъдан, бир авачыкъ чал магъа!

Тщательное исследование омонимии крымско-татарского языка способствует более глубокому изучению истории этого языка, а также выяснению некоторых вопросов, связанных с его семантикой, лексикой и грамматикой.

⁹ Ох чалмакъ — бирисининъ яныгъына севинмек 'радоваться чужому горю'.

¹⁰ Пичен чалмакъ — чалгъынен пичен ормакъ 'косить траву'.

¹¹ Чалмакъ — бирде-бир музыка аleti чалмакъ 'играть на каком-либо музыкальном инструменте'.

Р. Г. АХМЕТЬЯНОВ

ДРЕВНИЕ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ ВОЕННО-ФЕОДАЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ В ТАТАРСКОЙ СВАДЕБНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Свадебная терминология тюркских народов — почти неисследованная область лексики. Она наглядно подтверждает известное положение Л. Я. Штернберга: «Свадебный обряд сохраняет пережитки предшествовавших стадий социального развития и мышления»¹.

Чрезвычайно богата и сравнительно хорошо сохранилась свадебная терминология татар, представляющая большой интерес не только для лингвистов, но и историков, и этнографов². В рамках одной статьи невозможно даже перечислить все словарные единицы, относящиеся к этой тематической рубрике, и нами не ставится задача всестороннего освещения истории приведенных ниже слов. Полагаем, что каждое из них со временем станет предметом специального исследования. Пока же мы попытаемся показать своеобразие татарской свадебной терминологии и привлечь к ней внимание исследователей.

Татарская свадьба начиналась со сватовства. Сват назывался *jawşu*, *dimçi* или *quştan*. В случае успеха сватовства родители жениха и невесты договаривались (*jaraş-*, *käbin küj* от перс. *kābin* 'венó, калым') о сроках (*moçal*, *bülzäl*) и других условиях свадьбы, о размерах калыма (*qalym*, *mähär*) и приданого (*birnä*, *inži*). Затем справлялась «малая свадьба» (*kiçi tuj*) в доме девушки. После малой свадьбы девушка считалась невестой и к ней как бы «тайком» при содействии старшей родственницы (*zingä*) или реже родственника невесты (*jogçu*) приходил жених. Спустя некоторое время справлялась «большая свадьба» (*ülü tuj*), которая начиналась с того, что мать жениха (именно она, а не отец) с сыном приезжала за невестой. Девушку сажали в специальный экипаж (*mägäl-däk*), который охранялся дружками жениха (*nägär*). За экипажем следовали сопровождающие со стороны девушки (*arçı*) под руководством старшей женщины (*zingälik* или *arçuş*), а всем свадебным поездом руководил старший (*tuj başu*, *arımaj*) с помощниками (*şawuş*, *sauc*). По прибытии к дому жениха сопровождающие невесту пели в честь ее серенаду, называли «принцессою» (*хап quzu*, *хапäkä*) и просили сойти с экипажа. Невеста сходила, опираясь на привезенную в качестве «живого

¹ Л. Я. Штернберг. Новые материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР, I, 1929, стр. 67.

² См. — Р. М. Мөхәмәтжанов. Туй йола поэзиясе. — «Татар әдәбияты мәсьәләләре». Өфө, 1972, стр. 3—53. Н. Х. Максүтова. Свадебные термины в башкирском языке. — «Башкирский языковедческий сборник». Уфа. 1975, стр. 32—42.

приданого» (*ajaqly mal*) телку, называемую *tajançyq*, то есть «опорная», или *baştaq*, то есть «начальная», предназначенная для продолжения породы. Сейчас же после появления невесты в доме жениха производилась церемония открывания ее лица: два мальчика специальными стрелами с хлебным шариком вместо наконечника (*tümar*)³, либо скалкой (*uqlaw*) поднимали покрывало с лица невесты. Затем происходил обмен подарками (*nirgä*) между родственниками жениха и невесты. До трех суток продолжались свадебные торжества (*tuj dujny*) с прогулками (*şujlyq*) в поле или в лес⁴. Такого же примерно свадебного ритуала придерживался (и частично использовались те же термины) и ряд соседних народов — чуваш, марийцы, удмурты и мордва. Есть основания считать, что в формировании подобной традиции свадебного обряда и соответствующей терминологии большую роль сыграл татарский этнос⁵.

Обратимся к этимологии терминов.

Jawçu 'сват, посредник' (чув. *jewçë* 'сват, сваха', марийск. *juzo* 'заклинатель' (из древнебулгарского). Это общетюркское слово произошло от среднемонгольского *jaučı*, *jabuči* 'ходок, вестовой, посредник' (см. о слове *çawuş*).

Dimçi 'сват или сваха', «обязанность которых состояла не только в формальном сватовстве, но и в уговаривании жениха или невесты согласиться на брак», образовано от слова *dim* (монг. *dem*) 'уговоры, агитация, призыв'⁶.

Quştan, Quştançy — слово многозначное, трудное для этимологизации. В современном татарском языке оно выражает общее значение «угодливый; угодник». В говорах означает «сват, сводник», а в составе фразеологизмов и пословиц — обнаруживает следующие неожиданные значения: *quştan itäk* 'вышитый подол; подол со сборками'; *quştan qaşyq* 'большая ложка'; *kim büjürsä şul sülтан, kim jügürsä şul quştan* 'кто повелевает, тот и султан, кто бежит (по поручениям), тот quştan'; *quştanğa yşanma quşqanğa yşan* 'не верь quştan'у, а верь приказу'; *quştannuñ qıjırğy küş* 'хвост у quştan'a — войско'⁷. Вероятно, древнейшее значение этого слова в татарском языке «вербовщик и созыватель войск у хана, который надевал, как отличительный знак, одежду с вышитым подолом (подобно китайским чиновникам)». Затем оно стало обозначать человека, старающегося угождать властям: старотатарск. *quştan*, 'ябедник, клеветник' (см. словарь Л. Будагова), чув. *quştan*, *qoştan* 'мирод; щеголь; мот', марийск. *kostan*, *koştan*, 'строгий, злой, своенравный', удмуртск. *kuştan* 'гордый, щеголь', русск. *коштан*, *коштанник* 'мирод; ходатай по мирским делам; ходок, горлан и коновод на сходках; плут, ябедник, пролаз' (см. словарь В. Даля). Институт *коштанства* был широко распространен у народов Среднего Поволжья. Между тем слово *qoştan* в других тюркских языках встречается редко.

³ Об этимологии этого слова см.: В. К. Штейниц. Финно-угорско-тюркские этимологии. — В сб.: «Язык и человек». М., 1970, стр. 280—282.

⁴ Все приведенные здесь слова, возможно, и не употреблялись на одной и той же свадьбе: наши данные взяты из разных источников, из разных диалектов и говоров.

⁵ См.: Н. И. Ашмарин. Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш. Казань, 1921; М. А. Евсеев. Избранные труды, т. V. Саранск, 1966 (О мордовской свадьбе, стр. 7—342); G. Doerfer, Tschuwaschisch = m < urturkisch = *m > gemeintürkisch = n. UAJ — «Uralo-altaische Jahrbücher», Wiesbaden, 45, 1973, стр. 176.

⁶ См.: Р. Г. Ахметьянов. Некоторые названия лошадей в татарском языке. — «Советская тюркология», 1975, № 2, стр. 74—75.

⁷ См.: Н. Исәнбәт. Татар халык мәкальләре, т. III, Казан, 1969, стр. 338—339, 656.

Чагатай. *qoʃnat*, *qoʃnanʒu* 'предсказатель (при хане), ученая женщина'⁸, в языке сиро-тюркских памятников *qoʃtanč* 'изящество'⁹. Исследователь чувашской лексики М. И. Скворцов считает, что данное слово, возможно, восходит к монг. *кашиктан*, *кэшиктэн* «личная гвардия хана»¹⁰.

Агсү (диал. *artëu*, *artči*, *ärči*) 'сопровождающий родственник девушки, поезжанин' — происходит от монгольского *ardči* 'защитник', ср. соврем. монг. *arčla* 'заботиться, защищать', *ard* 'охрана, забота'; древнемонг. *arčila* 'заботиться, защищать', заимствовано в XVII веке кыпчаками-куманами¹¹. *Ardči*, *arči* в древности, по-видимому, означал еще воина вспомогательного войска. Само такое войско называлось **ardyl*, откуда старотатарск. *ärtil* 'отряд охранников, артель'. Знаменательно, что в татарском языке слово *arči* до сих пор сохранило монгольский фонетический облик (*i* после *a* — в первом слоге, вопреки законам сингармонизма!), в то время как *ardyl* испытал значительное изменение звучания. Русское слово *артель*, по-видимому, было заимствовано из татарского¹², но современное татарское *ärtil* 'артель' уже является русским заимствованием.

Аргүш (диал. *argüş*) 'начальница поезжан, самая старшая или старший в группе родственников, сопровождающих девушку, а также сверстницы ее, приглашенные на свадьбу' — происходит от древнетюркского *arguš* 'караван; вестник, гонец, послание, весть' (ДТС), см. также русск., коми *аргыш* 'санний караван', якут. *arguys*, эвенк. *argis*, *argiš* 'перекочевка' (последнее значение является, вероятно, исходным: см. тат. *argyl* 'переходить через препятствие, перевалить' от *argu* 'переносить, перенести'). В соседних и родственных языках это слово встречается и в других значениях. См. удм. *arguš* 'начальница торжественной каши'¹³, алт. *argüş* 'товарищ'. Исходным значением татарского свадебного термина также является «товарищ девушки». Смысловой переход «караван, обоз» > «товарищ» вообще типологичен, см. чагат.: *urtaq* 'караван, обоз купцов', совр. узбек. *urtaq* 'товарищ'; древнетюрк. **tawar* 'обоз купцов' (отсюда тат. *tawar* 'товар', венг. *tabog* 'табор' и т. д.) и древнерусск. (из тюркск.) **товарь* 'товарищ' (ср. совр. русск. *товарка* 'женщина-товарищ', *товарищ* из древнерусск. *товарище*, то есть пара *товар-товарище* было подобием пары *друг-другище*).

Агмај (диал. *almaј*, *alman*, *alman bi*) 'начальник свадебного поезда' — в старину имело более общее значение «староста»¹⁴; см. также башк., удмурт. *agmaj* 'слуга властителя; палач'. Это слово происходит из монгольского *alban* 'князь; сборщик налогов' (от тюркско-монгольского корня *alp* 'герой', см. тат. *alup* 'герой-предок', *alpa* 'проявить геройство', *alpaq* 'рыцарь', *alpaq* 'доспехи', *alpaуut* 'дворянин, помещик' и др.). Можно предположить, что слово *agmaj* заимствовано ранее XIII века, так как имеется пословица *alanʒasar alman bi, alymsaqlı jaman bi*¹⁵, 'сборщик налогов — алангасар, ох, жадный же он начальник'. Происхождение слова *alanʒasar*, *älängäsär*, (башк. *älängävar*, ногайск.,

⁸ См.: «Uralo-altaische Jahrbucher», 35, 1965, стр. 318.

⁹ К. Ч. Джумагулов. Язык сиро-тюркских памятников в Киргизии. Фрунзе, 1971. Словарь, стр. 87—90.

¹⁰ М. И. Скворцов. Из истории древней чувашской социальной лексики. — «Вопросы чувашской фонетики и лексикологии». Чебоксары. 1976, стр. 86—100.

¹¹ См.: N. Porre. Die mongolischen Lehnwörter im komanischen. — «Nemeth armağanı». Ankara, 1962.

¹² Х. Гали. Адашкан логатыләр. — Журн. «Шура», № 26, 1911, стр. 169—170.

¹³ Б. Т. Гаврилов. Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда. — «Труды IV археологического съезда в России», т. II. Казань, 1891, стр. 96.

¹⁴ См.: Н. В. Никольский. Народности Поволжья. Казань, 1920, стр. 118.

¹⁵ Н. Исәнбәт. Татар халык мәкальләре, III, стр. 247.

alaŋasar, марийск., удм. alangasar 'торопыга; чужак, пришелец') связывается с алано-хазарами¹⁶ (см. караимск. *алангасар* 'герой эпоса, богатырь')¹⁷.

Переход $l > r$ (almaj > armaj) не является необычным; ср. приведенный ниже bulʒal > bulʒar, тат. ċigim 'минута, отрезок времени, достаточное для прокуривания трубки' < ċilim 'трубка', тат. tilbäräp 'белена' из tili bälän 'оглупляющая белена' и т. п.

Nägär (диал. nügär) 'дружка жениха', несомненно, происходит из монгольского pökür 'нукер, солдат ханской гвардии; дружинник, боевой друг' (см. древнетюрк. pökär, pükär 'соратник, боевой друг' (ДТС). О переходе $\ddot{o} > \ddot{a}$ см. ниже в комментариях к слову mägäldäk.

Ėawuř (марийск. sawuř, saus, savuř) 'помощник главного распорядителя свадьбы' — происходит от древнетюркского и старотатарского ėawuř 'офицер, сержант', восходящего к монгольскому jabu-či 'ходок, посыльный' (см. также выше пояснение к слову jawču)¹⁸. В татарском языке это слово, вероятно, активизировалось в период Казанского ханства — во время контактов с Ираном и Турцией: широкое распространение оно получило именно в Турции и в ее владениях (в том числе на Кавказе).

Bulʒal (тат. диал. mūçal, mūčäl, pulčaw, чув. mǎçal, pǎčav, общетюркск. bolʒal) 'договор о сроках свадьбы; срок, договора, двадцатилетний цикл' — слово монгольского происхождения¹⁹. В прошлом оно имело значение военного термина: чагатайск. bulčar 'место сбора войск' ~ золотоордынск. mūğel 'порядок следования отрядов'²⁰, казах. диал. mölşör 'пропорциональность; субординация', марийск. *мужур*, чув. *мǎшǎр* 'пара'.

Mägäldäk (тат. диал. mügätäk, nügätäk, mädäk, muätäk) 'свадебный экипаж; телега для перевозки снопов; двухколесная телега' — встречается, еще в чагатайском: *mögäldäk* 'верх экипажа; экипаж с верхом' (сл. Радлова, IV, 2129). Это слово, вероятно, заимствовано из монгольского, см. древнемонгольск. möger terge 'колесный экипаж' (möger 'колесо со спицами'), совр. монг. möör 'обод', бурят. möör 'колесо', möör terge 'колесница' (terge 'телега').

Этимология möger terge > mägäldäk, на первый взгляд, маловероятна ввиду нерегулярности переходов $r > l$ и $\ddot{o} > \ddot{a}$ (в первом слоге). Между тем именно эти переходы характерны в заимствованных словах: см. русск. *варега* > тат. диал. väligä 'варежки, рукавицы', монг., вост. тюрк. terege, terge 'ладья, колесо, телега, катапульта' > тат. täläkä 'блок с колесами ткацкого станка; валец, обхват; петля; поплавок' (вероятно, сюда же следует отнести русск. *телега* со значениями 'колесный экипаж; ухват')²¹, монг. qoğcaŋ > тат. qalčap 'колчан' и др. Переход $\ddot{o} > \ddot{a}$ наблюдается в приведенном выше pökür > nügär и в случае древнемонг. ögmege 'грубая ткань' > тат. ägmäk 'армяк, плащ' и пр.

¹⁶ Д. А. Яшин. Об удмуртском сказочном персонаже *алангасаре*. — «Проблемы изучения финно-угорского фольклора». Саранск, 1972, стр. 97—100.

¹⁷ В. А. Гордлевский. Сочинения, т. II. М., 1961, стр. 156.

¹⁸ См.: А. Рона-Таш. Об одном заимствованном среднемонгольском слове в марийском языке. — «Исследования по восточной филологии». М., 1974, стр. 230—235.

¹⁹ См.: G. Ramstedt. Kalmükisches Wörterbuch, Helsinki, 1935, стр. 50 — 51; М. Ряснен. Материалы по сравнительной фонетике тюркских языков. М.—Л., 1955, стр. 159.

²⁰ «Сборник материалов, относящихся к Золотой Орде». Л., 1941, стр. 159, 175.

²¹ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. IV. М., 1973, стр. 37—38.

Mägäldäk означал «собственно ханская колесница». Это подтверждается и тем, что в мордовском языке свадебный экипаж *op ave* означает «ханская телега».

Dujyn 'свадебные торжества; разгар какого-нибудь шумного действия' — происходит из монг. *tuil*, бурят. *dujl* 'конец; предел; апогей'.

Syjlyq 'торжественный выезд, заключающий свадьбу; весеннее сборище на поле'²²; ср. чув. *šäläk, šiläk, šärläk*, марийск. *šilyq* 'свадебный стол; престол; божница', башк. *širðik* 'свадебная кошма' монг. *širilig, širdik* 'кошма перед тронем'. Это слово образовано на основе *šyγ 'кошма для поднятия (то есть выборов) хана; свободное пространство перед тронем' — (значение, сохранившееся в отдельных выражениях) < вост. тюрк., монг. *šire* 'престол, трон; столик с изображениями буддийских божеств'. Вероятно, от этой же основы образовалось огузское *šilan* 'торжественное сидение предводителей племен после победы'²³. Возведение этого слова некоторыми исследователями к культу овцы²⁴ представляется излишним осложнением этимологии.

Слово *šujlyq* первоначально означало «стол (или кошма) торжественного пира с участием хана», это согласуется с тем, что у тюркских народов жених во время свадьбы уподобляется хану.

Inži (диал. *inči, inzi, inci*) 'скот или недвижимое имущество (домашний участок земли и т. п.), которые давались невесте в качестве приданого' — имеет следующие параллели: башк. *inji*, тувинск. *öñčü* 'личная собственность жены', телеутск. *äñči* 'приданое; наследство', алт. *inde* 'приданое; надел', чагат. *eñč* 'благо, имущество, собственность', древнетюркск. *inč*, уйг. *inžü* 'приданое', эвенк. *eñp'ä* 'приданое', якутск. *äñjä* 'контрибуция с побежденного богатыря, выкуп' (см. словарь Пекарского, I, 265), чагат. *inžü* 'царское угощение по случаю победы' (Словарь Радлова, I, 746, 1455). В Иране *inžü* означало «приданое жены; удельное владение царевича»²⁵. По всей вероятности, первоначальным значением данного слова является «контрибуция, выкуп». Это значение подтверждается всем ходом свадебного обряда: *jigit* 'джигит' (исторически, как известно, означавшее «царевич») со своими дружинниками *pägäg* едет в 'поход', побеждает и захватывает «ханскую дочь» и, естественно, получает «контрибуцию».

žingä и **jürčy**. Общетюрк. *jängä, ženge* 'старшая сноха; невестка (для младших родственников мужа)' — является и свадебным термином со значением «старшая родственница (жена старшего брата и пр.) девушки, помогающая заполучить ее в жены»²⁶.

Jürčy (сиб. тат. *jürsy*) в качестве свадебного термина является аналогом *žingä*, однако с более общим и несколько расплывчатым значением: «дядя невесты; брат мужа; младшая сестра невесты»²⁷. Эта расплывчатость связана с тем, что слово *jürčy* с самого начала было военным термином; см. древнетюрк. *jögčy* 'проводник; объясняющий;

²² С. М. Матвеев. О крещеных инородцах Уфимской епархии. Уфа, 1910, стр. 24.

²³ В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, I, М., 1960, стр. 215.

²⁴ Н. В. Денисов. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969, стр. 145—150; автором приводится ряд параллелей этого слова.

²⁵ Об этом слове имеется значительная литература, см.: Г. А. Федоров-Давыдов. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, стр. 61.

²⁶ Л. А. Покровская. Термины родства в тюркских языках. — «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 65—66.

²⁷ «Татар теленен диалектологик сузлере». Казан, 1969; А. Kannisto. Die tatarischen Lehnwörter im Vogulischen FUF «Finno-ugrische Forschungen» XVII. Helsinki, 1925, стр. 94—95 (здесь же приводится этимология слова).

шпион, ренегат' (от глагола *jog* - 'толковать, объяснять, указывать'). Значение термина родственных отношений это слово приобрело лишь вторично и благодаря уподоблению некоторых родственников невесты «враждебному агенту». У ряда народов (например, у кумыков) «враждебным агентом» считалась и *jängä*.

Nirgä (диал. *nirgä*, *mirgä*, башк. *miŋgä*) 'обмен подарками между невестой и родителями жениха'; в татарском языке имеет еще ряд значений: «венец сруба, ряд; фундамент; завалинка, основание, обычай, стена; суть; порядок» (см. диалектологические словари татарского языка, Словарь Радлова, III, столб. 699). Широко представлено в соседних и родственных языках (см. чув. *nirke*, *perke* 'венец сруба; ряд; обычай; занятие, причина', марийск. *närgä* 'порядок расположения бревен в избе; очередь; содержательность; суть', см. также эвенк. *perke* 'земля; мир; очаг, завалинка землянки', перс. *närgāh* 'круг охотников при облове; ряд, порядок; собрание'²⁸).

Большинство значений слова *nirgä* повторяется или закономерно отражается в слове *erge*//*jerge*//*çerge*//*d'erge*, встречающемся во многих урало-алтайских языках.

В татарском языке: диал. (Сибирь, Башкирия) *ërgä* 'сторона чего-нибудь; соседство; длина, размер по длине; фундамент, авторитет', литер. 'вотчина, земля, доставшаяся от предков'; ср. к-калп. *irge*, алт. *irgä*, каз. диал. *irge*, башк. *irgä* 'край, порог', эвенк., эвен. *jerke* 'основание чума; почва, пол; земля', ненец. *erkä* 'ограда для нарт', эстон. *järg* 'ступень, уступ, карниз; отделение, глава', *järg* 'низенькая скамейка; отделение, часть, класс, категория; ряд, очередь', финск. *järgä* 'порядок; надлежащее', карайм. *järgä* 'ряд, луч'; чув. *jerke*, *jaŋka* 'правило, ряд; обычай; венец сруба; причина', монг. *jerge* 'ряд, порядок', тув. *egri* 'управленис', чагат., уйг. *serge*, кирг. *žerge* 'ряд, строй; линия; очередь; степень; стойбище, родственный союз', каз. диал. *jerge* 'основа ткани; ряд, порядок', мордва-мокшанск. *irgä* 'сила, мощь' и т. п.

Очевидно, сюда же относится общетюрк. *nägiz*, *negiz* 'основание, фундамент' (тат. *nigiz* 'фундамент здания; завалинка, вотчина, дом отца, основание'). Поскольку в огромном большинстве случаев встречается z-вариант (*jerge*, *perge*, *žerge*), то, очевидно, *negiz* является результатом фонетического развития *perge* > *negir* > *negiz*. В удмуртском языке сохранился и такой вариант, как *pegyr* 'фундамент'²⁹.

Эти факты дают основание говорить, что данное слово в значении «обмен подарками между сторонами, вступающими в своиские отношения» восходит ко временам глубокой древности, когда на обширных просторах северо-восточной Евразии господствовала дуально-родовая система и когда в брак вступали предпочтительно с иноязычными людьми. Основным значением слова *närgä*//*järgä* было «землянка, порог землянки; ограда землянки и территория внутри нее». Обычай платы за порог и правила, нормирующие отношения между племенами, также стали называться *närgä*//*järgä*.

В приведенном фонетическом облике это слово было заимствовано татарским из монгольских языков (начальный *n*!).

Таким образом, рассмотренные термины относятся к разным историческим слоям: *nirgä* и *žingä* — слова древнейшего происхождения;

²⁸ Толкование этого слова как *när gah* 'круг мужчин' является, по-видимому, народной этимологией.

²⁹ Н. И. Смирнов. Вотяки. Казань, 1890, стр. 46.

quštan, šyjlyq, jawčy, čawuš — слова периода военной демократии (то есть I—X веков н. э.); arči, arγuš, būlžāl, māgäldäk, nägär — слова золотоордынского периода. Последнее позволяет заключить, что обычай возводить во время свадьбы жениха и невесту на «трон» существовал в течение многих веков. Вспомним еще, что само слово *toj* 'свадьба' первоначально означало «ханский лагерь»³⁰. В татарском языке девушка на выданье, барышня называется *tutaš* — из уменьшительно-ласкательной формы *tutaj-ča* от слова *totaj* 'княжна' (ср. ног. *totaj* 'аристократ, княгиня' < монг. *too-taj* 'почетный, избранный, малочисленный'). В мишарском диалекте татарского языка возлюбленный называется *čälbäj*, *čilbi*, что, вероятно, восходит к огузскому *čelebi* 'благородный; аристократ, рыцарь'³¹ и т. д. Все это свидетельствует о том, что в свадебно-ритуальной, а также любовной терминологии нашло отражение стремление народа чествовать жениха и невесту как самых высокочтимых лиц общества. Этот вывод можно принять в качестве методического принципа при этимологизации свадебной терминологии тюркских народов.

³⁰ См.: *M. Räsänen*. Versuch einen etymologischen Wörterbuch türksprachen. Helsinki, 1969, стр. 484—488.

³¹ Этимология этого слова подробно рассматривается в кн.: *В. Смирнов*. Мнимый турецкий султан, именуемый у европейских писателей XVI века *Calerpinus Cyriscelebes*. СПб., 1907, стр. 19—70.

Г. П. ПЕТРОВ

О НЕКОТОРЫХ ФУНКЦИЯХ ИНТОНАЦИИ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

По вопросу о функциях речевой интонации в языке у лингвистов существуют различные мнения. Применительно к материалу конкретного языка исследователями называются разные функции. Однако можно заметить, что при всем разнообразии мнений чаще всего выделяются такие наиболее существенные функции, как строительная и смыслоразличительная. Первая обычно называется фразообразующей, структурной, организующей, конститутивной, грамматической; для второй — используются термины: смыслоразличительный, дистинктивный, релевантный, коммуникативный, логический, модальный, эмоциональный, семантический и др.¹

Представляется, что именно строительное и смыслоразличительное свойства относятся к наиболее сигнификативным, в большинстве случаев универсальным, функциям речевой интонации. Совокупность ряда физических средств, как-то частота основного тона, интенсивность, длительность (включающая паузу, темп, ритм) и тембр, чаще всего называемые компонентами интонации², оформляет предложение в фразы³, создает в каждом языке типичное и, как правило, ограниченное количество интонационных моделей⁴, способствует смыслоразличению при языковом общении.

Эти две функции проявляют себя на уровне не только супraseгментных, но также и сегментных единиц речи⁵, тем самым еще более возрас-

¹ Е. А. Брызгунова. О смыслоразличительных возможностях русской интонации. — «Вопросы языкознания», 1971, № 4; М. Г. Кравченко, М. А. Зыкова, Н. Д. Светозарова, И. В. Братусь. Ударение и интонация в немецком языке. Л., 1973; Л. К. Цеплитис. Анализ речевой интонации. Рига, 1974; А. А. Garntzeva, А. А. Abduazizov. English Phonetics. Tashkent, 1972; V. A. Vassillyev. English Phonetics. A Theoretical Course. Moscow, 1970; O. J. Dickushina. English Phonetics. M.—L., 1965; R. Kingdon. The Groundwork of English Intonation. London-New-York-Toronto, 1958.

² Перечни составляющих элементов интонации весьма разнообразны как по количеству конститuentов, так и по терминологии. По замечанию Л. К. Цеплитиса (см.: Указ. раб., стр. 60—67), количество называемых различными авторами компонентов колеблется от двух до девяти, причем значительные расхождения наблюдаются и в терминологии. Приводимый нами перечень из четырех элементов является наиболее распространенным. В настоящей статье этот вполне автономный вопрос нами не рассматривается.

³ В этой связи А. А. Реформатский пишет: «Необходимо строго различать план предложения (грамматический) и план фразы (фонетический). Само предложение как грамматическая единица не имеет и не может иметь интонации. Оно актуализируется в коммуникативное явление — высказывание через фразу, которую организует в целое интонация» (А. А. Реформатский. Фонологические этюды. М., 1975, стр. 72).

⁴ См.: J. D. O'Connor, G. F. Arnold. Intonation of Colloquial English. London, 1969; Е. А. Брызгунова. Звуки и интонация русской речи. М., 1969.

⁵ В. А. Васильев. Указ. раб.

тает их значение среди характеристик речевой интонации. Строительная и смысловоразличительная функции одинаково обязательны как для фонем, так и для интоном. До недавнего времени в фонологии исследованию организующей функции фонемы уделялось сравнительно небольшое внимание. В области интонологии же, напротив, смысловоразличительная функция интономы, особенно в последнее десятилетие стала предметом тщательного изучения.

О важности организующей, строительной, функции фонем и интоном прежде всего свидетельствует то, что ни в одном современном живом языке невозможна коммуникация без употребления физического материала — звуков и интонации. В этом смысле фразообразующая функция интонации, равно как и словообразующая функция звуков, является универсальной, характерной для всех языков мира. Более того, для некоторых языков при решении такой сложной проблемы, как выявление инвентаря фонем и интоном, эта функция может стать определяющей. Указывая на важность учета данной функции, Н. С. Трубецкой пишет, что «при описании любой фонологической системы необходимо со всей тщательностью перечислить все те правила, которые в каком-либо отношении ограничивают употребление отдельных фонем.

Очень часто на основании этих правил удается дать классификацию фонем, причем такая функциональная классификация восполняет другую, полученную путем логического анализа фонологических оппозиций»⁶.

В свое время нами была сделана попытка показать, что именно строительная функция способствует более объективному учету фонемного инвентаря в области чувашского консонантизма⁷. Мы полагаем, что без опоры на данную функцию трудно рассуждать об интонамах чувашской интонации, существующих в языке вопреки тому, что, например, смысловоразличительная функция отсутствует на уровне фраз типа *Väl qunda. — Väl qunda-i?* 'Он здесь. — Он здесь?'

Предварительный анализ соответствующего материала показывает, что смысловоразличительная функция наряду со строительной играет одну из главных ролей в интонологическом оформлении речи в английском, немецком, русском и других языках. В чувашском же языке ведущей является строительная функция интонации. Ср. минимальные оппозиции: *Vêzem agälžanla vërenes's' ê. — Vêzem agälžanla vërenes's' ê-i?* They learn English. — They learn English? Sie lernen Englisch. — Sie lernen Englisch? 'Они изучают английский. — Они изучают английский?'

В чувашском языкознании функции интонационных характеристик до сих пор не являлись предметом специального изучения. Нельзя не согласиться с мнением М. Ш. Ширалиева и С. Г. Асадуллаева о том, что в области фонетики тюркских языков «многие вопросы синтаксической

⁶ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 272. Данная идея получила дальнейшее развитие в работе: В. Н. Мигулин. Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973. Автор акцентирует роль строительной функции сегментных единиц: «...фонема является строительной единицей оболочки слова или морфемы. Существует множество различных звуковых оболочек, являющихся морфемами или словами. Существуют также различные оболочки, выступающие как словосочетания, синтагмы, предложения. Звуковая оболочка словосочетания складывается из звуковых оболочек слов, звуковая оболочка предложения — из звуковых оболочек слов или словосочетаний. Рассматривая фонему на фоне различных звуковых оболочек, мы должны признать ее минимальной звуковой строительной единицей языка» (стр. 24).

⁷ Г. П. Петров. Медиальные бифонемные согласные комплексы современного чувашского языка (некоторые результаты фонотактического анализа). — В кн.: «Вопросы чувашской филологии», выпуск 1, Чебоксары, 1974.

фонетики... остаются пока неизученными»⁸. Цель настоящей статьи — проследить строительную и смысловозначительную функции речевой интонации на материале чувашского языка.

Интерес к указанным двум функциям интонации в той или иной мере проявляют синтаксисты⁹ и методисты, обучающие неродному языку¹⁰. Однако специалисты по фонетике вообще не занимаются вопросами интонации, хотя еще в 1910 году Н. И. Ашмарин писал о необходимости специального исследования чувашской интонации¹¹.

Рассмотрим строительную функцию, служащую одним из основных способов звукового (в широком смысле слова, включающем и интонацию) оформления различных единиц высказывания. Интонация способствует соединению предложения в единое целое, расчленяет поток речи на отдельные слоги, синтагмы, простые и сложные фразы, сверхфразовые единства. Она является интонетическим средством организации и членения потока речи.

Некоторые ученые считают интонацию, как и предикативность, основным грамматическим признаком¹², другие усматривают в ней средство оформления основного внешнего признака предложения — предикативности¹³, поскольку, говорят они, предикативность — категория грамматическая, а интонация — неграмматическая. Имея именно это в виду, А. М. Пешковский писал, что грамматические функции интонации «все же эпизодичны для нее, случайны, не связаны с ее основной природой. Поэтому и изучаться должны они в грамматике как нечто, по существу инородное, по отношению к формам, как особая область явлений, со своими законами, со своей природой»¹⁴.

Интонация чувашской фразы имеет свое специфическое оформление. Основываясь на данных слухового восприятия, М. Ф. Чернов указывает, что слова «...в предложении объединены одной общей интонацией. Каждое повествовательное предложение в отношении интонации делится на две части: первая часть характеризуется повышением голоса, вторая — понижением. Графически можно изобразить так:

⁸ М. Ш. Ширалиев, С. Г. Асадуллаев. Советская тюркская филология и задачи журнала «Советская тюркология». — «Советская тюркология», 1970, № 1, стр. 5.

⁹ См.: И. А. Андреев. Чаваш синтаксисен ыйтавёсем, 1 пайё. Шупашкар, 1973, стр. 26—29, 33—35, 84—85, 153—157; Ю. М. Виноградов. Конструкции с прямой и косвенной речью и несобственно-прямая речь в современном чувашском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Чебоксары, 1975, стр. 5—6, 12—13; С. П. Горский. Хальхи чаваш литература чёлхин синтаксисё. Шупашкар, 1970, стр. 12—16, 30—37; В. И. Сергеев. Лексический способ выражения множественности в чувашском языке. — «Советская тюркология», 1973, № 3, стр. 7—8; его же. Интонация как способ выражения грамматических значений в чувашском языке. — В кн.: «Чувашский язык, литература и фольклор». Чебоксары, 1974, стр. 96—108; М. Ф. Чернов. Из наблюдений над интонационным оформлением предложений с обособленными членами. — В сб.: «Вопросы чувашского языка и литературы». Чебоксары, 1965, стр. 95—103.

¹⁰ См.: Е. Н. Степанова, А. Я. Гартфельдер. К вопросу об интонационных средствах в чувашском и немецком языках. — В сб.: «Халаха вёрентес ёс». Шупашкар, 1959; Е. М. Зерняев. Тонограммы в обучении интонации немецкого простого предложения студентов-чувашей неязыковой специальности. — В сб.: «Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков в неязыковом вузе». Чебоксары, 1975; З. Ф. Мышкин. Обучение детей русской интонации в чувашской начальной школе. — В сб.: «Из опыта учебно-воспитательной работы учителей начальных классов». Чебоксары, 1975.

¹¹ Н. И. Ашмарин. Кое-что о Словаре. Научный архив Чувашского научно-исследовательского института, отд. 4, ед. хр. 13, стр. 8.

¹² С. П. Горский. Указ. раб., стр. 12—13.

¹³ И. А. Андреев. Указ. раб., стр. 26—29.

¹⁴ А. М. Пешковский. Интонация и грамматика. — «Известия по русскому языку и словесности АН СССР», т. I, кн. 2, 1928, стр. 475—476.

Кёрхи сума́р вёттён пёрёхет (Хумма Семене) 'Моросит осенний мелкий дождь'¹⁵.

Подобная методика нотации впоследствии была использована С. П. Горским. Привлекая также данные слухового анализа, С. П. Горский описывает интонационное содержание повествовательных, вопросительных, побудительных и восклицательных предложений¹⁶. Анализ рассматриваемых им примеров показывает, что интонационное оформление чувашских фраз, как правило, не зависит от синтаксических типов предложений. Так, если Е. Н. Степанова и А. Я. Гартфельдер, следуя строго синтаксическим традициям в исследовании речевой интонации, считают, что интонация местоименных вопросительных предложений отличается от интонации неместоименных вопросительных предложений¹⁷, то, согласно наблюдениям С. П. Горского, такие вопросы интонационно оформляются аналогично. Например, фразы *Qun jêrginze menle yjduzem?* 'Какие вопросы на повестке дня?' и *Quraganêxâj pur-i qunda?* 'Очевидец сам здесь находится?' представляют собой интонационно сходные структурные типы¹⁸. Более подробно эта мысль развивается И. А. Андреевым. Совершенно справедливо указывая на необходимость исследования чувашской интонации с помощью современных инструментальных способов анализа, а также, основываясь на опыте изучения интонационных характеристик в русском языке, И. А. Андреев замечает, что такие основные типы чувашских предложений, как невопросительный и вопросительный, например, *Subaşqara vâl yran tavrânat* 'Он завтра возвращается в Чебоксары' и *Subaşqara vâl xâz 'an tavrânat?* 'Он когда возвращается в Чебоксары?', с точки зрения интонационного оформления в принципе ничем друг от друга не отличаются¹⁹. Выполняя фразообразующую функцию и будучи в меньшей степени зависимой от синтаксических особенностей, интонация в большинстве языков мира имеет тенденцию к ограничению количества интонационных типов. Так, по данным Е. А. Брызгуновой, в современном русском языке количество основных типов интонационных конструкций, с учетом так называемого фонетического аспекта интонации, равно пяти²⁰. Дж. О'Коннор, исследуя организующую функцию английской интонации, выделяет десять ядерных моделей и называет, на наш взгляд, не совсем удачно, эти типы «тоновыми группами»²¹. Имеется опыт установления основных интонационных моделей на материале испанского и бирманского языков²².

Можно предположить, что и в чувашском языке существует не бесконечное, а ограниченное количество интонационных конструкций с возможными вариантами внутри каждой из них, ибо иначе трудно было бы говорить о специфике строительной функции чувашской интонации. Пока мы не располагаем этим списком интонационных типов. Вероятно, наиболее распространенным является интонационный тип с нисходящим тоном. Однако, как видно по данным некоторых исследователей чувашского языка, этот тип — неединственный. Исходя из сопоставительного

¹⁵ М. Ф. Чернов. Указ. раб., стр. 96.

¹⁶ С. П. Горский. Указ. раб., стр. 30—34.

¹⁷ Е. Н. Степанова, А. Я. Гартфельдер. Указ. раб., стр. 46.

¹⁸ С. П. Горский. Указ. раб., стр. 31.

¹⁹ И. А. Андреев. Указ. раб., стр. 154—155.

²⁰ Е. А. Брызгунова. Основные типы интонационных конструкций и их употребление в русском языке. — «Русский язык за рубежом», 1973, № 1.

²¹ Дж. О'Коннор. Указ. раб.

²² У. М. Обрегон. Смыслоразличительные возможности русской интонации в сопоставлении с испанской. — Кандидат. дисс. М., 1973; *Ma Tvi Tvi*. Сопоставительный анализ смыслоразличительных возможностей в русском и бирманском языках. — Автореф. канд. дисс. М., 1975.

анализа с интонацией русского и немецкого языков, выделяется второй тип, для которого характерно употребление восходящего тона²³. Интонационные модели с нисходящим и восходящим тонами встречаются во всех языках мира и являются результатом изменения направления частоты основного тона. В этом случае принято говорить о сфере употребления речевой мелодии, которая «распространяется на все языки»²⁴. Наличие этих двух типов в чувашском произношении подтверждается данными нашего инструментального анализа, осуществленного в лаборатории экспериментальной фонетики Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореца с применением интонографа «И-73».

На рисунках 1 и 2 представлены интонограммы фраз Vāl Šubašqarda purānat' 'Он проживает в Чебоксарах' и Vāl Šubašqarda purānad'-i? 'Он проживает в Чебоксарах?'. В конце первой фразы зафиксирован нисходящий тон, в конце второй — восходящий тон. Для облегчения сравнения при визуальном наблюдении конец в изменении направления частоты основного тона в обеих интонограммах обозначен соответственно цифрами 1 и 2²⁵. Эти два типа не исчерпывают другие свойства, в целом дополняющие физическую структуру чувашской интонации.

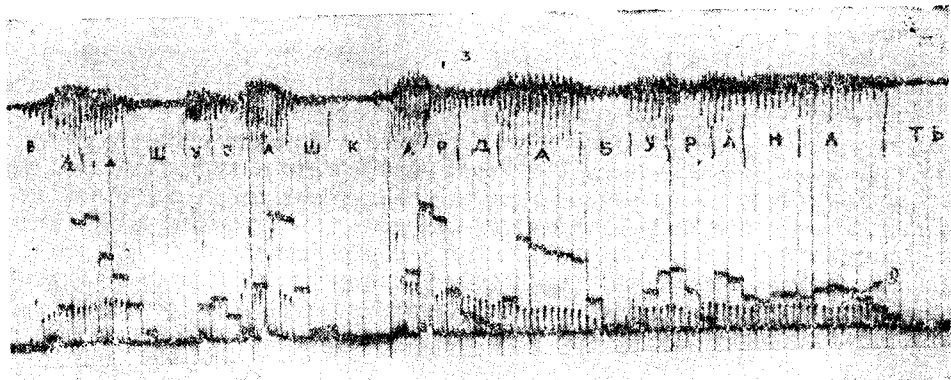

Рис. 1.

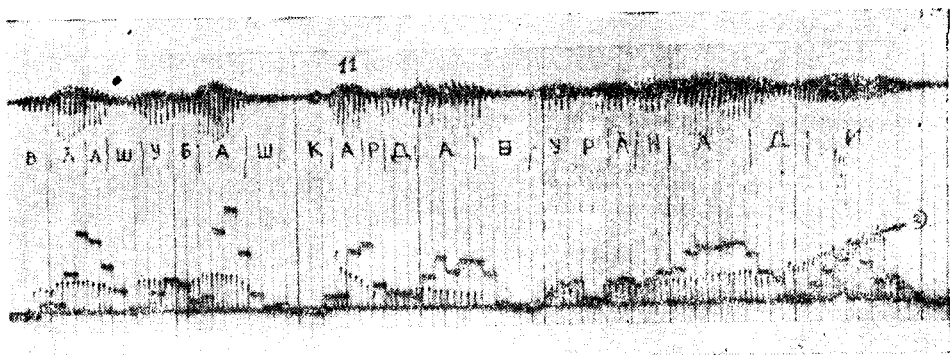

Рис. 2.

²³ См.: Е. Н. Степанова, А. Я. Гартфельдер. Указ. раб., стр. 44; Е. М. Зерняев. Указ. раб., стр. 68.

²⁴ Д. Болинджер. Интонация как универсалия. — В кн.: «Принципы типологического анализа языков различного строя». М., 1972, стр. 214.

²⁵ Анализ физических характеристик каждой из рассматриваемых фраз не вошел в задачу настоящей статьи.

Выявление полного списка интонационных типов чувашского языка — ближайшая задача исследователей.

Таким образом, интонация чувашской речи выполняет строительную функцию благодаря тому, что в ней функционируют определенные типы, обладающие специфическими физическими признаками, отражающими содержание тех или иных ее компонентов. Последние берут на себя нижеследующую, смысловоразличительную, функцию интонации.

«Основными компонентами интонации, выражающей смысловую сторону речи, — подчеркивает Е. А. Брызгунова, — являются тон, длительность и интенсивность»²⁶. Эта мысль подтверждается материалом исследования смысловоразличительной возможности и чувашской интонации.

Наиболее активным элементом является тон (или мелодия), смысловоразличительная функция которого прежде всего проявляется в том, насколько он в состоянии влиять на значение таких двух основных типов предложений, как невопросительный и вопросительный. Грамматическая роль мелодии в этом случае получает различное толкование. По мнению С. П. Горского, в чувашском языке, как и в русском, путем изменения направления частоты основного тона можно построить повествовательные, вопросительные и восклицательные фразы с одинаковым лексико-грамматическим содержанием. В качестве иллюстрации автор приводит такой пример: *Väl qunda*, — *Väl qunda?* — *Väl qunda!* 'Он здесь. — Он здесь? — Он здесь!'²⁷. Е. Н. Степанова и А. Я. Гартфельдер указывают, что в «этом случае имеет место влияние русского языка»²⁸. И. А. Андреев полагает, что, в отличие от русского языка, здесь решающую роль играют лексико-грамматические средства выражения вопроса, в частности вопросительные частицы *-и*, *-ши* и некоторые другие²⁹. Таким образом, в одном случае признаются как строительная, фразообразующая, так и смысловоразличительная функции мелодии, в другом же — только первая. Нам представляется, что нельзя полностью отрицать и смысловоразличительные возможности чувашской мелодии, поскольку известны случаи, когда единственным средством различения вопроса от невопроса служит интонация, в первую очередь ее ведущий конститuent — мелодия:

— Anna kilnë!	— 'Анна приехала!'
— Mën tunä?	— 'Что сделала?'
— Kilnë!	— 'Приехала!'
— Kilnë?!'	— 'Приехала?!'

В приведенном диалоге смысловоразличительная роль мелодии очевидна. Эта функция, как правило, проявляется в эмоциональной речи. Если исходить из того факта, что в интонологии при описании подобной функции интонации целесообразно говорить об участии так называемых эмотивных интоном³⁰, то указанную смысловоразличительную функцию

²⁶ Е. А. Брызгунова. Основные типы..., стр. 76.

²⁷ С. П. Горский. Указ. раб., стр. 14.

²⁸ Е. Н. Степанова, А. Я. Гартфельдер. Указ. раб., стр. 46.

²⁹ И. А. Андреев. Указ. раб., стр. 155. Следует также заметить, что во всех этих случаях С. П. Горский и И. А. Андреев, в отличие от Е. Н. Степановой и А. Я. Гартфельдера, не выделяют интересующий нас компонент, хотя и говорят о нем.

³⁰ Л. К. Цеплитис. Указ. раб., стр. 188—199.

чувашской мелодии можно отнести к эмотивно-сигнификативной³¹. В таком случае следующее утверждение Е. Н. Степановой и А. Я. Гартфельдера следует признать неточным: «Предложения без вопросительного слова или вопросительной частицы встречаются редко, и надо думать, что в этом случае имеет место влияние русского языка, например: Курнă? — 'Видел?'; Петĕр? — 'Петр?'»³². Здесь нет, разумеется в соответствующем контексте, никакого влияния со стороны русского языка. Согласно нормам чувашского языка в вышеприведенной ситуации нельзя ставить вопрос, например, с частицей *-и* после *Kılñe?!*, так как это полностью изменило бы смысл высказывания.

С мелодикой тесно связана так называемая тесситура, также влияющая на смысловозначение. В этом случае смысловозначение происходит не из-за того, что меняется направление частоты основного тона, а потому только, что изменяется его диапазонная высота. Так, вопросительная однословная фраза *Мĕн? 'Что?'*, произносимая с восходящим тоном, может выражать два разных значения. Если ее произнести с нижней полосой диапазона, а именно в виде *Мĕн?*³³, то она выражает довольно нейтральное, простое, удивление, в то время как воспроизведение ее с верхним уровнем полосы диапазона в виде *'Мĕн?* передает удивление с оттенком сильного раздражения. При этом одновременно существенно меняется интенсивность произношения. Это подмечено В. И. Сергеевым³⁴, однако смысловозначение, выражаемое чувашской интонацией, в этом случае обязано прежде всего влиянию уровня употребления частоты основного тона, органическим компонентом которого, в особенности на верхней полосе диапазона, выступает интенсивность. Изменение долготы гласных, на что также указывает В. И. Сергеев, опять-таки связано с действием тона и длительности, а не только интенсивности. Однако при всем этом представляется не совсем верным приписывать смысловозначительную роль изменению долготы гласных³⁵. И все же нельзя не учитывать и того, что надсегментные функциональные единицы выступают одновременно с сегментными фонемами.

Другим важным компонентом, влияющим на смысловозначение, является интенсивность или ударение. Так называемое словесное ударение, которое фактически тоже представляет собой однословное фразовое ударение в широком смысле слова, во многих языках в зависимости от изменения места ударения в полислогических словах и, как правило, в двусложных (например, в русском языке *ру́ки — руки́, пи́ли — пили́* влияет на смысловозначение. Этим свойством не обладает соответствующее чувашское ударение. Но релевантная функция ударения в многословных простых фразах исследователями трактуется неодинаково. С одной стороны, указывается, что логическое ударение, меняя свое место,

³¹ Следуя классификации психических процессов, Л. К. Цеplitis (см.: Указ. раб., стр. 166—202) выделяет четыре группы интономных значений: интеллектуальные, волюнтаривные, эмотивные и изобразительные. В чувашском языке такие интеллектуальные интономы, как интонома вопроса и интонома утверждения, не обладают дистинктивной функцией. Однако эмотивные интономы типа: интонома гнева, интонома удивления и др. способны сопровождать строительную функцию мелодии при понижении или повышении тона. Эмотивные интономы используются носителями всех языков, в то время как другие группы интоном, в особенности интеллектуальные, бывают релевантными чаще в индоевропейских, нежели в тюркских языках.

³² Е. Н. Степанова, А. Я. Гартфельдер. Указ. раб., стр. 46.

³³ Диакритический знак обозначения мелодии в виде (/) нами заимствован у Р. Кингдона.

³⁴ В. И. Сергеев. Интонация как способ выражения грамматических значений в чувашском языке, стр. 99.

³⁵ Там же, стр. 100 и далее.

может влиять на смысл фразы. Например, считается, что возможны такие противопоставления, как *Ebĕ pajan instituda kajadăp* 'Я сегодня в институт пойду' и *Ebĕ pajan instituda kajadăp* 'Я сегодня в институт пойду'³⁶, *Van' āna vērentme ċĕnzĕs'* 'Пригласили, чтобы учить Ваню' и *Van' āna vērentme ċĕnzĕs'* 'Ваню пригласили, чтобы он учил'³⁷. С другой стороны, отмечается, что смысловое различие на уровне фраз только путем изменения места ударения более типично для русского языка, в то время как в чувашском языке то же самое выражается путем изменения порядка слов в предложении. Так, в русском языке предложение «Мальчик читает книгу» в соответствующем контексте имеет следующие интонационно оформленные значения: «Мальчик читает книгу — Мальчик читает книгу — Мальчик читает книгу». Соответствующие значения в чувашском языке выражены через: *Аза кĕнеге вулат' — Вулат' кĕнегене аза — Кĕнегене аза вулат'*³⁸. Таковы крайние точки зрения относительно семантической роли ударения в чувашском языке. Компромиссным является мнение, согласно которому в чувашском языке логическое ударение может самостоятельно влиять на смысловое различие и выступать в единстве с изменением словопорядка в предложении³⁹.

Итак, в чувашском языке вопрос о возможности смыслового различия с помощью ударения в пределах однословных фраз не ставится, что же касается роли ударения в многословных фразах, то она является спорной. Не исключено, что некоторые исследователи в этом вопросе испытывают влияние материала индоевропейских языков.

Однако возможно и другое, когда под влиянием норм ударения в русском языке находится в целом весь чувашский язык и сами информанты — носители чувашского языка, как правило, владеющие и русским, которые могут непроизвольно переносить эти нормы и на чувашскую речь. Следовательно, необходим непосредственный контакт с информантом для установления возможности смыслового различия с помощью логического ударения, а также выяснения степени влияния русского языка. С целью уточнения этого частного вопроса нами был проведен следующий лингвистический эксперимент с участием 18 аудиторов-чувашей, проживающих в различных населенных пунктах Канашского, Красноармейского, Марпосадского, Моргаушского, Цивильского и Чебоксарского районов. Средний возраст информантов превышает 40 лет, чувашский язык для них служит постоянным средством общения.

Целью эксперимента было уточнение основного средства выражения ремы в распространенных многословных фразах на чувашском языке. Объектом проверки была фраза *Direktăr yran Musqava ĕs' pe qajat*. 'Директор завтра едет в Москву в командировку', предложенная носителям чувашского языка для аудирования в пяти микросериях каждая из которых включала два варианта для сравнения. В одном варианте средством выражения ремы являлось изменение места ударения, в другом — изменение порядка слов. В остальном сравниваемые фразы имели идентичное лексико-грамматическое оформление. Приведем полный список экспериментального материала, предъявленного аудиторам:

1. *Direktăr yran Musqava ĕs' pe qajat'*. — *Yran Musqava ĕs' pe direktăr qajat'*.
2. *Direktăr Musqava ĕs' pe yran qajat'*. — *Direktăr yran Musqava ĕs' pe qajat'*.

³⁶ Е. Н. Степанова, А. Я. Гартфельдер. Указ. раб., стр. 44.

³⁷ С. П. Горский. Указ. раб., стр. 16.

³⁸ И. А. Андреев. Указ. раб., стр. 34.

³⁹ С. П. Горский. Указ. раб., стр. 15.

3. Direktär yran **Musqava** ës'pe qajat'. — Direktär yran ës'pe **Musqava** qajat'.

4. Direktär yran Musqava ës'pe qajat'. — Direktär yran ës'pe Musqava qajat'.

5. Direktär yran Musqava ës'pe **qajat'**. — **Qajat'** direktär yran Musqava ës'pe.

Перед аудированием каждый испытуемый получал следующее разъяснение: «Представьте, что два чуваша своему собеседнику передают сообщение о том, что директор завтра едет в Москву в командировку. При этом они хотят подчеркнуть: кто едет, когда едет, действительно ли едет, куда едет, зачем едет. Но делают они по-разному. Скажите, пожалуйста, который из них, на ваш взгляд, наиболее естественно передает сообщение». Эксперимент строился только на аудировании, от испытуемых не требовалось владения письменной речью.

Обобщенные результаты эксперимента представлены в следующем виде:

Номера серий	Фразы, произнесенные экспериментатором	Количество испытуемых, считающих правильной воспринятую фразу
1.	Direktär yran Musqava ës'pe qajat'	5
	Yran Musqava ës'pe direktär qajat'	13
2.	Direktär Musqava ës'pe yran qajat'	11
	Direktär yran Musqava ës'pe qajat'	7
3.	Direktär yran Musqava ës'pe qajat'	5
	Direktär yran ës'pe Musqava qajat'	13
4.	Direktär yran Musqava ës'pe qajat'	16
	Direktär yran ës'pe Musqava qajat'	2
5.	Direktär yran Musqava ës'pe qajat'	2
	Qajat' direktär yran Musqava ës'pe	6

Полученные данные показывают, что в среднем только 5 информантов, что составляет примерно 27,7% от общего числа испытуемых, отдают предпочтение логическому ударению как средству выражения смыслового ядра в высказывании. Основная же часть носителей чувашского языка склонна использовать для этого различный порядок слов, когда рема оказывается перед сказуемым qajat 'едет'. Эти данные подтверждают положение о том, что основным средством выражения смыслового ядра в современном чувашском языке выступает порядок слов в предложении⁴⁰. Так называемое фразовое ударение, как и словесное, в чувашском языке в целом не играет дистинктивной роли. Таким образом, об отсутствии смыслоразличительной роли чувашского ударения говорит и опыт обучения студентов-чувашей английской интонации, где, как известно, ударение обладает смыслоразличительным свойством как в однословных, так и в многословных фразах. Носители чувашского языка не воспринимают логическое ударение в многословных английских фразах. Этому их приходится обучать специально. Правда, здесь оказывает положительное влияние ежедневный контакт с носителями русского языка в условиях студенческой аудитории. Остановимся на смыслоразличительных возможностях паузы, как одного из элементов длительности, в чувашском языке. Исследуя интонационное оформление чувашских предложений с обособленными членами, М. Ф. Чернов указывает, что пауза служит «для выражения определенных грамматических

⁴⁰ И. А. Андреев. Указ. раб., стр. 34.

значений»⁴¹, благодаря ей предложения и словосочетания приобретают «особую значимость и большую синтаксическую самостоятельность»⁴². В зависимости от паузы меняется значение предложения при его неизменном лексико-грамматическом наполнении. Хёгаза, pallaman s'уппа азäгүаза, ċagänžë 'Девочка, заметив незнакомого человека, остановилась' и Хёгаза pallaman s'уппа азäгүаза ċagänžë 'Увидя незнакомого человека, девочка остановилась'⁴³.

Смыслоразличительные возможности часто связывают с характером паузы и на стыке слов. Так, в литературе по английской интонологии в этих целях вводится даже специальный термин «фонема стыка» или «плюс фонема»⁴⁴. Сходные характеристики рассматриваются и на материале современного русского языка⁴⁵. Присуще ли данное явление чувашскому (resp. тюркским языкам) языку? Ответ на поставленный вопрос был получен после проведения следующего эксперимента.

Ридер Ф., носитель чувашского языка, преподаватель университета, начал на магнитофонную пленку 68 фраз типа: Väl da pulë 'Возможно, и он здесь' и Vălda pulë 'Возможно, удочка'. Аудиторы-рецепиенты, студенты-чуваша, слушали озвученный материал в специальной лаборатории речи через наушники, одновременно записывая фразы так, как они понимали их. Затем экспериментальные фразы, прочитанные диктором, сравнивались с записанными вариантами в рецептивном исполнении аудиторов⁴⁶. Ограничимся разбором восприятия одной из этих фраз. Например, фразу Es хuз'і terën 'Ты сказал: хозяин' двое испытуемых восприняли в виде Es хu з'і terën 'Ты сказал: сам ешь', четверо — Es хu з'іterën 'Ты сам добавишь', один — Es хu з'іdedën 'Ты сам доедешь' и только двое — Es хuз'і terën. Эти наблюдения говорят о том, что для чувашского языка вообще не характерны так называемые фонемы стыка, а смыслоразличительные возможности паузы резко ограничены в пределах словосочетаний.

Таковы некоторые результаты предварительных наблюдений за функциями интонации в современном чувашском языке.

⁴¹ М. Ф. Чернов. Указ. раб., стр. 102.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, стр. 101—102.

⁴⁴ В. А. Васильев. Указ. раб., стр. 255—256.

⁴⁵ М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967, стр. 169—191.

⁴⁶ См. подробнее об этом: Г. П. Петров. О смыслоразличении на стыке слов в структуре словосочетаний (в сопоставительном плане). — В сб.: «Материалы научной сессии «Проблемы словосочетаний в тюркских языках». Чебоксары, 1975, стр. 26—28.

С. С. ТАТУБАЕВ

РЕДУКЦИЯ, ПРОТЕЗА, АПОКОПА В КАЗАХСКОЙ РЕЧИ И ПЕНИИ

Для казахского языка, как и большинства тюркских языков, характерна редукция узких гласных *y*, *i*, *u*, *ü*. Редукция связана и с типом гласного. По нашим подсчетам, длительность узких гласных в казахском языке меньше длительности широких гласных. Средняя длительность узких гласных в корневых морфемах типа ГС и СГС в два раза меньше средней длительности широких гласных.

Для того, чтобы проиллюстрировать редукцию узких гласных, приведем следующие традиционные примеры: /a+[<]wyl/ 'аул', /o+[<]jyn/ 'игра', /je+[<]gin/ 'губы', /kō+[<]gük/ 'красота' и др.

Если к этим словам с открытым широким гласным первого слога и закрытым узким второго присоединить аффикс, начинающийся с гласного, то узкий гласный конечного закрытого слога основы выпадает. Таким аффиксом может быть аффикс принадлежности третьего лица: /a+[<]ly/, /o+[<]ny/, /je+[<]ni/, /tur+[<]ny/, /kōg+[<]kü/ и другие.

При этом, как указывает М. А. Черкасский, «редукция неударных гласных имеет в тюркских языках главным образом количественный характер и, как правило, не приводит к смешению фонем»¹.

В результате выпадения узкого гласного меняется слоговая структура слова. Эксплозивный сонорный согласный второго слога благодаря редукции узкого гласного переходит в первый слог, становясь при этом импловивным. Таким образом, первый слог с открытым широким гласным закрывается импловивным или, иначе (по Л. В. Щербе), сильноначальным сонорным. Импловивный сонорный второго слога, находящийся в слове в позиции ауслаута, в результате присоединения аффикса и редукции узкого гласного становится во втором слоге эксплозивным или (по Л. В. Щербе) сильноначальным и оказывается в инлаутной позиции слова. Таким образом, второй закрытый с узким гласным слог становится уже открытым слогом с узким гласным.

В то же время язык допускает возможность произнесения слова после присоединения аффикса без выпадения узкого гласного, например: /a+[<]wy+ly/, /o+[<]ju+ny/, /je+[<]gi+ni/, /ti+[<]gi+ny/. Во всех этих примерах меняется слоговая структура слова — все слоги становятся открытыми.

¹ М. А. Черкасский. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965, стр. 40.

Как указывает Б. К. Калиев², в таких словах, как /šojuŋ/ 'чугун', /quŋuq/ 'приспособление для ловли лошади', /kögük/ 'кузнечный мех', /wögük/ 'урюк' и другие, при присоединении к ним аффикса, начинающегося с гласного, узкие гласные не выпадают. Например: /šo+ju+pu/, /qu+gu+yu/, /kö+gu+gü/, /wö+gü+gü/ и другие.

По мнению Б. К. Калиева, при анализе выпадения узкого гласного нужно принимать во внимание не только фонетический состав слова, но и частоту его употребления: «Узкий гласный исчез из тех слов основного словарного фонда тюркских языков, которые часто употреблялись в устной речи... Такие слова, изменив звуковую форму, не утратили своей семантики, так как выпадение проявляется интенсивнее там, где оно не встречает сопротивления семантики слов. Напротив, в малоупотребительных словах, даже в благоприятной для выпадения гласных фонетической позиции, узкие гласные обычно сохраняются»³.

Однако вывод Б. К. Калиева о влиянии на редукцию узкого гласного частоты употребления слова в языке не убедителен, так как слово quŋuq 'приспособление для ловли лошади' существует с давних времен, то есть столько, сколько казахи ездят верхом. Следовательно, в результате присоединения аффикса принадлежности третьего лица второй гласный этого слова должен был редуцироваться. Но этого не происходит.

Поэтому правильнее считать, что частотность — это один параметр, устойчивость в языке — совершенно другой, возраст слова — уже третий. Так, некоторые слова живут и устойчиво функционируют в языке на протяжении многих веков, но не употребляются часто из-за своей семантики; другие могут быть древними и частотными; третьи — новыми, но также имеющими высокую частотность употребления. И, наконец, немало слов со средней частотностью. Среди последних и наблюдаются колебания, причем совершенно закономерные: то они выступают как частотные, то как малоупотребительные. Для тюркских языков более характерно, чтобы корни функционировали самостоятельно и не редуцировались при присоединении аффиксов.

Ниже приводится нотный текст двух казахских песен: «Көк көбелек» народного композитора Акан Сери и народной песни «Қарғаш», исполняемых примерно в одинаковом среднем темпе. Одно и то же слово аул 'аул' в одной из песен редуцируется, а в другой — нет.

Утверждение Б. К. Калиева: «выпадение проявляется интенсивнее там, где оно не встречает сопротивления семантики слов»⁴, возможно, и

² Б. К. Калиев. Редукция узких гласных звуков в казахском и каракалпакском языках. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1967, стр. 12.

³ Там же.

⁴ Там же.

верное, однако не единственное объяснение указанного явления. «Синтаксическая универсальность слов, постоянная опора на контекст, на здравый смысл слушающего, на логику вещей»⁵ допускает широкое использование в тюркских языках омонимичных слов. «Опасность появления омонимии (как лексической, так даже и грамматической) чаще всего отнюдь не представляет непреодолимого препятствия на пути сколько-нибудь значительного и глубокого фонетического процесса»⁶. В то же время нельзя не согласиться с мнением В. М. Жирмунского, утверждающего, что только «функциональная значимость обычно предохраняет звук от закономерной редукции»⁷.

М. А. Черкасский фонетическую неустойчивость огласовки конечного слога, именуемую им «беглостью» или синкопой гласных, связывает с наращиванием аффиксов к некоторым двусложным основам (преимущественно именным, но иногда и глагольным)⁸. Он (вслед за Ф. Е. Коршем), как и многие другие тюркологи до него, считает редукцию одним из доказательств ударности в прошлом начального слога тюркского слова⁹.

Аналогичные факты редукции узких гласных в уйгурском языке приводит в своей статье М. И. Трофимов¹⁰. Более вероятными причинами выпадения он считает абсорбацию гласного сонантом, главным образом *г, л, ј*, а также влияние внутренней ритмики слова, так как гласные средних открытых слогов в уйгурском языке вообще подвержены редукции.

На наш взгляд, следствием выпадения узкого гласного во втором слоге слова является превращение или переход эксплозивного сонорного согласного этого слога в имплозивный первого слога, так как слог или слово в казахском языке могут заканчиваться имплозивным согласным, после которого возможно присоединение слога, начинающегося только с эксплозивного согласного. Следовательно, превращение эксплозивного сонорного в имплозивный сонорный приводит к выпадению узкого гласного, тем самым создавая благоприятные условия для присоединения слога, начинающегося с эксплозивного согласного, так как в казахском языке слоговоеделение в середине слова всегда проходит между согласными, причем предшествующий из них всегда имплозивный, а последующий — эксплозивный.

В народных песнях структура стиха — обычно одиннадцатисложника тесно взаимосвязана с характером мелодии и отличается строгим соблюдением той или иной определенной формы слоговых сочетаний: 3+4+4, либо 4+3+4.

В случае необходимости одиннадцатисложные строки достигается осознанно или интуитивно, путем использования редукции. Как только эксплозивный сонорный последующего слога переходит в имплозивный предыдущего слога, происходит редукция, и количество слогов в строке уменьшается на один.

Условием редукции при пении также является переход эксплозивного сонорного последующего слога в имплозивный предыдущего. Ре-

⁵ Г. Д. Санжеев. Проявление логики вещей в языке. — «Конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков». Тезисы докладов. М., 1966, стр. 62—68.

⁶ М. А. Черкасский. Указ. раб., стр. 51.

⁷ В. М. Жирмунский. Внутренние законы развития языка. — «Труды Института языкознания АН СССР», т. 4, 1954, стр. 85.

⁸ М. А. Черкасский. Указ. раб., стр. 51.

⁹ Там же, стр. 78.

¹⁰ М. И. Трофимов. О влиянии длительных согласных на слоговоеделение. — «Советская тюркология», 1970, № 3, стр. 33—38.

дукция при пении не связана с длительностью ноты. Например, в арии Абая из 4-го акта оперы А. Жубанова и Л. Хамиди «Абай» слово /ba+wy+gum/ употребляется в редуцированном виде как /baw+gum/, а в казахской народной песне «Шйлі өзен» то же самое слово поется без редукции.

В пении, так же как и в речи, наблюдаются такие фонетические явления, как протеза, апокопа.

«Протеза. Присоединение («надставка») добавочного звука к началу слова для облегчения произношения»¹¹. Протетическими гласными в казахском языке в анлаутной позиции выступают узкие гласные *y, i, u, ü*. Протезируются только анлаутные эксплозивные сонорные и спиранты. При этом с появлением протетического гласного не меняется слоговая структура слова, а анлаутный сонорный или спирант остаются эксплозивными. В казахском языке более других способствуют появлению протетического гласного сонанты /r/ и /l/, а из спирантов — /ʃ/.

Характер протетической гласной в начальном слоге находится в зависимости от гласной этого слога. Если начальный слог имеет неогубленный гласный, то возможно появление только неогубленного протетического гласного /y/, либо /i/. Если же начальный слог содержит огубленный гласный, то протетическим гласным может быть огубленный узкий /u/, либо /ü/.

Например, /gas/ — /ygas/ 'правда', /lajyq/ — /ylajyq/ 'соответствие', /ruw/ — /uruw/ 'род, племя', /lezde/ — /ilezde/ 'быстро, скоро', /ruqsat/ — /uruqsat/ 'разрешение', /šek/ — /išek/ 'кишка'.

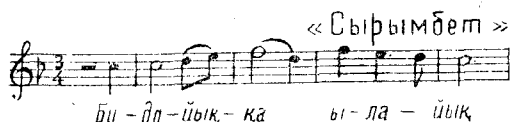
Если в речи появление протетического краткого узкого гласного факультативно (под влиянием орфографии многие слова в настоящее время произносятся без протетического гласного), то в пении протетический гласный, появляющийся перед анлаутным эксплозивным сонорным или спирантом, входит в ритмико-мелодическую ткань песни как элемент, имеющий определенную высоту и длительность. Обычно авторами мелодии и текста народных песен был один и тот же человек. Мелодия и слова сочинялись одновременно.

Ниже приводится часть нотного текста из песни «Қара кесек» народного композитора Мади, где протетический гласный звук (но не призвук) /u/ в слове /u + ru + wum + du/ входит в триоль в качестве необходимого и обязательного элемента.

¹¹ О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 368.

Появление протетического узкого гласного /y/ перед сонорным /l/ показано на части нотного текста песни народного композитора Акан Сери «Сырымбет».

Протетический гласный /y/ в слове /y+la+jyq/ входит в мелодию песни как отдельная нота, имеющая определенную высоту и значительную длительность, то есть как четвертная нота на сильной доле такта. Материальная значимость протетического узкого гласного /y/ особенно проявляется в песне, исполняемой в медленном темпе.

Протетический /y/ входит в одиннадцатисложный размер стиха, имеющий структуру последовательности ритмических частей — 4+3+4 как равноправный слог. Сонорный протезируемый /l/ в слове /y+la+jyq/ является эксплозивным.

По нашему мнению, причину появления протетического гласного перед сонорными в анлаутной позиции корневой морфемы можно объяснить, исходя из следующего положения, высказанного Г. П. Мельниковым: «Первый корневой слог должен задавать сингармонический тон всему слову. Следовательно, первый корневой согласный должен либо содействовать гласному в выполнении этой функции, либо отсутствовать совсем. Поэтому сонорные, как сингармонически «бестелесные», нежелательны перед первым корневым гласным»¹². Именно поэтому, исторически, гласный первого слога, задающий сингармонический тон всему слову, «ревностно» относясь к своей функции, «навязывал» сонорному протетический узкий гласный.

Явление апокопы, то есть отпадение гласного в абсолютном исходе слова, наблюдается в казахском языке как в разговорной речи, так и в пении. Отпадение гласного можно увидеть на примере части куплета песни «Көк көбелек» народного композитора Акан Сери.

В этом примере после апокопированного слова /qonad(y)/ следует слово /köl'/, начинающееся с согласного, а не с гласного. Поэтому явление апокопы в казахском языке нельзя смешивать с элизией, то есть выпадением (исчезновением) конечного гласного слова на стыке с на-

¹² Г. П. Мельников. Принципы системной лингвистики применительно к проблемам тюркологии. — «Восточная филология». Тбилиси, 1973, № 3, стр. 117.

чальным гласным следующего слова¹³. Образовавшееся в результате апокопы усеченное слово /kopad/ имплозируется в ауслауте согласным /d/, который, оглушаясь, переходит в /t/. В казахском языке в ауслауте слова имплозивным может быть только глухой, а не звонкий согласный. А обязательным условием появления после согласного /d/ гласного /y/ является эксплозивность звонкого /d/.

Апокопа — явление не грамматическое, а фонетическое, слово qopady, являясь единицей грамматической, не может быть усечено. Если же вследствие акцентно-фонетических процессов в ауслауте слова появляется имплозивный согласный, то происходит отпадение гласного.

Кроме того, явление апокопы показывает меньшую значимость аффикса по сравнению с корневой морфемой: язык в речевой реализации жертвует менее значимым элементом.

¹³ О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов, стр. 525.

РЕЦЕНЗИИ

И. РАСУЛОВ. ХОЗИРГИ ЎЗБЕК АДАБИЙ ТИЛИДА БИР СОСТАВЛИ ГАПЛАР

ТОШКЕНТ, «ФАН» НАШРИЕТИ, 1974

Односоставные предложения в синтаксисе языка занимают важное место и поэтому проблема их изучения не раз привлекала внимание исследователей.

На материале индоевропейских языков этой теме посвящено несколько докторских и кандидатских диссертаций, опубликован ряд монографий (А. Г. Руднева, Н. Н. Арвата, В. В. Бабайцевой, Е. М. Галкиной-Федорук и др.). Тем не менее по вопросу классификации односоставных предложений единого мнения в литературе нет. В тюркологии по отдельным аспектам данной проблемы защищено несколько кандидатских диссертаций и написан ряд статей, однако в целом проблема до сих пор не являлась объектом специального исследования и многие вопросы все еще остаются нерешенными или недостаточно изученными.

Монография И. Расулова «Односоставные предложения в современном узбекском литературном языке», является первым специальным исследованием односоставного предложения современного узбекского языка в синхронном плане.

Во введении автор подробно говорит об истории изучения односоставных предложений в русском языкознании и в тюркологии, в том числе в узбекском языкознании. Далее автор, исходя из структурных особенностей, делит простые предложения на односоставные и двусоставные. Структурной основой простого предложения является тот минимум формальных особенностей, который необходим для образования предложения. Эти особенности выражают объективную модальность и синтаксическую категорию времени, что и составляет грамматическое значение предложения. Структурная основа простого предложения может быть односоставной, то есть состоящей из одного главного члена, либо двусоставной, состоящей из сочетания двух главных членов.

Если в двусоставных предложениях предикативность выражается предикативным отношением, то в односоставных предложениях она выражается одним главным

членом предложения — либо подлежащим, либо сказуемым. Это и есть основной признак односоставных предложений, отличающий их от двусоставных. Некоторые ученые считают, что главный член односоставных предложений объединяет понятия субъекта и предиката, поэтому он не может быть ни подлежащим, ни сказуемым (А. А. Шахматов, В. В. Виноградов и др.).

Что же касается логической структуры односоставных предложений, то И. Расулов поддерживает мнение тех авторов, которые считают их двучленными, ибо в предложении субъект суждения может не иметь своего словесного выражения, однако он мыслится в его логической структуре, что подтверждается ситуацией, контекстом, интонацией. За этим субъектом в предложении сохраняется его место, позиция. Все это дает основание полагать, что мысли, выраженные в односоставных предложениях, имеют двучленный характер.

Остановившись на принципах существующих классификаций односоставных предложений, И. Расулов отмечает отсутствие единого принципа классификации. В тюркологической литературе при классификации односоставных предложений за основу берется либо синтаксическая природа главного члена односоставных предложений, либо морфологическое выражение, либо же определенность — неопределенность лица, то есть личность — безличность и т. д. Автор считает, что для разработки научной классификации односоставных предложений прежде всего необходимо уточнить критерий их дифференцирования.

Во многих работах, посвященных синтаксису узбекского языка, так называемые неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные и номинативные предложения рассматриваются как разновидности односоставных предложений, что же касается так называемых определенно-личных, вокативных, инфинитивных предложений, слов-предложений, то здесь мнения расходятся. В книге И. Расулова обоснована односоставность определенно-личных предложений;

так называемые инфинитивные предложения, в которых природа формы на -мок не вполне адекватна инфинитиву, рассматриваются как разновидности номинативных предложений.

Вокативные предложения и слова-предложения относятся к нечленимым предложениям. Приводятся признаки, различающие односоставные предложения от нечленимых. Основываясь на структурно-синтаксическом признаке односоставных предложений, автор подразделяет их на бесподлежащие и бессказуемые предложения.

Предложение, структурная основа которого соответствует сказуемому, относится автором к бесподлежащим односоставным предложениям.

В свою очередь бесподлежащие предложения, в зависимости от возможности определения подлежащего, подразделяются на две группы: а) предложения, в которых возможно установить подлежащее, и б) предложения, не допускающие возможности установления подлежащего.

Первый тип бесподлежащих предложений включает определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения. Отсутствие в них подлежащего является синтаксической нормой для данной конструкции. Введение подлежащего в состав данного предложения изменяет его структуру: односоставное предложение превращается в двусоставное.

Далее автор анализирует специфические логико-грамматические особенности определенно-личных, неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений.

Второй тип бесподлежащих предложений представляет собой конструкцию, не допускающую возможности определения подлежащего по форме сказуемого. В этих предложениях субъект действия мыслится абстрактно. Главный член указывает на 3-е лицо, но ни предметы, ни личность здесь не подразумеваются: выражается только утверждение или отрицание какого-то факта или явления.

В бессказуемых предложениях имя существительное или субстантивированное слово, называя предметы или явления, утверждает их наличие, существование. В бессказуемых предложениях не могут быть выражены такие формы мысли, как вопрос, побуждение. В них утверждение о существовании предмета или явления не осложняется дополнительными характеристиками. То есть второй член структурной основы — сказуемое в них словесно не выражается. Это является синтаксической нормой для данного типа односоставных предложений.

Характеризуя бессказуемые предложения, автор отступает от традиционного толкования и подразделяет их на номинативные, назывные, оценочные предложения и имена-представления (*тасаввур номлари*). Обычно под терминами «номинативные» и «назывные» понимается одно и то же явление.

Но в данном случае автор применяет эти термины для различных синтаксических единиц. Номинативными он считает такие бессказуемые предложения с именем в именительном падеже или субстантивированными словами, в которых утверждается наличие называемого предмета или явления. Например: *Кум-кук дала. Теварагда қизғин иш бораётир* (стр. 189).

К назывным предложениям автор относит заглавия, названия книг, журналов, газет, картин, надписи на вывесках, ранее не считавшиеся односоставными предложениями. Отнесение таких синтаксических единиц к односоставным предложениям автор аргументирует тем, что они также выражают суждение о явлении или предмете и представляют собой одну из форм коммуникации. Назывные предложения употребляются для обозначения какого-либо предмета или явления, раскрывая его сущность в наименовании.

Под оценочным автор понимает такое предложение, в котором говорящий утверждает существование предмета или явления, выражая его оценку. В них находит выражение сам предмет суждения, признак же его словесно не характеризуется. Например: *Бечора йағит! Билмай юрган эканмиз. Шу изғиринларда ҳам бозорма-бозор, растама-раста угли Абдуқодирни етаклаб, бир бурда нон учун най чалиб, гадолик қилади. Бечора Исроил ота!* (стр. 209) и др.

Односоставные предложения, выражающие имена-представления (*тасаввур номлари*), являются интонационно-самостоятельной коммуникативной единицей. В них констатируется наличие соответствующего представления в сознании собеседника, требующего дальнейшего размышления. Оно почти всегда носит эмоциональный характер. Например: *Мах,буба! Бу сузда қанча илиқлик бору, қанча мухаббат* (стр. 210).

Отметим некоторые погрешности работы, устранение которых автором при переиздании монографии, несомненно, повысит ее достоинства. Так, например, дифференцируя односоставные предложения, автор критикует своих предшественников за отсутствие единого критерия классификации. Свою классификацию он строит, исходя из синтаксической природы структурной основы предложения. Применяя привативную оппозицию по признаку участия главного члена, он подразделяет предложения на бессказуемые и бесподлежащие. В свою очередь бесподлежащие по признаку возможности или невозможности установления подлежащего И. Расулов делит еще на две группы: предложения, допускающие возможность установления подлежащего, и предложения, не допускающие такой возможности. В то же время до конца этот принцип им не выдерживается, ибо, подразделяя предложения на более мелкие группы, он включает и логический критерий — личность — безличность, выделяя определенно-личные и неопределенно-личные предложения.

Недостаточно аргументирована и причина включения в односоставные предложения названий книг, журналов, газет и т. д.

Простые предложения делятся автором по структурным основам на две группы: односоставные и двусоставные. Нечленные же предложения по своей природе отличаются и от односоставных и от неполных, однако их место в системе простых предложений автором не указывается. По нашему мнению, простые предложения следовало бы классифицировать по структурным основам на членимые и нечленимые; членимые предложения — на односоставные и двусоставные и т. д.; или же по градуальной оппозиции, — на двусоставные, односоставные и нечленимые предложения.

Несмотря на указанные недостатки, выход в свет монографии И. Расулова имеет большое значение для узбекского языкознания. Используя существующую литературу об односоставных предложениях в языках различных систем, автор высказывает и свое собственное мнение, предлагая интересную классификацию односоставных предложений. Работа ценна не только для узбекского языкознания, но и тюркологии в целом еще и тем, что является первым исследованием, посвященным комплексному изучению проблемы односоставных предложений.

Ф. Исхаков, А. Нурманов

А. БЕКБЕРГЕНОВ. КАРАҚАЛПАҚ ТИЛИНДЕГИ САНЛЫҚЛАР

«КАРАҚАЛПАҚСТАН» БАСПАСЫ, НӨКИС, 1976, 105 стр.

Монографическое исследование А. Бекбергенова посвящено категории имен числительных в каракалпакском языке, которая, несмотря на актуальность, до сих пор еще не была объектом специального изучения.

Книга состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии.

Во введении определены задачи и методы исследования, дан краткий обзор истории изучения имен числительных в тюркских языках и, в частности, в каракалпакском.

Имена числительные в каракалпакском языке привлекали внимание советских лингвистов еще с 30-х годов.

Как известно, всестороннее и углубленное изучение каракалпакского языка и его морфологии началось в 50-е годы с выходом в свет капитальных монографических исследований Н. А. Баскакова и ряда других ученых, однако специальные исследования в области числительных не проводились. Работа А. Бекбергенова, посвященная этому вопросу, благодаря содержащемуся в ней всестороннему анализу категории числительных в каракалпакском языке представляет поэтому теоретический и практический интерес не только для каракалпакского языкознания, но и для тюркологии в целом.

В первой главе монографии даются общая характеристика числительных и этимологический анализ названий чисел в тюркских языках, излагаются различные мнения ученых по этому вопросу.

На основе сравнения каракалпакских числительных с числительными других тюркских языков А. Бекбергенев приходит к выводу, что названия чисел и их этимология в древности были общими для всех тюрк-

ских языков, а в процессе исторического развития они не претерпели существенных изменений, приобрета лишь фонетические отличия, соответственно условиям развития того или иного языка тюркской системы.

Лексико-семантические особенности числительных исследуются во второй главе работы.

Имя числительное выражает отвлеченное понятие счета, его значение конкретизируется лишь тогда, когда оно обозначает счет определенных предметов и явлений.

По мнению ряда ученых, имена числительные выделились в особую часть речи из других именных слов и, утратив свое предметное значение, стали обозначать чистое количество, абстрактное число.

Используя обширный фактический материал, А. Бекбергенев классифицирует числительные каракалпакского языка на основе их семантики, а также некоторых грамматических форм, выделяя шесть разрядов: количественные, порядковые, собирательные, разделительные, дробные и числительные дробного счета.

Рассматривая в третьей главе морфологические особенности имен числительных, автор приходит к заключению, что они не образуются от других частей речи, а являются в основном неизменяемыми корневыми словами.

По своему морфологическому составу имена числительные разделяются на простые, сложные, составные и парные (парноповторные).

В свою очередь простые числительные состоят из корневых (*бир, еки, он, отыз* 'один', 'два', 'десять', 'тридцать' и др.) и производных, образованных формообразую-

шими аффиксами: *төртинчи, жүзлеген, мындай* и т. д.

Формообразующие и словоизменяющие аффиксы в составных числительных прибавляются к последнему компоненту: *үш жүз сексен екинчи* 'триста восемьдесят второй', *бир жүз алпыстай* 'около ста шестидесяти' и т. д.

Автор справедливо утверждает, что парные числительные образуются путем парного употребления двух числительных и выражают значение приблизительности. При этом первый компонент парных числительных всегда меньше второго: *бес-алты* 'пять-шесть', *елли-алпыс* 'пятьдесят-шестьдесят' и т. д.

В каракалпакском языке для образования порядковых числительных употребляется аффикс: *-ланыш/-ленчи, -ленчи/-ленджи*. Указанные формы характерны также для письменных памятников каракалпакского языка и его южного диалекта. Сравнивая полученные данные, автор приходит к правильному выводу, что этот аффикс в современном каракалпакском языке встречается крайне редко и сохранился только в числительном *жигирмаланыш* 'двадцатый'.

Все разряды числительных (кроме раздельных), употребляемые без определяемого слова, способны оформляться аффиксами принадлежности, например: *жигирманда елиң жайнап өзгерди* 'за двадцать лет край твой преобразился', *үшеуңе ыргызаман* 'доволен вами тремя' и т. п.

Характерной особенностью имен числительных является и склонение субстантивированных числительных.

Утратив конкретное числовое значение, некоторые числительные могут: а) субстантивироваться: *алпыс алты* 'шестьдесят шесть', *жигирма бир* 'двадцать одна' (названия карточных игр), *жети* 'неделя' *екинчи* 'второе блюдо'; б) адъективироваться:

жетинчи шыра 'семилинейная лампа'; в) адвербиализироваться: *екинчи келме* 'вторично не приходи'.

В третьей главе рассматриваются и синтаксические особенности числительных.

Так как имена числительные обозначают количество предметов, их основная функция в предложении — определение, и в этой роли выступают все разряды числительных, кроме собирательных и некоторых дробных.

Употребляясь в предложении без определяемых слов, числительные (особенно собирательные) в основном падеже выполняют функцию подлежащего: *биреуи кетсе, екинчиси келеди* 'уходит первый, приходит второй', *үштен бири қырылды* 'одна треть погибла'.

В роли сказуемого числительные выступают в тех случаях, когда выражают конкретное количество предметов: *сыйыры бир жүз елли* 'коров сто пятьдесят', *мениң жасым сегизде* 'мне восемь лет'.

Субстантивированные числительные выполняют роль дополнения: *оныңшыны от-лично питкердим* 'десятый класс окончил (а) на «отлично»', *үшеуңе де ой келмеді* 'и (всем) троем в голову не пришло'.

Кроме этого, выступая в роли обстоятельств, числительные выражают различные меры количества, веса, времени и пространства: *машиналар екеу-екеуден бөлінді* 'машины разделились по две', *үш күн ем: ислеймен* 'буду лечить три дня' и т. д.

Анализ лексико-семантических, морфологических и синтаксических особенностей числительных позволяет сделать вывод, что имя числительное в каракалпакском языке является самостоятельной частью речи. Монография А. Бекбергенова открывает новые возможности в исследовании этой грамматической категории.

У. Д. Доспанов

«ЯЗЫК БАЧАТСКИХ ТЕЛЕУТОВ»

ИЗД-ВО КЕМЕРОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. КЕМЕРОВО, 1976, 133 стр.

Рецензируемый сборник статей молодых языковедов К. В. Меркурьева и Г. Г. Фисаковой посвящен фонетике и морфологии языка бачатских телеутов¹.

Книга дает относительно полное представление об особенностях консонантной системы, прилагательных, местоимений, ряда

глагольных форм, а также о своеобразии системы склонения языка бачатских телеутов². В конце сборника помещено несколько образцов фольклора: поговорки — *ülger*, загадки — *tabyşqaq* и наставления — *alqyş*.

² См. другие публикации этих же авторов: К. В. Меркурьев. Шумные консонанты языка бачатских телеутов. — «Ученые записки Кемеровского педагогического института», вып. 24. Кемерово, 1970, стр. 42—46;

¹ Бачатские телеуты живут в Беловском районе Кемеровской области.

Приятно отметить, что публикации по алтайской диалектологии появились в Кемерово, городе, где несколько лет проводились исследования по шорскому языку³. Книга имеет значительную познавательную ценность: в науку вводится новый фактический материал и дается его интерпретация на основе инструментальных данных (фонетика) и сравнительного анализа (морфология).

Из трех статей по фонетике (автор К. В. Меркурьев) в двух затрагиваются вопросы структуры подсистемы смычных, основанной на противопоставлении долгих и кратких, что выявляется соответственно в интервокальной и постконсонантной позициях после *l, g, m, n, p*.

Не решаясь оценивать методику инструментального анализа, использованную К. В. Меркурьевым, и количественные результаты эксперимента, проиллюстрированные таблицами, так как это входит в компетенцию специалистов по инструментальной фонетике, все-таки заметим, что выявленные автором характеристики смычных представляют несомненный интерес для типологического изучения консонантных систем тюркских языков Сибири.

В третьей статье К. В. Меркурьева трактуются малошумные согласные *m, n, ŋ, p*, (среднеязычный носовой), *l* и *g*, при этом им дается характеристика всех позиционно-комбинаторных оттенков. Автор отмечает, что «малошумные консонанты ограничены в

своем позиционно-комбинаторном употреблении, особенно в инициальной позиции». Примечательна фонема *p'*, репрезентируемая как носовой среднеязычный согласный и отмеченная только в трех лексемах: *qan'i* 'куда', *тып'i* 'сюда', *p'e* 'что'.

В статье Г. Г. Фисаковой о некоторых падежах-новообразованиях приведены сведения об орудном, продольно-сравнительном и сравнительном падежах. Особенно интересен материал о форме на *-ča* (продольно-сравнительный падеж, *č* — среднеязычный смычно-щелевой), так как эта морфологическая особенность сближает язык бачатских телеутов с хакасским, тувинским, халаджским, отчасти татарским и некоторыми другими языками.

По нашему мнению, орудный падеж в языке бачатских телеутов еще окончательно не сложился: при основах типа *köl* 'озеро' зафиксирован послелог *тыпаң*, а не его передний вариант; тот же *тыпаң* употребляется с местоимением в винительном падеже (*тепи тыпаң* 'со мной').

В статье, посвященной рассмотрению форм прошедшего и будущего времени, Г. Г. Фисакова отмечает ряд особенностей, присущих языку бачатских телеутов: аффикс *-q* вместо алтайского *-bus, -s*, в 1-м лице множественного числа прошедшего времени на *-tъ* и преждепрошедшего времени; *sep alıan* во 2-м лице единственного числа преждепрошедшего времени на *-ıan*, отрицательную форму будущего времени типа *albassım* 'я не возьму' (ср. *albassın* 'ты не возьмешь'), где согласный в интервокальном положении не озвончается⁴; неполноту парадигмы настояще-будущего времени на *-at*: 1-е лицо единственного и множественного числа (правда, вопрос о существовании форм 2-го и 3-го лица автор пока оставила открытым).

В статье Г. Г. Фисаковой о вспомогательных глаголах некоторое сомнение вызывает объяснение формы *qylat*, в которой автор усматривает глагол *qyl-* 'делать'. Мы склонны вслед за авторами «Грамматики алтайского языка» (1869) и В. В. Радловым объяснять *qylat* < *kele-jat* или *kälip jat* > *qyla:t, qla:t*. Такая трактовка, на наш взгляд, хорошо согласуется и со смыслом иллюстративных примеров: *qojlor tui:dan tüš qyladılar* 'овцы спускаются с горы' и т. д.

Хочется надеяться, что К. В. Меркурьев и Г. Г. Фисакова продолжат изучение языка бачатских телеутов и тогда яснее выявится его статус (язык или изолированный говор?) и дифференциальные классификационные признаки.

Л. С. Левитская

его же. Сонорные (малошумные) консонанты языка бачатских телеутов. — Там же, стр. 36—41; *его же*. Инвентарь согласных фонем и их дистрибуция в языке бачатских телеутов. — В сб.: «Вопросы языка и литературы народов Сибири». Новосибирск. 1974, стр. 49—64; *его же*. Бачатско-телеутский консонантизм. Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1975; Г. Г. Фисакова. Имя числительное в говоре бачатских телеутов. — В сб.: «Исследования по языкам Сибири». Новосибирск, 1976, стр. 106—112; *ее же*. Повелительное, условное и сослагательное наклонения в говоре бачатских телеутов. — Там же, стр. 113—117; *ее же*. Некоторые фонетические, грамматические и лексические особенности говора бачатских телеутов. — В сб.: «Вопросы тюркской филологии». Кемерово, 1973, стр. 69—84; *ее же*. Местоимения в говоре бачатских телеутов. — В сб.: «Актуальные проблемы лексикологии и словообразования». вып. IV. Новосибирск, 1975, стр. 125—134; *ее же*. Образование настоящего времени данного момента в говоре бачатских телеутов. — «Происхождение аборигенов Сибири и их языка». Томск, 1976, стр. 76—80; *ее же*. Послелоги в языке бачатских телеутов. — «Советская тюркология». 1977, № 1.

³ См. работы М. А. Абдрахманова и Э. Ф. Чиспиякова.

⁴ Нельзя ли сопоставить бачатско-телеутское *albassım* с барабинским *almasıym* < *almas-t-ıym* и, таким образом, рассматривать *ss* как результат ассимиляции?

Т. АЙДАРОВ. ҚАЗАҚ ТІЛІНІҢ ЛЕКСИКАЛЫҚ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

АЛМАТЫ. 1975, 185 стр.

Исследование лексических богатств многочисленных тюркских языков и их диалектов — одна из актуальных задач современной тюркологии. Новые лексикологические данные, вводимые в обиход тюркологическими исследованиями, сплошь и рядом заставляют ученых пересматривать утвердившиеся привычные представления о тюркских языках.

Монография доцента Ташкентского государственного института им. Низами Т. Айдарова, много лет изучавшего язык казахов, проживающих на территории Узбекистана, — первое специальное исследование, посвященное изучению лексики казахских говоров Узбекистана.

Книга состоит из введения, пяти глав и заключения. Во введении автор указывает, что основная задача работы — показать лексические особенности языка казахов Узбекистана, который, по его мнению, следует рассматривать как отдельный диалект казахского языка.

В первой главе — «Краткие сведения об особенностях языка казахов Узбекистана» излагается целый комплекс вопросов: география местных особенностей; история исследования объекта; этнический состав носителей говоров; общие черты в грамматике, лексике и фонетике говоров и их количественный состав.

Центральную часть книги составляет вторая глава — «Лексика казахских говоров Узбекистана», в которой раздельно исследуются названия предметов и явлений, названия качеств, словá, обозначающие действие и состояния.

В последних трех главах рассматриваются особенности фразеологии, собственных имен, заимствований. В конце книги даны заключение и библиография использованной литературы.

Отличительной особенностью рецензируемой работы является изучение языка в непосредственной связи с историей народа. Это позволяет объяснить возникновение многих лексических явлений в казахском языке, отражающих историческое прошлое и настоящее казахов Узбекистана.

Монография Т. Айдарова содержит богатый материал по этнографии казахов. Во многих случаях Т. Айдаров приходит к новым выводам. Он дает более достоверную этимологию таких этнонимов, как *санчкли*, *кунжарат*, *кипчак*, *катаган*, *дархан*, *дурмен*. В работе получили отражение некоторые пласты разговорной лексики из области ономастики, названий сооружений и предметов быта. Давая толкование истории формирования некоторых слов, автор основывается на надежных источниках. Так, например, общетюркское слово *аса* издавна употреб-

ляется во многих тюркских языках и одновременно присутствует в ряде новообразований. В изучаемых говорах на основе *аса* появились слова *qudaša* (*quda + asa < quda + asa*) 'молодая родственница одного из супругов', *žeñeše* (*< žaqa + asa*) 'свуха' и др. В дальнейшем компонент *аса*, превратившись в аффикс *-ša* в казахском литературном языке, в какой-то мере активизировался и в настоящее время выполняет функцию терминообразующего аффикса: *azamatša* (*< azamat + asa*) 'гражданин'. Происхождение казахского термина родства *ārše* (*< ara + asa*) 'тетка' тоже связано с компонентом *аса*. Этот термин в парктском говоре узбекского языка сохраняет прежнюю форму *ār-asa*.

В монографии приводятся оригинальные суждения и относительно происхождения казахских терминов родства *āke* 'отец', *kūke* 'старший брат или отец', *šeše* 'бабушка или мать', *taqa* 'дядя со стороны матери' и др. Сопоставительный анализ этих терминов указывает на то, что большинство из них носит общетюркский характер. Интересно также исследование происхождения кличек и псевдонимов. Эта область ономастики непосредственно связана со спецификой психического склада отдельных тюркских народов.

Богатый материал приводится в монографии по территориально-профессиональной лексике, названию деталей сооружений, предметов домашнего обихода и кустарно-ювелирных, а также швейно-декоративных изделий. Для выяснения значения и этимологии многих терминов автор обращается к материалам узбекского языка и их диалектов. Успешны толкования автором редчайших терминов швейного дела и узорного шитья. Т. Айдаров впервые дал научное толкование названий одиннадцати способов шитья и двадцати одного способа составления узоров из лоскутов.

В последнее время в узбекской периодической печати и в передачах по радио стало часто употребляться парное слово *čirap-čiliq*. Слово *čirap* 'чабан' общезвестно и заимствовано русским языком. Смысл второго компонента *čiliq* до последнего времени оставался неясным, и *čirap-čiliq* означало «овцевод». Согласно толкованию Т. Айдарова, *čiliq* 'помощник чабана или второй чабан' (стр. 83).

Убедительное объяснение получили и некоторые местные топонимы, такие, например, как *Qičliq*, *Yuqa* и др. (стр. 15—16, 28).

Наряду с чисто казахской спецификой лексики рассматриваемого региона отражает взаимодействие казахских говоров с языками соседних народов.

Естественно, что в языке казахов, проживающих в Узбекистане, весьма заметно влияние узбекского языка и его говоров. Этому обстоятельству Т. Айдаров уделяет особое внимание. Влияние окружающей языковой стихии выражается прежде всего в употреблении некоторых узбекских слов и словосочетаний, оформленных, однако, в соответствии с фонетическими законами казахского языка. Отсутствующие в лексике казахского литературного языка устойчивые узбекские словосочетания *awz olmoq* 'развиваться', *koq gilmoq* 'подействовать' *gavo kirmoq* 'считать дозволенным', *voz keymoq* 'отказываться' и другие активно используются в изучаемых казахских говорах. Хорошее знание узбекского языка позволяет автору выявить аналогичные обороты и сочетания в речи казахов.

Т. Айдарову в своей монографии удалось выявить наиболее характерные лексические особенности изученных им говоров.

В работе содержатся также ценные материалы по сравнительной фонетике тюркских языков. Особый интерес представляют соответствия *š/č* (стр. 126), *-n/-m* (стр. 36), *-š/-d-* (стр. 86), выпадение *-r-* (82) и др.

Т. Айдаров не касается специально вопроса о так называемых «кыпчакизированных» говорах узбекского языка», однако из его книги следует, что распространенное среди узбековедов представление об этих говорах нуждается в серьезных дополнительных исследованиях для окончательного подтверждения этой концепции.

Некоторые выводы автора спорны, и с ними нельзя полностью согласиться.

К недостаткам работы следует отнести отсутствие четкой дифференциации особенностей профессиональной лексики и лексики территориальных говоров.

В установлении ряда этимологий Т. Айдарову следовало бы обращаться к данным иранских языков (персидского, таджикского).

В толковании этимологии слов *saramžal* < *saramžom* (стр. 135), *qušyrej* < *xušgruj* (стр. 139), *mojsäpit* < *mujsafid* (стр. 138) исследователь допускает неточности. По нашему мнению, *saramžom* возникло в результате слияния персидских слов *sar* (голова, главный) и *amžom* (предмет, вещь). Уже в

этом виде оно было заимствовано из персидского соседними тюркскими языками, в том числе и казахским, в котором претерпело некоторые фонетические изменения (*saramžom* > *saramžal* > *saramžaldy*). Не проверена предложенная автором этимология этого слова, якобы состоящего из слов *sar* и *žom*, соединенных аффиксом *ap* (стр. 135). Слово *qušyrej* также возникло в персидском языке путем слияния компонентов *xuš* 'веселый, приятный' и *gruj* 'лицо, вид', образовавших форму *xušgruj*. В узбекском литературном языке *xušgruj* означает «приятный, красивый», а в некоторых говорах употребляется в значении «приятный на вкус». В языке казахов, проживающих в Узбекистане, это слово встречается в фонетическом переформлении в форме *xušyrej*//*qušyrej* и употребляется в значении «приятное на вкус блюдо».

Слово *mojsapyt*//*mojsäpit* (< *mujsafid*//*mujsafed*) в таджикском и узбекском языках означает «белый волос», «белая борода», «белые усы» и т. п. В этом же значении оно заимствовано языком казахов Узбекистана. Поэтому не следует ограничивать значение слова *mojsapyt* лишь понятием «белый волос», ибо основное его значение — «белая борода» (ср. типологически сходное казахское *aqsaqal*).

В монографии встречаются неточности в написании сопоставляемых примеров из узбекского языка. Это, очевидно, связано с отсутствием в шрифтах издательств Казахстана специфических букв узбекского алфавита, *x*, *y*.

Указанные частные недочеты не умаляют общей ценности рецензируемой монографии.

Работа Т. Айдарова представляет собой ценный источник для изучения взаимовлияния и взаимопроникновения родственных и неродственных языков Средней Азии. Она, несомненно, с интересом будет встречена тюркологами, особенно историками языка и диалектологами, а многие отличающиеся новизной и свежестью выводы автора, думается, встретят одобрение и поддержку специалистов.

К. М. Мусаев, Ю. Абдувалиев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ КAVKAZA

5—7 мая 1977 года в Ordжоникидзе состоялась научная конференция по актуальным вопросам ономастики Кавказа, организованная Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР, Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР и Северо-Осетинским государственным университетом им. К. Л. Хетагурова.

В работе конференции приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, большинства союзных и автономных республик и областей.

На пленарном заседании конференции были заслушаны четыре доклада. Доклад *В. И. Абаева* (Москва) был посвящен отражению средневековой тюркской моды в антропонимии Осетии. Докладчик привел интересные данные о древнетюркских заимствованиях в осетинском языке, в котором, по его мнению, имеются группы тюркских антропонимических элементов. Он отметил, что в нартском эпосе сохранились древнетюркские этнонимы *огуз* (огуз), *авар*, *пезенег* (печенег), свидетельствующие о давних контактах предков осетин с тюркскими народами.

В. А. Никонов (Москва) в своем докладе «Пробелы и ошибки исследований ономастики Кавказа» указал на ошибочность классификации ономастических единиц по ономастическим признакам, допущенную во многих исследованиях по ономастике Кавказа, и выразил сожаление в связи с тем, что до сих пор не разработаны принципы и методы определения языковых пластов, стратифицирования и др. По мнению *В. А. Никонова*, исследователи не всегда четко представляют сущность понятия «ареал» применительно к топонимике.

В докладе *Б. А. Джорбенадзе* (Тбилиси) «Топонимическое значение и топоним» рассматривался один из существенных теоретических вопросов топонимики — взаимоотношение означаемого и означающего в названиях местностей.

Пленарное заседание завершилось докладом *Т. А. Гуриева* (Ordжоникидзе)

«Проблемы антропонимики нартского эпоса».

Работа секции Топонимия открылась докладом *А. А. Ахундова* (Баку) «Тюркская топонимия Азербайджана». По мнению докладчика, тюркскую топонимию Азербайджана необходимо рассматривать в двух аспектах, выделяя в ней два лексических пласта — общетюркскую топонимическую лексику и исконно азербайджанскую. По мнению *А. А. Ахундова*, к первой относятся все топонимы тюркского происхождения, возникшие до образования или же в период образования азербайджанского языка (как языка азербайджанской народности), большая часть которых входит в ономастический словарный ряд старовазбекского языка XIII—XVII веков. Исконная же азербайджанская лексика имеет сравнительно короткую историю. Возникновение ее совпадает со вторым этапом в истории азербайджанского литературного языка (XVIII век) и продолжается в наши дни.

Другие лексические пласты азербайджанской топонимии рассматривались в докладах *Г. А. Гейбуллаева* (Баку) и *Ч. Х. Мирзазаде* (Баку).

В докладе *Г. А. Гейбуллаева* «Иранский пласт в топонимии Азербайджана» было указано, что в составе современной топонимии Азербайджана имеются ираноязычные топонимы, которые по их происхождению можно разделить на две группы: а) топонимы, сложившиеся из персидских географических терминов, б) топонимы, образовавшиеся на основе языков иранских этнических групп Азербайджана — талышей, татов и курдов.

Доклад *Ч. Х. Мирзазаде* был посвящен арабским лексическим элементам в топонимии Азербайджана.

Всего на секции было прочитано 24 доклада.

Доклад *Ш. З. Бахтияева* (Баку) был посвящен этимологии топонима *Баку*. Как известно, этимология этого топонима окончательно еще не установлена. *С. А. Ашурбегли* топоним Баку связывает с древним

этнонимом *бака*, упоминаемым в Армянской географии VII века, а Али Гусейнзаде и другие — с тюркским географическим термином *баку* 'холм'. По мнению Ш. З. Бахтияева, топоним Баку происходит от слова *бакку*, состоящего из компонентов *бак* 'смотреть' и *ку* — аффикса отлагательных существительных с общим значением «к обзору», «к наблюдению».

А. Гусейнзаде в докладе «Происхождение топонима *Зых*» высказал мнение, что этот топоним восходит к этнониму *зых*, упоминаемому античными писателями. *Зых* — древнее название современных адыгов.

Как известно, значение многих микро-топонимов с компонентом *шам* до сих пор окончательно не выяснено. А. Г. Гасанов и С. М. Онуллахи (Баку) в докладе «Топоним *Шам*» доказывают, что это слово, означающее «болото», «заболоченные заросли тростника», представляет собой основной компонент таких топонимов, как *Шамахи*, *Шамхор*, *Дэршам* и др.

Н. Г. Мамедов и А. З. Исмаилова (Баку) в совместном докладе «О названиях населенных мест Нагорно-Карабахской автономной области» сообщили об итогах своих топонимических разысканий и дали анализ ойконимов одного из крупнейших регионов Азербайджана.

Сравнительное изучение топонимии Кавказа и Средней Азии получило отражение в докладе С. С. Губаевой (Фергана) «Кавказско-ферганские топонимические параллели». С. С. Губаева перечислила ряд географических названий, встречающихся как на Кавказе, так и в Ферганской долине, например: *Джалаир*, *Ахтачы*, *Узунлар* и др.

Топонимии Северного Кавказа были посвящены доклады А. Н. Абрегова (Майкоп) «Отражение наименований растений в топонимии Адыгеи, Караево-Черкесии, Кабардино-Балкарии», К. З. Чокаева (Грозный) «Из топонимии Чечено-Ингушетии», В. А. Очир-Горьева (Элиста) «Калмыцкие названия курганов» и др.

Привлекли внимание доклады Л. И. Лаврова (Ленинград) «Некоторые спорные вопросы северо-кавказской топонимии» и Дж. Б. Логашовой (Москва) «Из топонимии Прикаспия: Гилян».

Интересным был и доклад А. Р. Шихсаидова (Махачкала) «Локализация Филана». На основе сведений средневековых арабских авторов, в частности данных о маршрутах арабских войск и об этнонимах, докладчик высказал предположение, что часто упоминаемое арабскими писателями государственное образование *Филан* можно локализовать на территории известного в позднесредневековом Дагестане союза сельских общин Акуша-Дарго. На современной карте это территория Левашинского и Акушинского районов.

На заседаниях секции Антропонимия было заслушано и обсуждено 18 докладов. Темы докладов были посвящены вопросам теории антропонимики, методам изучения именника разных народов, взаимодействию

синхронии и диахронии в антропонимии, современным антропонимическим процессам, происходящим в языках различных народов Кавказского региона, поиску ономастических (антропонимических) универсалий, соотношению задач антропонимии с общеязыковыми и экстралингвистическими исследованиями. Образование собственных имен рассматривалось в различных аспектах: «Имя и общество», «Имя и религия», «Имя и фольклор» и т. д.

В докладе Т. З. Козыревой (Орджоникидзе) «Социально-исторические условия возникновения фамилий у осетин» были рассмотрены этапы формирования антропонимической категории фамильных имен в осетинской антропонимии. Опираясь на данные памятников письменности, докладчик отмечает возникновение осетинских фамильных образований к XIV веку, определяя их как исторически обусловленное явление в процессе развития антропонимической системы, возникшее в связи с объективными фактами социально-экономической жизни осетинского народа.

Результаты анализа имен новорожденных г. Моздока Северо-Осетинской АССР за 1948—1974 годы были представлены в докладе В. Д. Бондалетова (Пенза). Докладчик отметил частотность употребления наиболее распространенных в этот период личных имен, указав языковые источники их происхождения. Сопоставление статистической структуры осетинского именника с данными русского и тюркского (татарского) именников позволило докладчику обнаружить общность многих имен народов Советского Союза.

Этот вывод подтверждается и результатами сравнительно-сопоставительного изучения двух родственных (но тем не менее очень сходных) именников — русского и армянского, изложенными в совместном докладе В. Д. Бондалетова (Пенза) и Э. А. Григорян (Ереван) «Современный армянский именник в сопоставлении с русским».

Доклад В. А. Флоровской (Майкоп) был посвящен рассмотрению динамики русского и адыгейского именников в сравнительно-сопоставительном плане, выяснению их взаимовлияния (в единичных случаях адыгейского именника на русский и более значительного воздействия русского именника на адыгейский), а также анализу характера имен в национально-смешанных семьях.

В совместном докладе Т. В. Кошелевой и В. А. Флоровской «Перемены личных имен и фамилий» анализировались соответствующие материалы ЗАГСа г. Майкопа с 1960 по 1975 год.

Проблемы азербайджанской антропонимии нашли отражение в докладах К. Т. Рамазанова, Б. Т. Абдуллаева и И. З. Гаджиева (все Баку).

Доклад К. Т. Рамазанова «Личные имена азербайджанцев» был посвящен особенностям формирования системы личных имен у азербайджанцев. Докладчик рассмотрел разряды имен исконно азербайджанского

происхождения и заимствования из других языков.

«Принципы составления словаря азербайджанских личных имен» были изложены в докладе *Б. Т. Абдуллаева*. Объяснив необходимость создания такого словаря, Б. Т. Абдуллаев сказал об основной задаче, поставленной перед его составителями: собрать и систематизировать бытующие в народе азербайджанские личные имена, дать их правильное написание и научную справку о происхождении.

В докладе *И. З. Гаджиева* анализировалась существующая система прозвищ, а в докладе *З. А. Садыхова* (Хачмас, Азерб. ССР) — система именнорчества в азербайджанской антропонимии.

О методах образования агульских антропонимов рассказал в своем докладе *Н. Д. Сулейманов* (Махачкала).

В докладе *И. Х. Абдуллаева* (Махачкала) говорилось об источниках пополнения лакского именника. Как отметил докладчик, одним из таких источников являются слова прозвищного характера с формантом *-лав*, заимствованным из аварского языка.

Л. М. Афасижева (Майкоп) выступила с докладом «Грузинские личные имена в русских документах XVII века».

В докладе *В. В. Истоминой* (Майкоп) был дан сопоставительный анализ устойчивых сочетаний с компонентом-антропонимом в русском и адыгейском языках.

В. А. Флоровская (Майкоп) в докладе «Специфика современных прозвищ», используя антропонимические материалы Кубани, охарактеризовала современные индивидуальные прозвища, бытующие среди различных социальных групп населения (колхозников, рабочих, школьников и студентов).

Прозвища, характерные для речи студентов, а также источники и мотивы их возникновения рассматривались в докладе *Э. А. Григоряна* (Ереван).

Большой интерес вызвали доклады по калмыцкой антропонимии. Происхождение калмыцкого личного имени «Гаря» *М. У. Монраев* (Элиста) связывает с тотемическими верованиями, возводя это имя к тотему *перя* «ворона».

В докладе *Р. Л. Сельвиной* (Элиста) «Отражение древней символики чисел в калмыцкой антропонимии» были вскрыты корни древнейшей традиции наречения так называемыми числовыми антропонимами, что характерно не только для монголоязычных, но и для некоторых других народов.

Методы ономастического исследования Чокана Валиханова были изложены в докладе *О. А. Султаньяева* (Кокчетав).

На заседаниях секции Этнонимии и вопросы различных отраслей ономастики было заслушано 10 докладов: 8 — по этнонимии и два — по космонимии и зоонимии.

И. Г. Добродомов (Москва) в своем докладе «Булгарские элементы в северо-кавказской ономастике» указал на необходимость выделения в тюркской лексике своеобразного в фонетическом отношении булгарского пласта. Благодаря исторически сложившимся чертам булгарской фонетики, заметно отличающейся от фонетики других тюркских языков, этот лексический пласт легко обнаруживается.

Доклад *А. А. Алиева* (Баку) был посвящен огузским этнонимам Азербайджана. А. А. Алиев привел дополнительные сведения о происхождении некоторых тюркских этнонимов.

О хазарских этнонимах в топонимии Азербайджана говорил в своем докладе *Г. А. Гейбуллаев* (Баку). По мнению докладчика, названия хазарских племен *кабар*, *тарна* и *караджур* нашли отражение в таких этнонимах, как *Кеберли*, *Тарнагут* и *Карачорлу*, а к названиям хазарских городов *Баланджар* и *Итил* восходят названия таких ойконимов, как *Баладжары* и *Эдилли*.

Ш. З. Бахтиев (Баку) выступил с докладом «К этимологии этнонимов *кутургур* и *утургур*». По мнению докладчика, этимология этих древнебулгарских этнонимов может быть объяснена с точки зрения современного состояния тюркских языков. Этноним *кутургур* состоит из тюркск. *кутур* «странствовать, гулять (кочевать)» + аффикс *-гур*, и означает «кочевник», а *утургур* — состоит из тюркск. *утур* «сидеть, оседать» + аффикс *-гур*, что имеет значение «оседлые люди». *Д. Ш. Коков* (Нальчик) выступил с докладом «Адыгские этнонимы». Остановившись на основных вопросах современной и исторической этнонимии адыгов, он поделился опытом составления общего свода адыгских этнонимов.

Участники конференции подчеркнули важное значение изучения ономастики Кавказа и высказались за регулярное проведение подобных конференций. Было решено материалы конференции издать отдельным сборником.

А. А. Ахундов, Г. А. Гейбуллаев, Р. Л. Сельвина

«ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ТУРЦИЯ»

25—27 мая 1977 года в Тбилиси, в Институте востоковедения имени академика Г. В. Церетели Академии наук Грузинской ССР состоялась научная конференция «Великий Октябрь и Турция», посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

На двух пленарных заседаниях и в трех секциях (новейшей истории Турции, историографии и языкознания, литературоведения, эстетики) было заслушано около пятидесяти докладов специалистов из различных городов Советского Союза.

Данная информация посвящена работе пленарных заседаний и Секции языкознания, литературоведения, эстетики.

Академик А. Н. Кононов, выступивший с докладом «Турецкое языкознание в СССР за 60 лет (1917 — 1977)», дал обзор истории и современного состояния турецкого языкознания в СССР за 60 лет, показав большую и плодотворную работу, осуществляемую советскими туркологами-языковедами. Докладчик остановился также на задачах, стоящих перед советскими туркологами-лингвистами: 1) строго научное, основанное на современных технических достижениях, описание фонетического строя современного турецкого языка; 2) составление грамматики современного турецкого языка в сравнительно-историческом освещении; 3) составление истории турецкого языка; 4) продолжение работы по изучению словаря (преимущественно в лексическом плане) современного турецкого языка; 5) углубленное изучение турецкой диалектологии.

С. С. Джикия сделал доклад о состоянии изучения тюркских языков и литератур в Грузии, особо выделив работы в области турецкой и азербайджанской фонетики, морфологии, лексики, диалектологии. Большое внимание С. С. Джикия уделил литературоведческим исследованиям и проблеме художественного перевода.

С. Н. Утургаури в докладе «К вопросу о литературных связях на современном этапе» подчеркнула, что «углубленное исследование данной проблемы способствовало бы как выявлению национальной специфики турецкой литературы, так и установлению ее типологических связей с мировым литературным процессом». Докладчик отметила широкий интерес, проявляемый в Турции к советской литературе, развитие контактов между турецкими и советскими писателями и популярность произведений советских авторов в Турции. По мнению С. Н. Утургаури, турецкую литературу, «идущую собственным путем, повинувшись внутренней логике своего развития, в советской литературе привлекают прежде всего те идейно-художественные особенности, которые она сама стремится обрести».

В докладе Р. А. Аганина «Составление двуязычных словарей в СССР» были весьма подробно рассмотрены изданные в СССР

турецко-русские и русско-турецкие словари различного объема и типа.

Е. И. Маштакова в своем докладе «Проблемы турецкой средневековой литературы в советской туркологии» охарактеризовала последние десятилетия в развитии туркологии как «принципиально новый период в работе советских литературоведов-медиевистов». Отметив достижения советских туркологов, Е. И. Маштакова указала на ряд теоретических проблем, которые «требуют проведения исследований на новом, современном уровне развития науки». К таким важнейшим проблемам докладчиком были отнесены периодизация истории и типологическое изучение литературного развития.

С докладом «Влияние советской эстетики на эстетическую борьбу в турецкой литературе 30-х годов» выступила Н. А. Айзенштейн.

Отметив, что в 30-е годы турецкая литература, как и литература других стран Запада и Востока, переживала подлинное обновление, Н. А. Айзенштейн выделила характерные черты турецкой литературы этого времени: обращение к социальной тематике, демократизация жанра и литературного языка. По мнению докладчика, в развитии и обновлении турецкого «искусства и литературы значительная роль принадлежала советской литературе».

«Изучению турецкого рассказа в советском литературоведении» был посвящен доклад Н. С. Яковлевой, которая отметила, что исследованию этого жанра советскими туркологами предшествовал ряд исследований турецкой литературы и народной прозы Турции в дореволюционное время. Советский период турецкого литературоведения отличается более глубоким методологическим подходом к изучению литературного процесса в Турции, в основе которого лежит марксистско-ленинская теория познания общества — исторический материализм. Докладчик подробно рассмотрела два периода в развитии научных исследований о турецком рассказе в советское время: 1) с 1917 года по 1945 год; 2) с 1945 года по настоящее время.

В докладе Э. Э. Замановой «Распространение марксистско-ленинских эстетических идей в Турции (60—70-е годы)» отмечался рост интереса прогрессивной турецкой общественности к марксистско-ленинской эстетике и основным ее теоретическим положениям, что, по мнению докладчика, объясняется, с одной стороны, широким распространением марксистско-ленинских идей в среде прогрессивной интеллигенции во всех странах мира, в том числе и Турции, а с другой — относительной демократизацией общественной жизни страны после государственного переворота 27 мая 1960 года.

В центре внимания передовой турецкой интеллигенции в настоящее время — ряд актуальных проблем: отношение искусства

к политике, классовость и народность искусства, место и назначение художника в жизни общества, его ответственность перед народом, отношение творческой интеллигенции к культурному наследию прошлого и искусству социалистического реализма. Вместе с тем в докладе подчеркивалось, что «распространение марксистско-ленинских идей в Турции происходит далеко не гладко, а в острой идейной борьбе турецких эстетиков, теоретиков литературы и искусства, стоящих на научно-материалистических позициях, против различных проявлений ревизионистских и левоцентристских тенденций, которые находят свое выражение в ряде публикаций, изданных в Турции за последние годы».

Доклад *Г. И. Антелава* «Турецкое Лингвистическое Общество и вопросы реформы турецкой лексики» был посвящен деятельности названного Общества по организации и проведению языковой реформы, целью которой, как известно, является освобождение турецкого литературного языка от иноязычной (в основном арабской и персидской) лексики.

Об арабских письменных памятниках в древлехранилищах Грузии рассказала в своем докладе *Ц. А. Абуладзе*. Рукописные книги и документы на тюркских языках хранятся в Тбилиси в Институте рукописей

Академии наук Грузинской ССР, Центральном государственном историческом архиве, а также в историко-этнографических музеях Батуми, Кутаиси и Ахалциха.

Тюркские рукописи (300 единиц хранения) хронологически относятся к XV—XX векам и представляют собой сочинения по различным отраслям науки (литературе, истории, лингвистике, философии и т. д.), документы же (1000 единиц хранения) охватывают период XVI—XX веков. По своему содержанию — это в основном фирманы и указы султанов, владетельных пашей и беков; буирулты, хюджеты тбилисских и горийских кадиев, документы по истории внешней политики Османской империи периода оккупации турецкими войсками Закавказья (1724—1736 гг.) и русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и т. д.

Доклад *И. С. Гоциридзе* «Факир Байкурт — борец за права тружеников села» был посвящен творчеству видного представителя прогрессивной турецкой литературы, правдиво отобразившего в своих произведениях жизнь тружеников села Анатолии. Большой заслугой писателя следует считать и то, что в его романах впервые в турецкой литературе выведен образ крестьянки, борющейся за справедливость и лучшую долю.

Г. И. Антелава

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Л. В. Решетова (Ташкент). Грамматические особенности и семантическая наполняемость Instrumentalis'a в разносистемных языках 3
- Х. Г. Низматов (Бухара). Соотношение категорий падежа и принадлежности в языке тюркских памятников XI—XII веков 16

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- А. Н. Малехова (Ленинград). Личность автора в композиции поэмы «Lisan at-tajr («Язык птиц») Алишера Навои 25

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Ф. А. Ганиев (Казань). Методы и принципы изучения сложных слов 31
- К. М. Любимов (Москва). Система дееспричастий в современном турецком языке 36
- А. Гусейнзаде (Баку). Параллели огузских этнонимов в современной топонимии Азербайджанской ССР* 47

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- А. Моллаев (Ашхабад). Длительность однородных гласных в двусложных словах с одинаковой структурой 52
- А. Нурмухаммедов (Ашхабад). Некоторые замечания об огибающей спектра и классификации согласных 66
- Л. Ш. Арсланов (Елабуга). К вопросу о карагашском языке 73
- Х. Данияров (Сырдарья). Роль кыпчакских диалектов в развитии стилистической системы узбекского литературного языка в советский период 82
- А. Меметов (Ташкент). Об омонимии в крымско-татарском языке 88
- Р. Г. Ахметьянов (Казань). Древние тюрко-монгольские военно-феодалные термины в татарской свадебной терминологии 96
- Г. П. Петров (Чебоксары). О некоторых функциях интонации в чувашском языке 103
- С. С. Татубаев (Алма-Ата). Редукция, протеза, апокопа в казахской речи и пении 113

РЕЦЕНЗИИ

- Ф. Исхаков, А. Нурманов (Андижан). И. Расулов. Хозирги ўзбек адабий тилида бир составли гаплар 119
- У. Д. Доспанов (Нукус). А. Бекбергенев. Карақалпақ тилиндеги санлықлар 121
- Л. С. Левитская (Москва). «Язык бачатских телеутов» 122
- К. М. Мусаев, Ю. Абдувалиев (Москва). Т. Айдаров. Қазақ тілінің лексикалық ерекшеліктері 124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А. А. Ахундов, Г. А. Гейбуллаев (Баку), Р. Л. Сельвина (Элиста). Актуальные вопросы ономастики Кавказа 126
- Г. И. Антелава (Тбилиси). «Великий Октябрь и Турция» 129

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- L. V. Reshetova* (Tashkent). Grammatical peculiarities and semantic completeness of Instrumentalis in different systems of languages 3
- Kh. G. Nigmatov* (Bukhara). The relationship of categories of case and possession in the language of the turkic written records of the XI—XII-th centuries 16

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

- A. N. Malekhova* (Leningrad). The author's personality in the poem «Lisān at-tajr» («Birds' Language») by Alisher Navoi 25

DISCUSSIONS

- F. A. Ganiyev* (Kazan). Methods and principles of studying compound words 31
- K. M. Lubimov* (Moscow). The system of adverbial participles in modern Turkish language 36
- A. Guseinzada* (Baku). Parallels of oguz ethnonyms in modern toponymy of Azerbaijan SSR 47

REPORTS, SURVEYS

- A. Mollayev* (Ashkhabad). The length of homogeneous vowels in disyllabic words with identical structure 52
- A. Nurmukhammedov* (Ashkhabad). Some notes on round spectrum and classification of consonants 66
- L. Sh. Arslanov* (Yelabuga). Towards the problem of the Karagash language 73
- Kh. Daniyarov* (Syr-Darya). The Part of Kipchak dialects in the development of stylistic system of the Uzbek literary language in the Soviet period 82
- A. Memetov* (Tashkent). On the homonyms in the Crimean-tatar language 88
- R. G. Akhmetyanov* (Kazan). Ancient turkic-mongolian military-feudal terms in tatar wedding terminology 96
- G. P. Petrov* (Cheboksari). On some functions of intonation in the Chuvash language 103
- S. S. Tatubaiyev* (Alma-Ata). Reduction, prothesis, apocopa in Kazakh speech and singing 113

REVIEWS

- F. Iskhakov, A. Nurmanov* (Andijan). И. Расулов. Ҳозирги ўзбек адабий тилида бир составли гаплар 119
- U. D. Dospanov* (Nukus). А. Бекбергенов. Қарақалпақ тилиндеги санлықлар 121
- L. S. Levitskaya* (Moscow). «Язык бачатских телеутов» 122
- K. M. Musaiyev, Yu. Abduvaliyev* (Moscow). Т. Айдаров. Қазақ тілінің лексикалық ерекшеліктері 124

SCIENTIFIC LIFE

- A. A. Akhundov, G. A. Geibullaiyev* (Baku), *R. L. Selvina* (Elista). Actual problems of onomastics of Caucasus 126
- G. I. Antelava* (Tbilisi). «The Great October and Turkey» 129